Р. Ф. БРАНДТЪ,
Заслуженный Профессоръ Императорскаго Московскаго Университета.

ОБЗОРЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.

Краткая исторія литературы Болгарской, Сербской, Словенской и Чешской.

По запискамъ слушателей, редактированнымъ профессоромъ.

1-Е СТУД. ОБЩЕЖИТІЕ М.У.
8890
БИБЛІОТЕКА

Второе изданіе.

Изданіе Общества Взаимопомощи Студентовъ-Филологовъ И. М. У.

МОСКВА,
Типо-Литографія И. Ф. Смирнова. Бол. Дмитровка, домъ Чуксиной.
1915.

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОУЧИТЕЛЕЙ.

Возникновеніе письменности у славянъ тѣсно связано съ введеніемъ у нихъ христіанской религіи. Хотя мы имѣемъ нѣкоторыя указанія на болѣе раннюю, дохристіанскую, славянскую письменность, но всѣ они оказываются недостовѣрными. Такъ, въ одномъ памятникѣ чешской литературы, именно въ "Любушиномъ судѣ", упоминается о двухъ вѣщихъ дѣвахъ, которыя держатъ въ рукахъ "доски праводатныя" (доски съ законами). Но отсюда никакого вывода относительно существованія у чеховъ въ IX вѣкѣ письменности дѣлать нельзя, такъ какъ въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что "Любушинъ судъ" - памятникъ подложный.

Къ XI вѣку относится упоминаніе о буквахъ у Дитмара Мерзебургскаго, который, при описаніи одного языческаго храма балтійскихъ славянъ, говоритъ, что на идолахъ были вырѣзаны имена боговъ. Но и это свидѣтельство сомнительно: вѣдь письмена могли быть латинскими или германскими руна-

ми. Кромѣ того, эти буквы могли имѣть мѣсто только у балтійскихъ славянъ, а у остальныхъ славянъ ихъ, можетъ быть, и не было.

Еще мы имѣемъ свидѣтельство о какихъ-то русскихъ письменахъ, найденныхъ святымъ Кирилломъ въ Корсуни (въ одномъ его житіи), а также находимъ упоминанія о нихъ въ путешествіяхъ двухъ арабовъ. Эти упоминанія арабскихъ писателей, Ибнъ-Фодлана и Эль-Недима, относятся уже къ X вѣку. Но самое названіе "русскія" письмена надо у нихъ понимать иначе: должно быть, здѣсь подъ русскими разумѣются варяги, а письмена готскія.

Вспомнимъ еще извѣстное свидѣтельство черноризца Храбра (X вѣка): "Словене не имѣахѫ кънигъ, нъ чрьтами и рѣзами читахѫ и гатаахѫ, погани сѫще", и что послѣ крещенія имъ приходилось писать греческими и римскими письменами "безъ оустроѥнига".

Начало славянской письменности связывается съ просвѣтительной дѣятельностью первоучителей и на первыхъ порахъ выразилось 1) изобрѣтеніемъ славянской азбуки и 2) введеніемъ богослуженія на славянскомъ языкѣ. О дѣятельности Кирилла и Меѳодія мы имѣемъ обширную литературу, но все-таки многое изъ ихъ біографіи до сихъ поръ остается неяснымъ, и врядъ ли даже въ будущемъ представится возможность привести ее въ достаточную ясность, что зависитъ отъ свойства имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ. Старѣйшія

житія нашихъ святыхъ восходятъ къ началу X вѣка, но они дошли до насъ въ спискахъ - Кирилловскомъ 14-го вѣка, Мееодіевскомъ 12-го. Впрочемъ, они писаны довольно дѣловито и человѣкомъ, который, повидимому, жилъ въ мѣстѣ дѣятельности первоучителей, отчего имъ и дано названіе "Паннонскихъ". Это было доказано Александромъ Горскимъ("Москвитянинъ" III часть, 1848 г.). Но житіе все-таки не настоящій историческій памятникъ.

Еще менѣе для біографіи первоучителей даютъ ихъ "Похвала": онѣ написаны довольно реторично, поэтому мало содержательны и мало надежны.

Не заслуживаютъ полнаго довѣрія и папскія грамоты, которыя легко могли изображать дѣятельность Кирилла и Меѳодія не въ настоящемъ свѣтѣ. Извѣстно, что папы нѣсколько разъ мѣняли свое отношеніе къ дѣятельности первоучителей, то осуждая ее, то одобряя.

Жизнь св. св. Кирилла и Меѳодія, съ большей или меньшей достовѣрностью, можетъ быть представлена въ слѣдующихъ чертахъ. Родились они въ Солуни (или Селуни, Салоникахъ, Θессалоникѣ). Отца ихъ, человѣка знатнаго рода, военачальника, звали Львомъ. Константинъ именовался въ мірѣ Кирилломъ, монашество же онъ принялъ лишь незадолго до смерти; учился въ Царьградѣ у Льва и у Фотія будто бы вмѣстѣ съ малолѣтнимъ императоромъ Михаиломъ, съ коимъ они, однако, не были однихъ лѣтъ. Другой (правда, мало авторитетный) источникъ,

имѣетъ самого императора, говоритъ о его племянникѣ (сестричичѣ). Константину, преуспѣвшему во всѣхъ наукахъ, отчего онъ получилъ прозвище Философа, предстоялъ блестящій успѣхъ на государственной службѣ. Однако онъ отъ нея отказался: отказался онъ также и отъ выгоднаго брака, но принялъ санъ священника и должность книгохранителя при храмѣ св. Софіи.

Меѳодій (мірское имя котораго неизвѣстно, хотя въ виду обычая выбирать при постриженіи имя, начинающееся съ той же буквы, и въ виду обычности самого имени можно догадываться, что его звали Михаиломъ) состоялъ на военной службѣ и былъ правителемъ одной македонской области (княжение словѣньско); затѣмъ постригся на Олимпѣ малоазіи-скомъ, близъ Прусса (Еруссы).

Двадцати четырехъ лѣтъ Константинъ посѣдоносно препирался съ патріархомъ-иконоборцемъ Аннисомъ (Іоанномъ). Послѣ императоръ послалъ его для подобнаго же состязанія къ арабамъ; по словамъ житія, это были "агарѣне, наричаемии срацини, мудраа чадь, къниге наоучена, геометрии, и астрономии и прочиимь оучениѥ емь". Послѣ того онъ удалился на отдыхъ къ брату въ монастырь. Но оттуда онъ былъ вызванъ и посланъ съ новою духовною миссіей къ хозарамъ. По пути, въ Корсуни, онъ открылъ мощи скончавшагося тамъ папы Климента, которыя и взялъ съ собою на обратномъ пути.

По возвращеніи его въ Царьградъ въ 862-мъ году при-

было посольство моравскаго князя Ростислава, просившаго прислать учителей, которые могли бы просвѣщать его уже крещенный народъ на славянскомъ языкѣ. При этомъ Ростиславъ, какъ надо полагать, преслѣдовалъ цѣль политическую: сблизившись съ Византіей, освободиться изъ-подъ власти германо-римской имперіи. Михаилъ послалъ въ Моравію Константина съ Меѳодіемъ, такъ какъ они, будучи солунскими уроженцами, прекрасно знали по-славянски: "вы бо ѥста селоунѣина (читается въ житіи), да селоунѣе вьси чисто словѣньскы бесѣдоуѫ тъ."

Изъ этого мѣста дѣлалось заключеніе, что по крови славянскіе первоучители не были славянами, но мнѣ это кажется неосновательнымъ. Едва ли солунскіе греки хорошо владѣли славянскимъ языкомъ; хорошо владѣвшихъ имъ, вѣроятно, слѣдуетъ считать славянами (если употребить позднѣйшее имя - болгарами), которые, однако, особенно получивъ византійское образованіе, и для императора, и для себя самихъ были византійцами, римлянами ("ромеями").

Болѣе вѣское возраженіе противъ славянскаго происхожденія первоучителей представляетъ одно мѣсто Меѳодіева житія, то, гдѣ говорится о воеводствѣ Меѳодія. Авторъ высказываетъ слѣдующее соображеніе насчетъ участія въ его назначеніи промысла Божія: рекѫ же азъ, ꙗко призьрѧ ,како и хотѣша оучителѧ словѣномъ посълати прьваго архиѥпископа, да бы прооучилъ сѧ вьсѣмъ обича-ѥмъ сло-

вѣньскыимъ и обыкль ѧ помалоу." Этому мѣсту, однако, противорѣчитъ другое мѣсто - выраженіе, коимъ Меѳодій, видимо, какъ славянинъ, противополагается грекамъ. - "грьци любѧ вте и издѣтьска." Тамъ, правда, имѣется иное, по моему, неудовлетворительное, чтеніе: пьрьци - causidici, адвокаты, отъ пьрѧ - препирательство, споръ, процессъ.

Для своего просвѣтительнаго дѣла Кириллъ прежде всего изобрѣлъ славянскія письмена и сталъ переводить богослужебныя книги, начавъ съ евангелія, а именно съ 1-ой главы Іоанна, т.е. съ евангелія недѣльнаго, евангелія-апракосъ.

Въ Моравіи дѣятельность святыхъ братьевъ имѣла большой успѣхъ, но вызвала противодѣйствіе латинскаго духовенства, которое обжаловало ихъ передъ папой Николаемъ I, и тотъ потребовалъ ихъ для отвѣта въ Римъ. Братья поѣхали туда и повезли съ собою мощи св. Климента. Николая они не застали уже въ живыхъ, а преемникъ его, Адріанъ II-ой, принялъ ихъ благосклонно и призналъ ихъ правоту. Константинъ изъ Рима не вернулся: онъ тамъ заболѣлъ и скончался въ 869 г., принявъ за 50 дней до смерти монашество.

Меѳодій возвращается къ славянамъ во время войны, поднятой противъ Ростислава племянникомъ его, Святополкомъ, и находитъ пріютъ у паннонскаго (блатенскаго, по озеру Блатному, по-мадьярски Балатонъ) князя Коцела. Вернувшись потомъ въ Моравію епископомъ, Меѳодій опять подвергается преслѣдованію латино-нѣмецкаго духовенства:

зальцбургскій епископъ созываетъ соборъ и объявляетъ Меѳодія еретикомъ. Послѣдній попадаетъ даже въ темницу. Новый князь Святополкъ не былъ такимъ сторонникомъ Меѳодія, какъ Ростиславъ, но Іоаннъ VIII, по просьбѣ моравянъ, велѣлъ его освободить. Вновь очерненный передъ папою, Меѳодій вторично ѣдетъ въ Римъ, гдѣ ему удалось совершенно оправдаться, а затѣмъ возвращается къ своей паствѣ, среди которой умираетъ въ 885-мъ году.

ВОПРОСЪ О СЛАВЯНСКОМЪ ПИСЬМѢ.

Въ связи съ обозрѣніемъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ о славянскомъ письмѣ, который, безспорно, занимаетъ очень важное мѣсто. Изобрѣтеніе славянскаго письма приписывается Кириллу, хотя вмѣсто него или же рядомъ съ нимъ иногда встрѣчается и имя Меѳодія. Тутъ могла сказаться привычка смотрѣть на Меѳодія, какъ на постояннаго сотрудника Кирилла, а также и то, что для западной церкви главнымъ проводникомъ славянской письменности являлся именно Меѳодій.

Славянскихъ азбуки два: кириллица и глаголица. Которую же изъ нихъ изобрѣлъ святой Кириллъ? По одному названію судить нельзя, потому что достовѣрно не извѣстно, восходитъ ли оно къ древнимъ временамъ. Названіе "Кириллица" есть въ записи при "Книгѣ пророковъ" Ярослава Мудраго, 1047-го

года, дошедшемъ до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ, воспроизводящихъ и запись: но его упоминаніе о "кауриловицѣ", хотя и можно понимать такъ, что здѣсь кирилловское письмо противополагается,тоже, значитъ, заходившему на Русь,глаголическому, но возможно, что просто говорится о древней книгѣ, связанной съ дѣятельностью святого Кирилла, или даже, напротивъ, подъ "кауриловицей" разумѣется глаголица, какъ настоящее кирилловское письмо, которое противополагается обычному болгаро-русскому письму.

Названіе "глаголица" появляется только въ XVI вѣкѣ. Существуютъ различныя толкованія этого термина. 1) Можетъ быть, въ основѣ его лежитъ слово "глаголъ", которое могло обозначать букву, какъ у сербовъ речевіе "слово"; тогда глаголица есть собраніе буквъ, "азбука". 2) Слово "глагольскій", можетъ быть, есть переводъ "словѣньскъ", понимаемаго, какъ "словесный". 3) Подобно тому, какъ слово "азбука" складывается изъ названій первыхъ буквъ алфавита, такъ слово "глаголица" могло образоваться отъ первыхъ четырехъ, такъ что представляетъ сокращеніе изъ "азбукиведиглаголица". 4) "Глаголическій", или "глаголитскій", какъ латинское слово glagoliticus, производятъ отъ слова "глаголати", нерѣдкаго въ церковныхъ текстахъ, но сербо-хорватамъ непривычнаго, что и могло повести къ надѣленію славянскихъ священниковъ шуточнымъ прозваніемъ "глаголитовъ" (glagolitae).

Уже при бѣгломъ сравненіи можно убѣдиться въ томъ, что обѣ азбуки находятся между собой въ связи. Выводятся онѣ одна изъ другой или же каждая порознь изъ греческой. Только греческимъ вліяніемъ объясняется существованіе двухбуквеннаго знака оу (оникъ) для простого звука, двухъ буквъ для одного звука - і : *И* и *Ї*, о : *о* и *ѡ*. Кириллица - это греческое церковное, уставное письмо IX-го вѣка. Сходство между этими двумя азбуками такъ велико, что древнѣйшую кириллическую рукопись на первый взглядъ можно принять за греческую.

Какая же изъ двухъ славянскихъ азбукъ древнѣе? Этотъ вопросъ первоначально рѣшался въ пользу кириллицы, но въ 18 столѣтіи чешскій ученый Добнеръ старался доказать, что болѣе древней азбукой является глаголическая. Мнѣніе Добнера оспаривалъ въ 1808 году другой чехъ, прозванный патріархомъ славистики, Доровскій, ссылаясь на то, что древнихъ глаголическихъ рукописей совсѣмъ нѣтъ. Правда, имѣлось извѣстіе, что существовала псалтырь Николая Рабскаго (Рабъ - островъ на Адріатическомъ морѣ, по-итальянски Arbe), въ которой значилось, что она была переписана въ 1222-мъ году съ болѣе древняго оригинала, писаннаго для Федора, епископа Солинскаго, а городъ Солинъ (Salona) былъ разрушенъ въ VII столѣтіи, - слѣдовательно, упомянутый оригиналъ восходилъ къ давнему времени. Этому извѣстію о существованіи древнѣйшей глаголической рукописи Добров-

скій,однако,не довѣрялъ, такъ какъ подъ епископомъ Солинскимъ легко могъ разумѣться болѣе поздній епископъ Сплѣтскій (Сплѣтъ, по-итальянски Spalato), какъ носившій титулъ Солинскаго. Кромѣ того, нѣтъ никакихъ доказательствъ того, что подлинникъ, съ котораго списана псалтырь, былъ глаголическимъ - онъ могъ быть и кирилловскимъ.

Употребленіе глаголицы съ достовѣрностью можно было тогда отнести лишь къ XIII столѣтію. Правда, въ папской буллѣ 1248 года разрѣшающей употребленіе глаголицы, говорится, что это - особое письмо, которое священники считаютъ полученнымъ отъ святого Іеронима;но это утвержденіе, возводящее глаголицу къ IV вѣку, совсѣмъ фантастично, и представляетъ или благочестивый обманъ, или же - смѣшеніе блаженнаго (для католиковъ - святого) Іеронима, переводчика Библіи на латинскій языкъ, со славянскимъ переводчикомъ Кирилломъ. Впослѣдствіи, однако, нашлись несомнѣнно древніе глаголическіе памятники. Въ 1836 году Копитаръ издалъ Клоцову рукопись, а въ дальнѣйшемъ было обнаружено еще нѣсколько глаголическихъ памятниковъ Е.И.Григоровичемъ. Копитаръ и Григоровичъ уже склонялись къ признанію большей древности глаголицы. Это мнѣніе впослѣдствіи было подробно развито чешскимъ ученымъ Шафарикомъ, въ 1858 году, прежде высказывавшимъ иные взгляды. Особенно побудило Шафарика къ такому пониманію открытіе "Пражскихъ отрывковъ" XI вѣка, которые были имъ изданы въ 1857 году. Теорія Шафари-

ка, а также его прежніе взгляды на славянскія азбуки изложены въ моей статьѣ : "Павелъ Іосифъ Шафарикъ, какъ изслѣдователь славянскихъ языковъ и письменъ" (Докладъ въ Моск. Арх. Обществѣ, помѣщенный въ "Извѣстіяхъ"ея Славянской комиссіи).

Въ общихъ чертахъ доводы Шафарика сводятся къ слѣдующему: 1) большая архаичность языка глаголическихъ рукописей, между прочимъ употребленіе простыхъ аористовъ (аористъ - прошедшее общее, разсказное, равносильное французскому passé défini), т.е., напримѣръ, и д ъ вмѣсто и д о х ъ. Однако такое сопоставленіе формъ ничего не доказываетъ, потому что варіантъ и д о х ъ тоже восходитъ къ праславянскому языку. Оба эти аориста сохранялись въ чешскомъ письмѣ даже въ 13-14 столѣтіи. Самъ Шафарикъ раньше говорилъ, что архаичность языка можетъ зависѣть не только отъ древности рукописи, но и отъ архаичности даннаго говора. Шафарикъ указываетъ еще и на другой архаизмъ: б р а т р ъ вмѣсто б р а т ъ , не считаясь съ тѣмъ, что обѣ формы должны быть возводимы къ праславянской порѣ и развились изъ первоначальнаго б р а т ѣ , род. б р а т р е , ср. греческ. φράτωρ , лат. frater, род. fratris. Фонема б р а т ъ основана на первоначальномъ назывномъ падежѣ и на зовномъ - б р а т е , изъ bhrāterm, а фонема б р а т р ъ создалась подъ вліяніемъ косвенныхъ. Это bratr существуетъ и въ настоящее время, напр., у чеховъ.

2) Слѣды глаголицы видны въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ памятникахъ, напр., въ "13 Словахъ Григорія Богослова", гдѣ встрѣчаются глаголическія буквы. 3) Кромѣ того, въ кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчается употребленіе цифровыхъ буквъ въ глаголическомъ смыслѣ, напримѣръ, Г является въ значеніи 4, Д - 5, какъ глаголическія ⰳ , ⰴ тогда какъ въ кирилловской азбукѣ Г = 3, Д = 4. Обратныхъ же случаевъ, замѣны глаголическихъ цифръ кирилловскими, нѣтъ. 4) Древность глаголицы доказывается существованіемъ палимпсестовъ или, вѣрнѣе, одного палимпсеста - Боянскаго. На немъ сквозь кирилловское письмо XII-XIII вѣка замѣтны нѣкоторые слѣды стертаго глаголическаго. Боянскій палимпсестъ найденъ Григоровичемъ въ селѣ Боянѣ, близъ Софіи, а хранится въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ.

Есть еще одинъ доводъ, какъ бы говорящій въ пользу глаголицы, - указаніе на глаголическую подпись монаха Иверскаго монастыря Георгія на греческой грамотѣ, которая относится къ 982 году. Этотъ доводъ являлся самымъ вѣскимъ, но теперь его слѣдуетъ отвергнуть, потому что подпись, о которой идетъ рѣчь, вовсе не глаголическая, а греческая. Теперь, напротивъ, древнѣйшій памятникъ славянской письменности, именно не очень давно открытая "Надпись царя Самуила" 997 года, - кирилловскій.

Возраженія теоріи Шафарика подробно изложены въ статьѣ Алексѣя Егоровича Викторова: "Послѣднее мнѣніе Шафари-

ка о глаголицѣ" (См. "лѣтописи русской литературы и древностей", 1859 г.).

Шафарикъ въ своемъ послѣднемъ мнѣніи остановился на положеніи, что Кириллъ изобрѣлъ глаголицу, а ученикъ его Климентъ, епископъ Велицкій (Велица - въ Македоніи), про коего его краткое житіе говоритъ: "ἐσοφίσατο δὲ καὶ χαρακτῆρες γραμμάτων ἑτέρους πρὸς τὸ σαφέστερον ἢ οὓς εὗρεν ὁ σοφὸς Κύριλλος". - болѣе ясную кириллицу (Раньше Шафарикъ предполагалъ обратное).

Впрочемъ, соотношеніе между кириллицей и глаголицей понимается теперь иначе, чѣмъ понималось въ прежнее время. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что глаголица есть тоже греческое письмо, а именно видоизмѣненіе греческаго курсива IX вѣка (по мнѣнію нѣкоторыхъ, VIII-го или даже VII-го), о чемъ, впрочемъ, мелькомъ упоминалъ уже Шафарикъ. Особенно убѣдительно доказываютъ эту связь двѣ буквы: "глаголь" ⰶ греч. γ и "добро" ⰱ = δ . О сходствѣ глаголическаго письма съ греческимъ подробнѣе писалъ Т е й л о р ъ (Taylor) въ 5 томѣ Архива Слав. Филологіи. Ту же мысль ранѣе устно высказывалъ мнѣ проф. греческой словесности въ Нѣжинѣ, С.Н.Ждановъ.

Дѣло теперь клонится къ тому, что въ одномъ смыслѣ глаголица старѣе кириллицы, а въ другомъ - насборотъ: тѣ греческія буквы, которыми пользовались славяне "безъ очертанія", вѣрнее, были греческою скорописью, а Кириллъ

пользовался двумя греческими шрифтами, основавъ какъ уставъ, такъ и скоропись, коими и пользовался, смотря по тому, что писалось: переводы свои онъ, должно быть, набрасывалъ скорописью, а потомъ они для церковнаго употребленія переписывались уставомъ ("кириллицею"). Впослѣдствіи, въ виду неудобства одновременнаго употребленія двухъ столь различныхъ шрифтовъ, Меѳодій (можетъ быть, даже и самъ Кириллъ) могъ завести новый уставъ, основанный на скорописи - глаголицу, въ томъ видѣ, въ какомъ ее представляютъ наши старѣйшія рукописи; а Климентъ могъ пойти, съ тою же цѣлью, инымъ путемъ, заведши постоянное употребленіе болѣе яснаго устава. Можетъ быть, послѣдній однако внесъ и какія-нибудь усовершенствованія: таковымъ могла быть правильная іотація (буквы Ю и К).

Устанавливая такое отношеніе между кириллицей и глаголицей, мы имѣемъ возможность истолковать свидѣтельство черноризца Храбра, который не упоминаетъ о двухъ славянскихъ азбукахъ: очевидно, онъ видѣлъ въ нихъ лишь 2 различные шрифта. Вотъ тотъ примирительный взглядъ, къ которому естественно притти, разбирая вопросъ о славянскомъ письмѣ.

Библ. Отд. Ин. Археологической Академии

ВОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. ПИСАТЕЛИ "ЗОЛОТОГО ВѢКА".

Вскорѣ послѣ смерти Меѳодія славянская церковь снова подверглась гоненію, а потомъ кириллс-меѳодіевское дѣло вмѣстѣ съ моравскимъ царствомъ погибло отъ нашествія мадьяръ. Однако оно возродилось въ Болгаріи, а оттуда перешло въ Сербію, а позднѣе на Русь. Учениковъ Кирилла и Меѳодія, которые распространяли просвѣщеніе въ Болгаріи, мы знаемъ лишь по именамъ, о литературной же дѣятельности ихъ ничего почти не извѣстно. Кое-какія извѣстія сохранились только о Климентѣ. О Горазде извѣстно, что онъ былъ родомъ моравянинъ, и что Меѳодій назначилъ его преемникомъ послѣ себя (онъ, можетъ быть, даже остался въ Моравіи). Ничего опредѣленнаго не можемъ сказать и объ остальныхъ ученикахъ Кирилла и Меѳодія, - о Наумѣ, Саввѣ и Ангеларіи.

Христіанство проникло въ Болгарію еще до прихода этихъ дѣятелей. Крещеніе Бориса Болгарскаго относится къ 865-му году. Нельзя,однако,утверждать, чтобы вмѣстѣ съ христіанствомъ было введено и славянское богослуженіе; напротивъ, надо думать, что богослуженіе на первыхъ порахъ было греческое.

Духовная литература развивается въ Болгаріи довольно сильно. Но впослѣдствіи тяжелыя политическія условія не благопріятствовали распространенію и сохраненію памятниковъ литературы, и большая часть ихъ погибла во время турецкаго погрома или сохранилась только въ русскихъ спискахъ.

Болгарская письменность, начавшаяся при Борисѣ, особенно широко развилась въ царствованіе Симеона (893 - 927), и это время было даже названо (нѣсколько гиперболично) "золотымъ вѣкомъ" болгарской литературы. Выдвигается цѣлый рядъ писателей, изъ которыхъ отмѣтимъ Климента Велицкаго (ум. въ 916 году); Велица - деревня, нѣкогда городъ въ Македоніи. Климентъ Велицкій - авторъ нѣкоторыхъ переводовъ съ греческаго; напримѣръ, ему приписываютъ переводъ "Цвѣтной Тріоди". Писалъ Климентъ и оригинальныя произведенія, среди которыхъ отмѣтимъ "Слова" на всѣ годовые праздники; "похвалы" Христу, Богородицѣ и т.д. Приписывалась Клименту и "похвала" Кириллу и Меѳодію, но безъ достаточнаго основанія.

Далѣе слѣдуетъ назвать Константина, епископа Болгарскаго (надо думать, Преславскаго). Онъ перевелъ четыре "Слова" Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ. Въ одномъ сборникѣ Синодальной библіотеки 15-го столѣтія есть приписка, что Константинъ Болгарскій былъ ученикомъ Меѳодія.

Другая работа Константина написана по побужденію како-

го-то старца Назума (можетъ опять, ученика Кирилла и Меѳодія) и представляетъ по времени трудъ болѣе ранній. "Сказаніе св. Евангелія" заключаетъ въ себѣ учительное евангеліе на всѣ воскресные дни цѣлаго года. Въ основаніи этого евангелія лежитъ греческій сборникъ, каковому даютъ латинское названіе "Катенъ" (Catena). Въ Синодальной рукописи этого евангелія, XIII столѣтія, находимъ изображеніе царя Бориса и приписку о томъ, что книга переведена съ греческаго. Кромѣ предисловія, въ началѣ евангелія помѣщено стихотвореніе-акростихъ, гдѣ начальныя буквы идутъ по порядку славянской азбуки:

Азъ словомъ симъ молюсѧ Богу:
Боже, вьсеѧ твари зиждителю,
Видимъı имъ же и невидимъı-имъ и т.д.,

отчего ему и давали названіе "толковой азбуки". Текстъ, впрочемъ, дошелъ въ значительно испорченномъ видѣ, и какъ размѣръ (12-тисложный), такъ и порядокъ начальныхъ буквъ отчасти приходится возстановлять путемъ конъектуръ. Здѣсь мы видимъ, значитъ, попытку художественнаго творчества. Но эта попытка не можетъ быть признана удачной, потому что поэтическаго элемента нѣтъ совсѣмъ. Напечатанс это стихотвореніе, съ конъектурами Алексѣя Ив. Соболевскаго, въ XII томѣ Русскаго Филологическаго Вѣстника. Впослѣдствіи онъ же напечаталъ другую статью объ этомъ и нѣсколькихъ подобныхъ стихотвореніяхъ: "Церковнославянскія стихотворенія

IX-X вѣковъ."

Ко времени царя Симеона относятъ также дѣятельность Іоанна экзарха Болгарскаго. О немъ Калайдовичъ въ 1824 году написалъ цѣлую книгу, до сихъ поръ не вовсе потерявшую свой интересъ. Іоанну экзарху принадлежитъ Шестодневъ, составленный преимущественно по Василію Великому; кромѣ того, онъ перевелъ "Богословіе" Іоанна Дамаскина и его "Философскія главы". "Грамматика" Іоанна экзарха - первый опытъ славянской грамматики. Нѣкоторые ученые сомнѣвались въ принадлежности ея Іоанну. Горскій и Невоструевъ утверждали, что изводъ (редакція) содержащей ее рукописи не болгарскій, а сербскій; того же взгляда держится и Ягичъ. Упомянутымъ ученымъ возражалъ В.Н.Малининъ, обратившій вниманіе на то обстоятельство, что сербскіе элементы въ рукопись могли попасть лишь при позднѣйшей перепискѣ; притомъ Малининъ на ряду съ сероскими особенностями грамматики открылъ въ рукописи слѣды, указывающіе на болгарскій подлинникъ сербскаго списка, и тѣмъ доказалъ возможность приписывать это произведеніе Іоанну экзарху.

Слѣдуетъ упомянуть еще о переводѣ монахомъ Григоріемъ, по повелѣнію Симеонову, хроники Малалы, V - VI столѣтія, съ дополненіями изъ Ветхаго Завѣта. Сюда же была присоединена "Повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ", о которой, впрочемъ, Вас.Мих. Истринъ нерѣшительно, а съ полной увѣренностью А.И.Соболевскій высказали мнѣніе, что переводъ

ея возникъ на Руси, позднѣе, и, слѣдовательно, не Григорій мнихъ, а позднѣйшій переписчикъ присоединилъ ее къ хроникѣ. Соболевскому возражалъ Петръ Алексѣевичъ Лавровъ (см. сборникъ въ честь М.С.Дринова), говоря, что руссизмы, попадающіеся въ "Повѣсти", могли быть позднѣйшимъ наслоеніемъ, а на ряду съ ними есть явные болгаризмы. Послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что переводъ "Повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ" былъ сдѣланъ въ Болгаріи, при царѣ Симеонѣ.

Вообще Симеонъ поощрялъ просвѣщеніе и, по нѣкоторымъ даннымъ, самъ занимался литературой. Ему приписывается переводъ "Златоструя", т.е. проповѣдей Іоанна Златоуста. Но настаивать на авторствѣ Симеона не приходится (хотя онъ и былъ въ состояніи переводить съ греческаго, получивъ греческое воспитаніе), такъ какъ сомнительно, чтобы государственныя заботы давали ему возможность удѣлять время для литературныхъ занятій, и естественно думать, что и въ этомъ случаѣ онъ былъ только меценатомъ. Изслѣдованія Златоструя принадлежатъ одно Измаилу Ив. Срезневскому ("Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ" - N 2), другое - Малинину. Для того же царя Симеона былъ переведенъ съ греческаго Святославовъ изборникъ 1073 года: въ Кирилло-бѣлозерскомъ его спискѣ, 15 вѣка, вмѣсто великаго князя Святослава, упоминается о Симеонѣ. Греческій подлинникъ къ этой рукописи былъ указанъ Востоковымъ,

хотя переводъ немного отличался отъ подлинника и, видно, сдѣланъ съ другой рукописи.

БОГУМИЛЬСТВО. ПОПЪ ІЕРЕМІЯ. ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Принадлежностью старинной болгарской литературы должны быть признаны и апокрифы, которымъ придавалось иногда названіе болгарскихъ басенъ (такъ, въ предисловіи къ одному переводу Іоанна Дамаскина, 16 вѣка). Общеизвѣстность апокрифовъ можетъ объясняться ихъ занимательнымъ характеромъ, но распространенію ихъ не мало также способствовали и еретики. Изъ ересей особенно замѣчательна богумильская, которая возникла въ Болгаріи, а оттуда перешла въ Боснію, а также въ южную Францію. Различныя вѣтви богумильской ереси существовали подъ разными названіями, напримѣръ, патарэ или патарены, альбигойцы или вальденсы. Богумильство представляло собой видоизмѣненіе армянскаго павликіанства. Богумилы стремились разрѣшить вопросъ о причинѣ зла на землѣ. По ихъ мнѣнію, власть дьявола надъ людьми такая же, какъ и власть Бога, или, если уступаетъ божественной мощи, то очень немного. По степени могущества, приписываемаго дьяволу, различались двѣ вѣтви богумильства: Дреговичская и Болгарская. Въ глазахъ этихъ еретиковъ дьяволъ являлся соучастникомъ творенія міра и человѣка. Нѣкоторые

думали, что сатана сотворилъ человѣка цѣликомъ, и что весь Ветхій Завѣтъ есть дѣло дьявола. Богумилы высказывались противъ брака и ненавидѣли дѣтей, чувствуя къ нимъ отвращеніе, потому что считали ихъ опять-таки созданіемъ дьявола, научившаго людей плотскому грѣху. Наконецъ, у богумиловъ ясно выражена и демократическая тенденція, которая сказывалась въ отрицаніи властей, а также отражалась и на ихъ жизни, которая вообще отличалась скромностью и простотой.

Главнымъ дѣятелемъ той эпохи былъ попъ Богумилъ, живши, какъ полагаютъ, при царѣ Петрѣ (927-967). Сочиненій его до насъ не дошло, что, можетъ быть, объясняется тщательнымъ ихъ уничтоженіемъ. Правда, сохранились сочиненія подъ именемъ Іереміи, котораго отождествляли съ Богумиломъ. Возможно, что здѣсь рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же лицѣ, причемъ одно имя мірское, а другое христіанское, или - одно настоящее имя, а другое - прозвище. Имя Іеремія упоминается въ спискѣ ложныхъ книгъ, гдѣ говорится о попѣ Іереміи, что онъ "солгалъ" много такихъ книгъ; то же имя мы находимъ и въ одномъ памятникѣ, представляющемъ сводъ легендъ о происхожденіи Крестнаго древа и о Спасителѣ. Относительно послѣднихъ надо замѣтить, что онѣ извѣстны и въ греческихъ редакціяхъ; допускаютъ, однако, что попъ Іеремія дѣйствительно могъ собрать эти легенды и придать имъ литературную обработку. Указанный апокрифъ съ именемъ

Іереміи ничего, впрочемъ, въ себѣ богумильскаго не заключаетъ и даже прямо можетъ быть названъ антибогумильскимъ, какъ это подробно развилъ покойный профессоръ Матвѣй Ив. Соколовъ (Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. Выпускъ I. М. 1888), - богумилы кресту не поклонялись, видя въ немъ не символъ побѣдной смерти и искупленія, а позорное орудіе Христовой казни.

Противъ богумильской ереси принимались различныя мѣры. Сильно преслѣдовалъ еретиковъ царь Борисъ, при которомъ былъ созванъ соборъ (въ 1210 году), и еретики были торжественно осуждены. Въ томъ же году былъ выпущенъ синодикъ, гдѣ богумиламъ провозглашалась "анаѳема". Этотъ синодикъ издалъ Палаузовъ въ 1855 году: Попруженко посвятилъ ему книгу "Синодикъ царя Бориса". Одесса.1899.

Въ староболгарской литературѣ есть также указанія на существованіе лѣтописей. Въ 1202 году Калоянъ, наслѣдникъ Іоанна Асѣня, заводитъ сношенія съ Римомъ и сообщаетъ папѣ, что уже ранѣе изъ Рима Петръ и Симеонъ получили вѣнецъ. При этомъ Калоянъ ссылается на "наши книги", подъ которыми, очевидно, надо разумѣть лѣтописи. И вторично у Калояна встрѣчается упоминаніе о "книгахъ и писаніяхъ предковъ". Съ начатками лѣтописи ставится въ связь и одинъ списокъ болгарскихъ князей, представляющій перечень съ какими-то непонятными приписками (Сохранился онъ на Руси въ составѣ одного хронографа - Еллинскаго лѣтописца). Нѣкоторые уче-

нѣе думали, что приписки эти финскія, другіе же - что онѣ написаны на какомъ-то тюркскомъ нарѣчіи. По свидѣтельству Виктора Ив. Григоровича, въ одной болгарской рукописи (восмокансѣ) также есть указаніе на лѣтопись, упоминающую оо Іоаннѣ Асѣнѣ. Еще іеромонахъ Паисій (о которомъ рѣчь будетъ впослѣдствіи) ссылается на какую-то лѣтопись Терновскую. Одно время думали, что лѣтопись сохранилась, и даже съ изображеніемъ болгарскихъ царей, но при разслѣдованіи оказалось, что этотъ списокъ представляетъ собою Евангеліе. Отъ позднѣйшаго времени дошелъ до насъ одинъ лѣтописный отрывокъ - эпизодъ изъ исторіи турецкихъ завоеваній 1371-1409 г. Авторъ, повидимому, самъ былъ очевидцемъ и ведетъ разсказъ просто и объективно. Отрывокъ этотъ былъ открытъ въ Молдавіи, въ рукописи, относящейся къ 16 столѣтію.

XVI-ЫЙ ВѢКЪ. ТУРЕЦКОЕ ИГО. НАРОДНЯЯ ЧЕРТА ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Болгарская письменность значительно ослабѣла вслѣдствіе греческаго ига и, поэтому, не представляла цвѣтущаго состоянія. Лишь въ 14 вѣкѣ, при Іоаннѣ Александрѣ, литература вновь достигаетъ значительнаго развитія. Къ этому времени относится переводъ греческой хроники Константина Манассіи. Въ этой хроникѣ историческій обзоръ изложенъ стихами,

но онъ всякое не поэтическое произведеніе. Славянскій переводъ былъ сдѣланъ прозой. Списокъ его находится въ Московской Синодальной библіотекѣ. Существуетъ и другой списокъ - Ватиканскій, гдѣ помѣщены миніатюры, изображающія историческія событія.

Направленіе литературы, которая развилась при Іоаннѣ Александрѣ и Іоаннѣ Шишманѣ - царяхъ-меценатахъ, было такое же, какъ и въ литературѣ золотого вѣка. Александръ въ горахъ Витошѣ (близъ Софіи) основалъ монастырь, и тамъ сталъ возникать просвѣтительный центръ - славянскій Аѳонъ. Съ другой стороны, Болгарію опять стали волновать разныя ереси. Поборникомъ православія выступаетъ св. Ѳеодосій Терновскій; въ 1850 г. состоялся соборъ противъ богумиловъ.

Разсматриваемый періодъ характеризуется сильной подражательностью и почти полнымъ отсутствіемъ чего-либо оригинальнаго. Даже языкъ значительно приближался къ греческимъ образцамъ. Выдающимся писателемъ литературы 14 столѣтія является Евѳимій, ученикъ Ѳеодосія Терновскаго, послѣдній терновскій патріархъ, при ксемъ, послѣ геройской защиты, въ 1393 году, палъ Терновс. Самъ онъ умеръ въ плѣну. Евѳимій писалъ житія, похвальныя слова, посланія. У него замѣтно выражена тенденція относиться критически къ тому матеріалу, которымъ онъ пользовался. Самъ онъ говоритъ, что выбиралъ факты для составленія "житій" "отъ истинныхъ и неложныхъ свидѣтельствъ." Но все-таки "житія" Евѳимія передѣ-

лаяи изъ болѣе равныхъ и построеея схематически. по готовымъ образцамъ. Историческая надежность "житій" поэтому не особенно велика. Обиліе чудеснаго элемента также заставляетъ относиться къ нимъ скептически. Стремленіе же къ художественности является источникомъ чисто риторическихъ пріемовъ.

Съ именемъ Евеимія связывается фактъ исправленія церковныхъ книгъ и реформа правописанія. О правописной реформѣ Евеимія есть свидѣтельство Константина Костенческаго, ученика нѣкоего Андроника, который былъ непосредственнымъ ученикомъ Евеимія. Желающіе познакомиться поближе съ этимъ вопросомъ могутъ прочитать спеціальную монографію покойнаго Долихронія Агаѳіевича Сырку, помѣщенную въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1886 г., іюль: "Къ вопросу объ исправленіи книгъ въ Болгаріи." Онъ же готовилъ подробное изслѣдованіе "Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в.", 1890 г.; но вышла только 2-ая часть I-го тома, гдѣ помѣщены тексты Евеимія съ введеніемъ.

Слѣдуетъ отмѣтить далѣе болѣе поздняго писателя, уже упомянутаго Константина Костенческаго (изъ Костенца - Кюстендиля), хотя по дѣятельности онъ принадлежитъ Сербіи. Имъ написано разсужденіе о правописаніи, которое напечаталъ Даничичъ въ первомъ томѣ загребскихъ "Древностей" (Starine). Позднѣе статья эта вошла въ изданіе Ягича "Разсужденіе старины о славянскомъ языкѣ". Статья Константина

о правописаніи не имѣетъ высокаго значенія, такъ какъ представляетъ лишь мелочныя правила, которыя иногда даже страдаютъ искусственностью. Константиномъ Костенческимъ написано также житіе сербскаго князя ("деспота") Стефана Лазаревича, государившаго съ 1389 по 1427 г. Объ этомъ житіи можно прочесть статью Станоевича, помѣщенную въ "Архивѣ Славянской Филологіи", томъ 18-ый. Житіе представляетъ историческое повѣствованіе о Сербіи въ 14-15 столѣтіи.

Также въ большей мѣрѣ другимъ славянамъ, сербамъ и русскимъ, принадлежитъ Григорій Памблакъ. Памблакъ здѣсь, однако, долженъ быть отмѣченъ, какъ авторъ "Похвальнаго слова патріарху Евѳимію. Онъ былъ Евѳимію современникомъ и даже въ свойствѣ съ нимъ, но гораздо моложе: самъ онъ говорилъ, что черпалъ изъ разсказовъ монаховъ, знавшихъ Евѳимія; къ тому же онъ явно взялъ себѣ въ образецъ житіе св. Ѳеодосія.

Періоду болгарской письменности, который мы разсматриваемъ въ настоящее время, посвященъ трудъ, тоже уже покойнаго, Константина Федоровича Радченки (Радченко): "Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи и Византіи XIV вѣка."

Во время турецкаго ига, прервавшаго просвѣтительную дѣятельность въ Болгаріи, письменность исчезла не вся, но продолжала существовать, хотя и въ очень незначительныхъ размѣрахъ. Были сдѣланы вновь кое-какіе переводы, перепи-

ска книгъ не прекращалась. Однако теперь самостоятельная литература развиваться болѣе не могла. Основанная въ 1235 году Терновская патріархія кончаетъ свое существованіе, и Болгарія подчиняется патріарху Константинопольскому, значитъ, греческому. Орхидская церковь тоже не могла служить опорой болгарамъ въ этихъ тяжелыхъ политическихъ обстоятельствахъ, такъ какъ она постепенно огречилась, а во второй половинѣ 18 вѣка была совсѣмъ уничтожена. Въ 17 столѣтіи фанаріоты (константинопольскіе греки) пріобрѣли вліяніе при турецкомъ дворѣ, и положеніе болгаръ стало еще хуже. Греки всячески преслѣдовали болгарскую національность, напримѣръ, закрывали ихъ училища. Такая нетерпимость грековъ объясняется ихъ стремленіемъ всецѣло подчинить Болгарію греческому вліянію, причемъ они старались даже ввести болгарамъ греческій языкъ. Народъ, тѣснимый въ одно и то же время турками и греками, началъ выселяться. Одни уходили на Русь, другіе принимали унію, третьи спасались бѣгствомъ въ горы и дѣлались гайдуками. Многіе обращались въ католическую вѣру или даже въ магометанскую.

Уже было указано, что въ этотъ періодъ болгарской исторіи литература все-таки существовала. Такъ, въ 16 вѣкѣ (1569 г.) появилась первая печатная книга - псалтырь, правда, не въ Болгаріи, а въ Венеціи, и въ слѣдующемъ 1570 году былъ напечатанъ молитвенникъ. Изданы были эти книги Яковомъ Крайковымъ изъ Софіда (Софіи) и далматинцемъ Іеро-

немомъ изъ Котора (Cattaro).

Старославянскій языкъ во время упадка литературы продолжалъ существовать въ церковномъ обиходѣ. Нѣкоторое время языкъ этотъ держался прочно въ Румыніи, гдѣ употреблялся даже для грамотъ, и лишь въ 18 столѣтіи былъ изгнанъ изъ употребленія.

На ряду съ представителями церковной литературы появляется рядъ писателей, которые въ своихъ произведеніяхъ пользовались народнымъ языкомъ. Рукописи восходятъ къ 17 столѣтію и представляютъ довольно чистый языкъ. Первый изъ этихъ памятниковъ - "Слово о Страшномъ Судѣ", изданное Ламанскимъ въ 1870 году. Ламанскій считалъ "Слово" памятникомъ оригинальнымъ, но впослѣдствіи нашелся для него греческій подлинникъ, тоже писанный народнымъ языкомъ: народный языкъ подлинника и могъ побудить переводчика писать не по книжному. Сколь "Слово" было издано болгарскимъ ученымъ Аргировымъ, теперь уже умершимъ. Нѣсколько дополненій къ этому произведенію можно найти у Качановскаго въ его предисловіи къ "Сборнику западно-болгарскихъ пѣсенъ". Познакомиться съ "Словомъ о Страшномъ Судѣ" можно также по книгѣ Петра Алексѣевича Лаврова: "Обзоръ особенностей болгарскаго языка", гдѣ приведены образцы.

Народныя черты проскальзываютъ и въ печати, именно въ молитвенникѣ, изданномъ католическимъ епископомъ Филиппомъ Станиславовымъ. Книга эта представляетъ сборникъ молитвъ, а

также разбѣхъ другихъ статей, "псхвалъ" Кресту, Богородицѣ и т.д. Обращаетъ на себя вниманіе странное названіе сборника "абагаръ", о которомъ узнаемъ, однако, не прямо, въ видѣ заглавія, а изъ послѣсловія. Языкъ "Сборника" сербо-церковный, но въ немъ встрѣчаются болгаризмы. Объ этомъ произведеніи см. статью Конст. Станисл. Кузьминскаго: "О сборникѣ молитвъ, извѣстномъ подъ названіемъ "аоагаръ", помѣщенную въ Древностяхъ Археологическаго Общества - Труды Слав. Комиссіи, т. 4, вып. 1-ый.

Въ 16 столѣтіи болгаре стали являться въ Россіи, и та стала снабжать ихъ своими книгами. Въ 17 и 18 столѣтіяхъ успѣшныя войны съ Турціей сначала "Римской имперіи" (Австріи), а потомъ Россіи возбудили у болгаръ надежду на освобожденіе отъ турецкаго ига. Однако тогда еще не имѣлось въ виду освобожденіе болгаръ: такъ называемый греческій проектъ императрицы Екатерины былъ составленъ въ духѣ фанаріотовъ и поэтому не могъ имѣть освободительнаго значенія для болгаръ.

"СЛАВЯНОБОЛГАРСКАЯ ИСТОРІЯ" ПАИСІЯ. БОЛГАРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНІЕ. ВЪЛИЧЪ. РАКОВСКІЙ.

Возрожденіе литературы началось съ конца 18 вѣка. Съ патріотической проповѣдью выступаетъ въ 1762-омъ году іеромонахъ Паисій, о которомъ приходилось уже упоминать въ дру-

гой связи. Сочиненіе Паисія - "Исторія славенноболгарская о народахъ, царѣхъ, святыхъ болгарскихъ и о всѣхъ дѣяніяхъ болгарскихъ." Писано на языкѣ, который не заслуживаетъ названія настоящаго болгарскаго. Здѣсь въ изобиліи встрѣчаются староцерковныя формы и даже руссизмы. Сочиненіе это важно въ качествѣ политическаго памфлета; поводомъ къ его написанію послужило посѣщеніе Аѳона сербскимъ историкомъ, архимандритомъ Раичемъ.

Жизнь Паисія извѣстна намъ очень мало. Знаемъ только, что онъ самъ намъ сообщилъ. Онъ много путешествовалъ по Болгаріи, былъ и въ "Нѣмской" землѣ, т.е., очевидно, въ нѣмецкой части Австріи. Однако Паисій обширными познаніями не отличался и въ своемъ сочиненіи прямо говоритъ: "не учихсе ни граматикѣ, ни политикѣ никако - простимъ Болгаромъ просто и написахъ". Слѣдуетъ замѣтить, что изъ признанія Паисія никакъ нельзя дѣлать того вывода, что языкъ его былъ простонароднымъ. "Славенноболгарская исторія" есть отзывъ на упрекъ сербовъ, которые говорили, что болгары не имѣютъ собственной гражданской исторіи. Паисій и даритъ болгарамъ исторію, руководясь чисто національными соображеніями. Такъ, въ "исторіи" онъ прямо и рѣшительно возстаетъ противъ тѣхъ, которые измѣняютъ болгарамъ въ пользу грековъ.

Не слѣдуетъ думать, что Паисій писалъ свою "исторію" по однимъ устнымъ преданіямъ; онъ имѣлъ въ своемъ распоря-

женіи также письменные источники, напр. Терновскую лѣтопись, разныя "Житія святыхъ". Было у него, въ русскомъ переводѣ, и итальянское сочиненіе далматинскаго писателя Мавра Орбини. Переводъ этой книги былъ сдѣланъ при Петрѣ Великомъ, въ 1722-омъ году, подъ заглавіемъ "Царство славянъ". Еще Паисій пользовался церковной исторіей Баронія, которая была переведена на русскій языкъ также при Петрѣ, въ 1716 году. "Славенноболгарская исторія" имѣетъ большое пропагандное значеніе, но фактическая цѣнность ея не высока. Имѣется много списковъ ея. Одинъ находится въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ. Напечатана "Славенноболгарская исторія" сравнительно поздно, лишь въ 1848 году въ Пештѣ Христаки-Павловичемъ Дупничаниномъ, который при печатаніи внесъ въ "исторію" Паисія много измѣненій.

Первыя книги болгарскаго возрожденія появляются въ началѣ 19 вѣка. Языкъ ихъ нельзя назвать болгарскимъ въ чистомъ видѣ, а скорѣе словенноболгарскимъ. Относительно того, какая книга была первой, указанія различны, но годомъ выхода первой книги единогласно признается 1806-ой. А.Н.Пыпинъ думаетъ, что такой первой книгой было собраніе поученій, въ переводѣ Софронія Врачанскаго. Проповѣди Софронія пользовались большой популярностью и получили широкое распространеніе. Языкъ ихъ приближается къ народному. Свои устныя про-

повѣди Софроній также произносилъ на живомъ народномъ языкѣ. Отъ Софронія Врачанскаго остались еще и другія сочиненія, дошедшія въ рукописяхъ: "Эзоповы басни", "Гражданское позорище" и др. Софроній, подобно Паисію, находился подъ вліяніемъ одного сербскаго писателя, Досиѳея Обрадовича. Софроній написалъ также автобіографію: "Житіе и страданія грѣшнаго Софронія". Напечатано оно было въ журналѣ Раковскаго "Дунайскій лебедь" (за 1861 г.) и въ "Періодическомъ списаніи", кн. 4 (Въ Браиловѣ - Браила - въ Румыніи; журналъ "Періодическое списаніе" и теперь продолжаетъ издаваться въ Софіи).

Болгарское купечество, разжившееся въ Валахіи, давало средства на печатаніе произведеній литературы, и это обстоятельство оказало немало вліянія на ихъ распространеніе. Особенно щедро употреблялъ свои средства на народное дѣло докторъ Петръ Веронъ (или Веровичъ 1795-1871). Веронъ также самъ составилъ, въ замѣнъ часослова, букварь, съ изображеніемъ на немъ дельфина, отчего онъ былъ названъ рибнимъ букваремъ: "рибенъ букварь". Веронъ первый сталъ писать чистымъ болгарскимъ языкомъ, именно на восточномъ его нарѣчіи.

На ряду съ указанными произведеніями появляются и переводы Евангелія, напримѣръ, Петра Сапунова, Серафима Эски-захарянина (изъ Эски-Захары-Старозагоры). Переводъ Новаго Завѣта принадлежитъ еще Неофиту Рильскому, т.е. монаху Рыльскаго монастыря въ западной Болгаріи. Переводъ Рыль-

скаго отличается болѣе чистымъ языкомъ, чѣмъ переводъ, сдѣланный Сапуновымъ. Этотъ Новый Завѣтъ былъ изданъ Библейскимъ обществомъ въ 1841 году.

Не малую роль въ дѣлѣ болгарскаго пробужденія сыгралъ Крій Гуца, или, какъ онъ самъ себя переименовалъ, Венелинъ. Онъ былъ сынъ крестьянина-русина, въ Карпатахъ; учился сначала въ семинаріи, затѣмъ поступилъ въ Львовскій университетъ. Впослѣдствіи Венелинъ перешелъ въ Московскій университетъ на медицинскій факультетъ. Кромѣ того, онъ въ это время занимался болгарскимъ вопросомъ, имѣвъ случай познакомиться съ бессарабскими болгарами при переѣздѣ въ Москву.

Его главное сочиненіе, 1-ый томъ котораго вышелъ въ 1829 году, 2-ой - въ 1841 г.,- "Древніе и нынѣшніе болгаре, въ политическомъ, народописномъ и религіозномъ отношеніи къ Россіянамъ", другое того же характера - "О зарожденіи новоболгарской литературы". Послѣ смерти Венелина были изданы его "Критическія замѣчанія по исторіи болгаръ" и "Путешествіе по Болгаріи въ 1857 году". Въ рукописи осталась грамматика Венелина, но она особенными достоинствами не отличается: у автора была нѣкоторая склонность регулировать языкъ, измѣняя его по собственному произволу; можно, напримѣръ, отмѣтить, что Венелинъ былъ врагомъ члена въ болгарскомъ языкѣ и считалъ его искусственнымъ наростомъ, заимствованнымъ съ греческаго.

Вообще Венелина нельзя назвать строгимъ ученымъ, ско-

рѣе онъ былъ народный публицистъ. Въ этомъ отношеніи его можно сопоставить съ Паисіемъ, у котораго мы также находимъ воодушевленный призывъ болгаръ къ дѣятельности, указаніе на ихъ славное прошлое.

Венелинъ не у всѣхъ болгаръ пріобрѣлъ себѣ при жизни славу и благодарность; напротивъ, нѣкоторые относились къ нему холодно и недовѣрчиво. Однако все-таки надо сказать, что Венелинъ имѣлъ большой успѣхъ, такъ какъ былъ хорошимъ популяризаторомъ болгарской исторіи и подходилъ къ своему дѣлу съ разныхъ сторонъ: одновременно онъ былъ и публицистомъ, и литераторомъ, и археологомъ, и историкомъ; такимъ образомъ, кругъ примѣненія его дѣятельности былъ довольно широкъ.

Третій пророкъ болгарскаго возрожденія - Георгій Стойковъ Раковскій (умершій въ 1868 году)-также не былъ настоящимъ ученымъ, хотя и получилъ хорошее образованіе, учившись въ Аѳинахъ, Нарьградѣ, Парижѣ. Зналъ онъ много языковъ. Имъ были издаваемы журналы "Болгарская дѣвица" и "Дунайскій лебедь", о которомъ приходилось уже упоминать. Раковскій написалъ также поэму "Горскій путникъ", впрочемъ не отличавшуюся достоинствами, - напротивъ, языкъ и стихъ ея самый ужасный, да и поэтическій элементъ оставляетъ желать многаго. Содержаніе ея - разсказы гайдуковъ (разбойниковъ - патріотовъ-бѣглецовъ) своему атаману о томъ, что привело ихъ въ его шайку.

Отмѣтимъ еще рядъ научныхъ трудовъ, или имѣющихъ претензію называться научными. "Болгарская старина" представляетъ прославленіе болгарскаго народа, который отождествляется здѣсь съ древними пеласгами, предками эллиновъ. Патріотическая струна ясно звучитъ и въ сочиненіи: "Нѣсколько словъ объ Асѣнѣ Первомъ и сынѣ его Асѣнѣ Второмъ" ("Нѣколко рѣчи о Асѣню Пьрвому, великому царю болгарскому и сыну му Асѣню Второму").

Нѣсколько для насъ по содержанію "Указатель или руководство, какъ надо изслѣдовать старѣйшія черты быта нашего (т.е. болгарскаго), языка, происхожденія, управленія, правлаго." Этотъ "Указатель" ("Показалецъ") заключаетъ въ себѣ статистическія данныя о Болгаріи, свѣдѣнія о ея нравахъ, обычаяхъ, историческихъ традиціяхъ, правленіи и т.п. Здѣсь находимъ иногда невѣрныя и наивныя сообра-женія, напр. указывается на ближайшую связь Болгаріи съ Индіей и болгарскаго языка съ санскритомъ. Въ древне-болгарскихъ преданіяхъ, говоритъ "Показалецъ, находятся богатые остатки миѳологіи, о чемъ должны свидѣтельствовать и дошедшія до насъ пѣсни. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ впослѣдствіи появляется сборникъ болгарскихъ пѣсенъ, собранныхъ сербомъ Верковичемъ, котораго провели нѣкоторые болгары, народные учителя, - это "Веда Словена" (Веда Славянъ). Впрочемъ, Верковичъ, сильно увлекавшійся народной поэзіей болгаръ, ранѣе выпустилъ другой сборникъ: пѣсни болгаръ македонскихъ, не-

поддѣльныя, чисто-народныя.

Раковскій искренно любилъ прошлое, но былъ большимъ фантазеромъ и дополнялъ скудныя историческія данныя своимъ богатымъ воображеніемъ. Современный намъ болгарскій писатель Иванъ Вазовъ такъ обращается къ Раковскому: "твой орлиный взглядъ видѣлъ повсюду остатки болгарской славы безъ числа, и въ темную нашу древность, бездонную пропасть, ты смѣло вводилъ всю вселенную:"

Твоятъ орли погледъ виждаше навредъ
Отъ българска слава останки бесчетъ,
И въ тъмна ни древность, бездънна провала,
Ти вкарваше смѣло вселенната цѣла.

ДАЛЬНѢЙШІЙ ХОДЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ. ПИСАТЕЛИ. МЕЦЕНАТЫ.

Всѣ указанныя произведенія представляютъ собою политическіе памфлеты. Можно, однако, найти въ болгарской литературѣ и нѣсколько такихъ произведеній, которыя написаны болѣе научно, хотя тоже не безъ примѣси фантазіи. Болгарскую исторію составилъ Кърстевичъ, отождествившій древнихъ болгаръ съ гуннами. Въ болгарскомъ возрожденіи принималъ участіе и одинъ вполнѣ научный писатель-славистъ, пре-

имущественно историкъ, дѣятельность котораго, впрочемъ, относится болѣе къ Россіи. Я разумѣю покойнаго Марина Степановича Дринова, того самаго Дринова, Харьковскаго профессора, въ честь котораго былъ составленъ упомянутый ранѣе сборникъ.

Паисій, Софроній, Венелинъ стяжали болгарскому просвѣщенію покровителей-маценатовъ. Возникаетъ все болѣе и болѣе болгарскихъ школъ. Въ 1835 году Василій Априловъ и Николаи Палаузовъ даютъ средства на основаніе училища въ ихъ родномъ городѣ Габровѣ (въ юго-восточной части сѣверной Болгаріи). Учительствовалъ тамъ Рильскій іеромонахъ Неофитъ. Въ связи съ основаніемъ училищъ составляются учебники. Далѣе постепенно возникаютъ другія школы - въ Карловѣ, Терновѣ, Срѣдцѣ (теперешней Софіи). За высшимъ же образованіемъ болгаре должны были пока обращаться заграницу, напр. въ Бѣлградъ, Вѣну. Многіе ѣздили учиться въ Россію.

Априлова еще слѣдуетъ отмѣтить, какъ писателя въ патріотическомъ духѣ. Онъ написалъ разсужденіе: "Болгарскіе книжники или какому славянскому племени собственно принадлежитъ кирилловская азбука." Едва ли надо говорить о томъ, что поставленный вопросъ рѣшался въ пользу болгаръ. Априловъ написалъ свое разсужденіе по-русски (напечатано въ 1841 году въ "Одесскомъ Вѣстникѣ"), но перевелъ его и на болгарскій языкъ. Черезъ годъ появилось дополненіе къ

этой книгѣ въ видѣ "Денница новоболгарскаго образованія." Перу Априлова принадлежатъ еще "Мысли о теперешнемъ болгарскомъ образованіи." Априловъ давалъ въ своихъ сочиненіяхъ образцы живого употребленія народнаго языка, причемъ и теоретически отстаивалъ употребленіе члена, основательно не считая его грецизмомъ.

Одновременно со школами были открыты первыя типографіи - въ 1839 году въ Смирнѣ, потомъ въ Константинополѣ, Венеціи и другихъ городахъ. Появляются разные журналы въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. Первая болгарская газета была выпущена въ 1849 году подъ названіемъ "Цареградскій Вѣстникъ". Однако обыкновенно періодическія изданія держались недолго.

Въ эпоху возрожденія болгары естественно не хотѣли мириться съ тѣмъ греческимъ элементомъ, который продолжалъ свое существованіе въ церкви. Однимъ изъ борцовъ за религіозную независимость былъ Неофитъ Хилиндарскій, пострадавшій за свою идею и скончавшійся въ заключеніи. Онъ дѣйствовалъ также и въ качествѣ преподавателя. Свои патріотическія стремленія Неофитъ выражалъ какъ прозой, такъ и стихами, причемъ послѣдніе были довольно плохи. Укажу на одно произведеніе Неофита: "Разговоръ матери Болгаріи съ сыномъ", гдѣ изображено сѣтованіе Болгаріи на предателей родного дѣла. Языкъ этого произведенія крайне тяжелый. Съ теченіемъ времени со стороны болгаръ замѣчается все болѣе

и болѣе стремленіе сбросить ненавистное греческое иго. Послѣ Крымской войны вышелъ указъ турецкаго султана, который обезпечивалъ болгарамъ нѣкоторыя права. Воспользовавшись этимъ указомъ, болгары обратились къ султану съ просьбой даровать имъ церковную независимость и освободить отъ подчиненія грекамъ. Съ своей стороны, и греки отстаивали сильно свои притязанія. Со стороны грековъ очень естественно было желаніе усилить свою народность огреченіемъ болгаръ, а для цареградскаго патріарха здѣсь былъ замѣшанъ и денежный расчетъ. Этотъ споръ длился довольно долго и, наконецъ, въ 1872 году окончился въ пользу болгаръ, въ результатѣ чего и былъ учрежденъ "болгарскій экзархатъ."

ПАТРІОТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ. ПИСАТЕЛИ-ЖУРНАЛИСТЫ. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА.

Начало болгарской художественной литературы положили патріотическіе стихи, которые распѣвались молодежью, возбуждая народъ къ дѣятельности. Къ такимъ пѣснямъ относится, напримѣръ, "Гдѣ родина моя" (Дѣ й родѣтъ ме) Тодора Икономова, представляющая переводъ извѣстной чешской пѣсни "Kde domov můj?" (Сравнимъ и нѣмецкую "Was ist des Deutschen Vaterland"). Патріотическими, а также и любовными пѣснями пріобрѣлъ извѣстность Добре Чинтуловъ. Ему принадлежитъ пѣсня "Гдѣ тѣ вѣрная, любовь народная?"

(К ѫдѣ си, вѣрна ти любовь народна?); еще въ одной, особенно извѣстной, пѣснѣ Чинтуловъ призываетъ болгаръ къ возстанію противъ турокъ:

"Стани, стани, юнакъ балкански!
Отъ сънь дълбокъ се събуди -
Срѣща народа отомански
Ти българите поведи!"

(Встань, всякій балканскій молодецъ! отъ глубокаго сна пробудись - противъ народа отоманскаго ты поведи болгаръ!) Однако въ этой пѣснѣ тотъ недостатокъ, что первая строфа лучше послѣдующихъ.

Еще должно упомянуть объ одномъ горячемъ патріотѣ, павшемъ за свое дѣло - Христо Ботевѣ. Отчасти Христо Ботевъ не совсѣмъ симпатиченъ диссонансомъ между своими политическими и религіозными воззрѣніями. Впрочемъ, его нападки на болгарское духовенство, а также на болгаръ-богачей, объясняются тѣмъ, что эти лица держали сторону турокъ, такъ какъ имъ это было выгодно. Сила и чувство замѣчается особенно въ пѣснѣ "Къ матери", гдѣ Христо, передъ уходомъ за Дунай противъ турокъ, трогательно прощается съ матерью и съ возлюбленной; при этомъ онъ мечтаетъ о побѣдномъ возвращеніи въ родное село и о радостной встрѣчѣ со своими.

Другой поэтъ, Найденъ Геровъ, учился въ Одессѣ, а

самъ былъ учителемъ въ Плóвдивѣ (Филиппополѣ). Въ 1845-мъ году онъ написалъ поэму "Стоянъ и Рада", которой хотѣлъ доказать одесскимъ соотечественникамъ, что можно сочинять и болгарскіе стихи. Сюжетъ поэмы народный. Геровъ замѣчателенъ еще, какъ составитель болгарскаго словаря, начатаго имъ въ пятидесятыхъ годахъ. Этотъ словарь отличается мудреной орѳографіей, но имѣетъ несомнѣнную цѣнность, такъ какъ составленъ по произведеніямъ народнаго творчества. Цѣликомъ его издать Геровъ не успѣлъ, и послѣдніе выпуски были выпущены его племянникомъ.

Далѣе отмѣтимъ Жинзифова. Ксенофонтъ Жинзифовъ (или Райко Жинзифовъ) происходилъ изъ города Велеса, что въ Македоніи. Умеръ онъ въ 1877 году. Писалъ Жинзифовъ свои произведенія на македонскомъ нарѣчіи, но съ примѣсью восточноболгарскихъ элементовъ. Въ 1868 году имъ былъ изданъ "Новоболгарскій сборникъ", гдѣ помѣщались самыя разнородныя произведенія - "Слово о полку Игоревѣ", "Любушинъ судъ", "Краледворская рукопись" и др. Оригинальнымъ произведеніемъ Жинзифова является "Кровавая рубашка" (Кървава кошуля). Сюжетъ состоитъ въ томъ, что мать показываетъ кровавую рубашку своего сына, зарѣзаннаго турками, и взываетъ къ слушателямъ о мести.

Выдающимся дѣятелемъ новоболгарской литературы - поэтомъ и публицистомъ - былъ Петко Райчевъ Славейковъ, выступавшій еще и подъ именами Мѣдникарова, Казанджійскій. Сла-

вейковъ родился въ Тревнѣ, самъ учился въ Свищовѣ (на Дунаѣ), а учительствовалъ въ Терновѣ, Филиппополѣ. Однако изъ Тернова онъ скоро былъ изгнанъ, чему причиной послужила его сатира на тамошняго владыку. Славейковъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по дѣлу церковнаго отдѣленія болгаръ отъ грековъ. Въ Царьградѣ Славейковъ нѣкоторое время содержалъ типографію. Умеръ онъ въ 1895 году.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Славейковъ издалъ сборникъ эзоповыхъ басенъ, писанныхъ прозой. Въ 1852-мъ году онъ издавалъ журналъ "Смѣшанный букетъ", - поучительныя статьи и стихотворенія. Славейковъ издавалъ еще сатирическіе календари, имѣвшіе большой успѣхъ, далѣе сатирическіе журналы "Волынку" и "Остенъ", газету "Македонія". Петко Славейковъ интересовался и народной словесностью, собиралъ народныя пословицы и поговорки, изданныя впослѣдствіи его сыномъ Пенчо Славейковымъ, также талантливымъ поэтомъ.Стихотворенія Славейкова-отца теперь потеряли значеніе, но въ свое время значительно выдавались. Писалъ онъ главнымъ образомъ въ народномъ духѣ. Одна изъ его пѣсенъ попала даже въ сборникъ француза Дозона, какъ народная. О томъ,что эта пѣсня принадлежитъ Петко Славейкову, я узналъ отъ его сына.

Изъ представителей болгарской художественной прозы отмѣтимъ Любена Каравелова, стараго брата извѣстнаго политическаго дѣятеля Петко Каравелова. Любенъ считался луч-

имъ новеллистомъ, особенно цѣнились его повѣсти изъ народнаго быта. Эти повѣсти появились и на русскомъ языкѣ, именно въ "Русскомъ Вѣстникѣ" и "Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ" за 1863-64 года. Впослѣдствіи, въ 1873 году, онѣ вышли въ одной цѣлой книгѣ, которая была издана въ Москвѣ. Любенъ Каравеловъ выпустилъ еще въ Москвѣ "Памятники народнаго быта болгаръ". Имъ были издаваемы газеты "Свобода", "Независимость". Каравеловъ писалъ и стихи, гдѣ много либерализма, но мало поэзіи. Есть одно четырехстишіе Каравелова, отличающееся крайне пессимистическимъ характеромъ, но довольно выразительное:

Слушай ты дѣда! Рѣжутъ спокойно
Вздоръ онъ плететъ. Кроткихъ коровъ;
Будто покольныхъ Волкъ же свирѣпый
Мечъ не сѣчетъ. Живъ и здоровъ.*)

Въ связи съ упомянутой книгой "Страданій болгарскаго народа" интересно вспомнить записки гайдука Панайота Хитова, названныя "Мое странствованіе по Балканамъ и жизнеописаніе нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ воеводъ." Русскій переводъ помѣщенъ во второмъ томѣ Славянскаго Сборника. Хитовъ былъ человѣкъ съ очень незначительнымъ образованіемъ, даже грамотѣ выучился поздно. Въ 1862-мъ году онъ за-

*) Этотъ и другіе русскіе переводы, приводимые безъ указанія переводчика, принадлежатъ лектору.

думалъ возстаніе и поэтому имѣлъ сношенія съ Раковскимъ. Однако возстаніе не удалось.

Болгарская повѣсть нашла себѣ выразителя въ лицѣ Василія Друмева, умершаго епископомъ, подъ именемъ Климента. Время его епископства лежитъ между 1874-1901 годами. Друмевъ былъ авторомъ и первой болгарской драмы "Йванко, убійца на Асѣня Перваго". Драма эта не особенно удачна, но все же лучшая изъ остальныхъ, совсѣмъ низкаго качества. Кстати сказать, что и до сихъ поръ у болгаръ нѣтъ ни одной хорошей драмы.

Можно упомянуть еще о Влесковѣ (Ѫлъскевъ), который въ повѣсти "Несчастная Христинка" (Злочеста Кръстинка) изображалъ семейныя картины и бытовыя черты.

Много было въ Болгаріи разныхъ переводчиковъ, которые усердно переводили съ иностранныхъ языковъ, преимущественно съ русскаго.

ИВАНЪ ВАЗОВЪ, ПЕНЧО СЛАВЕЙКОВЪ И ДРУГІЕ НОВѢЙШІЕ ПИСАТЕЛИ.

Крупнымъ болгарскимъ писателемъ въ настоящее время является Иванъ Вазовъ, который уже имѣетъ за собой продолжительную литературную дѣятельность. Родился Вазовъ въ 1850 году. Отецъ далъ ему лишь среднее образованіе, и въ университетѣ Вазовъ не былъ. Языкамъ русскому и француз-

скому выучился самоучкой. Вазова справедливо можно назвать разностороннимъ писателемъ. Онъ затронулъ всѣ области поэзіи, со включеніемъ художественной прозы. Правда, его драмы не особенно удачны, но зато хороши его лирическія и повѣствовательныя произведенія.

Нѣкоторые считаютъ Вазова прежде всего романистомъ, но романы его могутъ быть сильно критикованы. Перу Вазова принадлежатъ два историческихъ романа. Первый называется "Подъ игомъ" (Подъ игото), второй "Новь" (Нова земя). Здѣсь представлено, или, по крайней мѣрѣ, авторъ желалъ представить, освобожденіе болгаръ изъ-подъ турецкаго ига. Въ первомъ романѣ изображено возстаніе болгаръ въ апрѣлѣ 1876 года, которое, однако, было подавлено турками; во второмъ - присоединеніе къ Болгаріи автономной турецкой провинціи Восточной Румеліи. Недостатки историческихъ романовъ Вазова въ томъ, что турецкое иго изображается довольно поверхностно. Кромѣ того, въ романѣ "Подъ игомъ" главныя дѣйствующія лица очерчены очень блѣдно, и лишь нѣкоторыя второстепенныя фигуры обрисованы довольно ярко. Въ общемъ, однако, романъ "Подъ игомъ" интересенъ, имѣлъ успѣхъ и переводился на иностранные языки. Въ "Нови" главныя лица также мало выдаются. Герой романа даже не участвуетъ въ главномъ дѣйствіи, а находится въ это время заграницей и лишь подготовляетъ его.

Кромѣ этихъ двухъ романовъ, Вазову принадлежитъ еще

и третій "Казаларская царица". Этотъ романъ совершенно лишенъ политическаго элемента и имѣетъ чисто бытовой, житейскій характеръ. Сюжетъ такой: дѣвушка, учительница въ городѣ Казаларѣ, играетъ въ любительскомъ спектаклѣ роль царицы и пользуется большимъ успѣхомъ. Къ ней сватается одинъ бѣдный, но благородный и умный молодой человѣкъ; но она его отвергаетъ и скоро увлекается блестящимъ и пустымъ ловеласомъ, предпочитая его богатство. Однако дѣвушка ошибается въ расчетѣ: любовникъ скоро ее бросаетъ, оставивъ несчастную на произволъ судьбы. Въ концѣ концовъ "Казаларская царица", попавъ сначала въ актрисы, выходитъ замужъ за своего перваго жениха. Въ этомъ романѣ не особенно удачно самое развитіе дѣйствія: если героиня обладаетъ сценическимъ талантомъ, то не должна, казалось бы, бросать артистическую дѣятельность, а, напротивъ, сдѣлать ее цѣлью своей жизни и въ ней найти себѣ счастіе.

Вазовъ писалъ также повѣсти и массу мелкихъ разсказовъ, собранныхъ въ отдѣльные выпуски подъ общими заглавіями. Таковы сборники "Видѣно и чуто" (Видѣнное и слышанное), "Драшки и марки" (Наброски и картинки). Въ своей повѣсти "Не мили, не драги" (Не милые, не дорогіе - обездоленные) Вазовъ изобразилъ болгарскихъ эмигрантовъ въ Румыніи. Хотя они и бѣдствуютъ, но не покидаютъ мысли освободить родину отъ турецкаго ига. Впослѣдствіи они, во время сербско-турецкой войны, являются на родину съ оружіемъ,

но гибнутъ въ бою.

Менѣе плодовитъ и менѣе талантливъ Вазовъ въ области драмы. Отмѣтимъ его драму "Хжнове" - что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ "оборванцы", "оссяки". Это-презрительное турецкое названіе, данное тѣмъ же эмигрантамъ. Драма представляетъ передѣлку только что упомянутаго разсказа "Немили, недраги" - такія передѣлки обыкновенно оказываютъ неудачны, и въ данномъ случаѣ исключенія нѣтъ. Также свой разсказъ "Загорка" Вазовъ передѣлалъ въ драму "Руска". Здѣсь находимъ картины сельской и гайдуцкой жизни съ изображеніемъ гнета и притѣсненія народа турками и кулаками-болгарами. Руска - крестьянская дѣвушка, выданная замужъ за кулака и разлученная со своимъ возлюбленнымъ, который пропалъ безъ вѣсти. Въ домѣ своего отца она убиваетъ турецкаго бея, затѣмъ спасается бѣгствомъ къ милому, ставшему въ гайдуки. Канва этой драмы, могшей быть очень сильной, не использована, какъ бы слѣдовало.

Обращаемся теперь къ лирикѣ Вазова - самой блестящей сторонѣ его творчества. Вазовъ, который былъ свидѣтелемъ турецкаго ига и возрожденія, поистинѣ является пѣвцомъ горя и страданій болгарскаго народа. Его лира отличается вообще мягкимъ тономъ, но иногда звучитъ рѣзко, сли-шая сатиров, осужденіемъ, негодованіемъ. Перо Вазов-

ской поэзіи есть одно стихотвореніе, гдѣ поэтъ выражаетъ живое упованіе на свѣтлое будущее своей страны и предсказываетъ его въ прекрасномъ образѣ. Заглавіе этого стихотворенія "Прѣсна" - на русскій языкъ буквально непереводимо и означаетъ снѣжную засыпь, т.е. мѣсто на горѣ, гдѣ весной, въ тѣни, снѣгъ еще не сталъ:

Изъ прозорека си мѣлкомъ
Гледамъ Стара Планина;
Бѣла прѣсна още мѣрка
Върху й гола стрьмнина.
Сльнце пали, вѣтри духатъ,
А тя все тъй чиста трай,
Като книга гдѣ сж дошли
Нѣщо жива да чертай.

(Изъ окна своего я гляжу на Балканы; бѣлая засыпь еще виднѣется на ихъ голомъ обрывѣ. Солнце жжетъ, вѣтры дуютъ, а она все остается такою чистой, какъ бумага, гдѣ судьба собирается нѣчто начертать).

Подобное же упованіе звучитъ и въ другомъ стихотвореніи:

Не всегда жъ, страна родная,
Будетъ мракъ царить и злс -
Явитъ, блеснетъ заря златая,
Отростетъ твое крыло.

Время новое настанетъ,
И, великъ и знаменитъ,
Лучезарный день проглянетъ,
Что нашъ родъ объединитъ.
И склонятся всѣ народы
Предъ тобой, отчизна-мать,
Въ дни величья и свободы...
Но ужъ мнѣ ихъ не видать!

Свои стихотворенія Вазовъ соединялъ въ отдѣльные сборники, которымъ давалъ разныя названія. Отмѣтимъ: 1) "Прѣпорецъ и Гусла" (Знамя и гусли). 2) "Тъжгитѣ на България (Жалобы Болгаріи)". 3) "Избавление" - въ этомъ сборникѣ главной идеей служитъ освобожденіе болгаръ отъ турецкаго гнета. 4) "Гусла" (Гусли). 5) "Поля и гори́" (Поля и лѣса). 6) "Майска китка". 7) Есть еще одинъ сборникъ, написанный подъ впечатлѣніемъ путешествія въ Италію, и озаглавленный потому "Италия". 8) Сборникъ "Сливница" относится къ серво-болгарской войнѣ: Сливница - мѣсто рѣшительной побѣды болгаръ. Тонъ патріотическій и заслуживаетъ сочувствія. Здѣсь нѣтъ обычнаго патріотическаго самохвальства, а выражается даже глубокая скорбь надъ раздоромъ братьевъ-славянъ. 9) "Звуковое" (Звуки).

Будучи по существу лирикомъ, Вазовъ и въ стихахъ выступаетъ иногда повѣствователемъ. Есть одна его стихотвор-

ная повѣсть "Ви́дулъ - тракійска идилия", направленная опять-таки противъ турецкаго гнета. Въ повѣсти говорится о томъ, какъ Видулъ, герой ея, отправляется на заработки въ Румынію. Описываются молодыя, свѣтлыя мечты Видула о возвращеніи на родину къ невѣстѣ; но увы! мечтамъ этимъ не суждено сбыться - онъ попадаетъ въ руки разбойниковъ-черкесовъ и гибнетъ злою смертью.

Въ лирикѣ Вазова есть и общечеловѣческіе мотивы. Приведу для примѣра одно стихотвореніе - "Морской утесъ":

"Утесъ морской! Ты безъ тревоги
Стоишь, противясь волнамъ;
Онѣ жъ то лижутъ твои ноги,
То яро хлещутъ по бокамъ."

"Ты равнодушенъ къ поцѣлуямъ,
Тебѣ свирѣпость не страшна;
А гибну я, страстьми волнуемъ,
И скорбь, и радость мнѣ вредна."

"Да, путникъ, я паду не скоро,
Но гибну медленно и я -
Смотри: отъ вѣчнаго напора
Мои изъѣдены края."

Но мотивы болгарскіе преобладаютъ.

Нерѣдко въ языкѣ Вазова встрѣчаются разныя неловкости, неровности, шероховатости, но, можетъ быть, онѣ объ-

ясняются, какъ живая струя языка, и, можетъ быть, жаль, что онъ въ переводѣ на болѣе обработанный языкъ сглаживается. На ряду съ этимъ можно замѣтить, что многіе стихи Вазова безспорно относятся къ высокой поэзіи.

Далѣе въ новоболгарской литературѣ пріобрѣлъ извѣстность упомянутый уже Пенчо Славейковъ, умершій недавно, въ 1912 году. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ эпическихъ и лирическихъ стихотвореній. Сборники ихъ носятъ разныя названія. Есть сборникъ "Блѣнове" (Мечты), "Эпическія пѣсни" и др. Вотъ одно шуточное стихотвореніе этого поэта - "Пѣсня о критикахъ":

Абдулъ-Гассанъ рѣшилъ: "Пристрастенъ судъ друзей -
Къ суду народному прислушаться вѣрнѣй."
И, вотъ, по площадямъ божественный поэтъ
Отправился бродить, купцомъ переодѣтъ.
И тутъ Абдулъ-Гассанъ успѣлъ собрать въ альбомъ
Такія мнѣнія о творчествѣ своемъ:
"Великъ Абдулъ-Гассанъ - онъ мыслями богатъ,
Однако въ образахъ немного блѣдноватъ."
"Великъ Абдулъ-Гассанъ, прекраснѣйшій поэтъ -
Весь образность и блескъ, однако мыслей нѣтъ."
"Фантазія слаба, сужденья - чепуха;
Абдулъ-Гассанъ беретъ лишь гладкостью стиха."
"Въ Абдулъ-Гассанѣ блескъ и есть разумный взглядъ;

Одно нехорошо, что стихъ нероховатъ."

Другое стихотвореніе также литературнаго характера, апологія поэзіи - "Колосья и цвѣты":

Какъ средь хлѣбовъ и по межамъ нестрѣтъ
Пурпурный макъ и синій василекъ -
Ихъ наравнѣ съ колосьями златыми
Колеблетъ и цѣлуетъ вѣтерокъ.

"Съ чего же вы, цвѣтишки, къ намъ пристали,
И кстати ли вашъ блескъ и гордый видъ?!
(Такъ колосъ имъ сказалъ) - "напрасно только
Земля васъ кормитъ, небо васъ поитъ.

"Вы радости жнецамъ не принесете,
Кичливою красой прельщая взглядъ!
Какіе въ плодѣ имъ поларите?
Отъ василька лишь соръ, отъ мака - ядъ."

А макъ въ отвѣтъ: "Взгляни-ка, братецъ-колосъ,
На вашихъ жницъ: окончивши свой трудъ,
Васъ оросивъ своимъ горячимъ потомъ,
Повеселѣвъ, онѣ домой идетъ.

Весь день онѣ промучились надъ нивой,
А подъ вечеръ сплели себѣ вѣнки -
Вотъ для чего, среди хлѣбобныхъ злаковъ,
Родятся также макъ и васильки."

Два эти стихотворенія болѣе общечеловѣческія; отмѣтимъ еще третье - болѣе народное, примыкающее къ имени національнаго героя, который является соединительнымъ звеномъ болгарской и сербской народности и поэзіи. Называется оно - "Маркова башня":

Путь себѣ Вардаръ широкій
Межъ высокихъ скалъ прорвалъ -
По камнямъ и по утесамъ
Шумно хлещетъ пѣнный валъ.

А на выси скалъ, чернѣясь,
Тамъ развалины видны:
Возстаютъ онѣ, какъ призракъ,
Тѣнь далекой старины.

Это - башня краля Марка:
Бичъ злодѣевъ и враговъ,
Проживалъ на этомъ мѣстѣ
Удалецъ изъ удальцовъ.

Утромъ онъ на вѣрномъ Шарцѣ*)
Выѣзжалъ отсюда въ бой;
Ночью съ милой Ангелиной
Пилъ тутъ сладость и покой.

Но величію и славѣ
Ужъ давно насталъ конецъ;

---

*) Шарцъ - пѣгій конь короля (или "королевича") Марка.

Только камни здѣсь остались,
Только филинъ ихъ жилецъ.
А Вардаръ реветъ и вьетъ,
Какъ въ былыя времена;
И въ незыблемыя скалы
Бьетъ холодная волна.

Отмѣтимъ еще лирика Кирилла Христова, который недавно пріобрѣлъ не совсѣмъ лестную извѣстность крайне несвоевременнымъ панегирикомъ Германіи.

Вотъ два образца поэзіи этого, несомнѣнно весьма талантливаго, стихотворца.

Придорожная икона.

Усталый путникъ по раввинѣ голой
Чрезъ силу ноги нывшія волокъ -
Нигдѣ ни тѣни, ни струи веселой:
Кругомъ жара, а подъ стопой песокъ.
Но вотъ ему на край небосклона
Верхушка стала черная видна -
Подходитъ: крестъ стоитъ, а въ немъ икона,
Отъ долгихъ лѣтъ тускнѣла и черна.
И путникъ сталъ подъ вѣтхою святыней,
Перекрестясь, устами къ ней припалъ -
И дальше шелъ печальнокъ пустыней,
Какъ будто бы испилъ онъ, иль поспалъ.

Дѣвичья пѣсня.

По вчерашнему опять
Разыгралась вьюга...
Что въ ней пускай! не задержать
Милаго ей друга.
Пусть до самаго утра
Сыплетъ хлопья снѣгу!
Кстати, милый у забора
Не оставитъ слѣду.

Упомянемъ еще о Стоянѣ Михайловскомъ, который, однако, скорѣе мыслитель, чѣмъ поэтъ. Пишетъ онъ довольно неуклюжими стихами, но его сатиры и эпиграммы заслуживаютъ вниманія.

Захарій Стояновъ, извѣстный политическій дѣятель, писалъ прозой. Онъ былъ рѣзкимъ руссофобомъ. Принадлежатъ ему "Записки о болгарскомъ возстаніи" и повѣсть о присоединеніи Румеліи, въ которой онъ вывелъ героя, дѣйствительно существовавшаго - Чардаклона Великаго, имя котораго и служитъ ей заглавіемъ. Отношеніе автора къ своему герою полусочувственное, полунасмѣшливое.

Назову еще Александра (Алеко) Константинова, уже покойнаго (умѣршаго). Онъ является повѣствователемъ и пользовался популярностью также въ качествѣ журналиста. Очень интересна у Константинова одна его повѣсть, гдѣ онъ мѣт-

ис изобразилъ главныя свойства болгарской природы и ввелъ на сцену одного крестьянина. Крестьянинъ этотъ не глупый, но съ разными смѣшными чертами. Эта фигура - "Вай Ганк (Дядя Ганя)" очень типична и даже вошла въ поговорку.

Что касается новѣйшей болгарской литературы, то производить ея оцѣнку было бы дѣломъ преждевременнымъ. Желающіе могутъ познакомиться съ ней по книжкѣ К.Стан.Кузьминскаго "Обзоръ новѣйшей болгарской литературы", вышедшей въ 1906 году, значитъ, тоже не доводящей ее до нашихъ дней.

ДРЕВНѢЙШІЯ СЕРБСКІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Сербы и хорваты, придя въ предѣлы Византійской имперіи въ 7 столѣтіи (впрочемъ, въ установленіи времени ученые не всѣ согласны между собою), образовали своего рода удѣльную систему - рядъ княжествъ, жупъ, слабо соединенныхъ между собою существованіемъ великаго жупана. Въ то же время, т.е. въ 7 вѣкѣ, по убѣжденію византійскаго императора, сербы и хорваты приняли крещеніе - однако изъ Рима. Но весь народъ въ христіанство не перешелъ, и въ 870-мъ году при Мунтимірѣ у сербовъ было второе крещеніе.

Можно предположить, что отзвуки кирилловской письменности пришли къ сербамъ въ 9 вѣкѣ, но доказательствъ этому нѣтъ никакихъ. Фактически, въ видѣ памятниковъ, сербская письменность восходитъ не далѣе конца 12 вѣка. Такъ,

имѣются грамоты 1189-го, 1199-го годовъ, первая Кулина Босенскаго (Боснійскаго), вторая - объединителя Сербіи Стефана Немани; въ 12-му же вѣку относится и древнѣйшая рукописная книга - Мирославово Евангеліе (Мирославъ - братъ Стефана Немани), языкъ которой собственно старославянскій (староболгарскій), но съ нѣкоторыми сербизмами. Издана на средства князя Александра въ фотолитографическомъ снимкѣ.

Первоначально сербская письменность такая же, какъ болгарская, съ той лишь разницей, что отчужденность отъ народа и религіозное направленіе сказываются здѣсь еще рѣзче.

Первыми сербскими оригинальными произведеніями являются житія туземныхъ святыхъ, между коими видимъ цѣлый рядъ вѣнценосцевъ. Причисленіе послѣднихъ къ лику святыхъ было у сербовъ особымъ пріемомъ выражать почтеніе умершимъ, хотя многіе изъ нихъ вовсе не отличались святой жизнью. Извѣстно, напримѣръ, что Стефанъ Немања принялъ подъ старость монашество, но объединилъ Сербію, конечно, не молитвой и постомъ. Въ святые попалъ и сынъ его, Стефанъ Первовѣнчанный, который временно принималъ католичество. Вернувшись въ православіе, онъ повторилъ свое вѣнчаніе. Вѣнчалъ его Савва (въ мірѣ - Растко) - братъ его. Какъ отмѣтилъ Гильфердингъ, подобное прославленіе государей звучало иной разъ горькой ироніей, - таково упоминаніе

о "благочестивомъ кралѣ Уросѣ, ослѣпившемъ сына своего возлюбленнаго Стефана."

Изъ житій святыхъ цѣлыхъ три повѣствуютъ о Стефанѣ Немањѣ (въ монашествѣ - Симеонъ). Одно писано сыномъ его - Саввой, который составилъ для отца и службу. Этотъ Савва постригся и основалъ на Аѳонѣ хиландарскій монастырь и, такимъ образомъ, завелъ сношенія съ Аѳономъ, центромъ духовнаго просвѣщенія. Написалъ Савва для своего монастыря и уставъ; еще ему принадлежитъ и уставъ Студеницкаго монастыря. Савва былъ первымъ сербскимъ архіепископомъ. Добиться автокефальной церкви сербамъ удалось благодаря тому, что Царьградъ въ то время былъ во власти латинянъ, а столица ослабленной имперіи была въ Азіи, въ Никеѣ.

Ученикъ Саввы, Дометіанъ или Доментіанъ, написалъ два житія: 1) житіе Стефана Немани и 2) житіе Саввы. Житіе Стефана Немани составилъ также Стефанъ Первовѣнчанный, но и это жизнеописаніе не представляетъ собою историческаго сборника, хотя авторъ и могъ бы его сдѣлать, а такое же житіе. Житія Немани изданы Шафарикомъ въ Памятникахъ письменности южныхъ славянъ" (Památky písemnictví Jihoslovanův). Житіе Саввы издалъ Даничичъ.

Въ 14 столѣтіи авторомъ "Житій" королей и архіепископовъ является архіепископъ Даніилъ (умеръ въ 1338 году), бывшій послѣднимъ архіепископомъ; послѣ него титулъ былъ измѣненъ, и за нимъ слѣдовали патріархи. Даніилъ имѣлъ

въ своемъ дѣлѣ продолжателей, доведшихъ повѣствованіе до конца 18 вѣка. Всѣ житія были собраны и изданы Даничичемъ подъ общимъ заглавіемъ "Житія архіепископовъ и королей, написанныя Даніиломъ и другими" (Животи краљева и архиепископа српских. Написао архиепископ Данило и други). Позднѣйшее названіе того же сборника - "Родословъ" или "Царославникъ".

Отчасти къ сербской письменности принадлежатъ Григорій Памблакъ и Константинъ Костенческій. Первый - авторъ житія Стефана Дечанскаго, который въ 1336 году былъ задушенъ во время возстанія своего сына Стефана Душана.

При Стефанѣ Душанѣ является важный законодательный памятникъ "Законникъ Стефана Душана", который былъ утвержденъ на скупштинахъ 1349 и 1354 годовъ въ присутствіи царя и патріарха. Законы Душана не вводили ничего новаго, а узаконяли лишь установившіеся обычаи, напримѣръ права судебныя, вельможныя, права простого народа, который былъ прикрѣпленъ къ землѣ, но пользовался личной свободой. Казни въ "Законникѣ" отличались суровостью, но представляли, однако, организацію уголовнаго суда и устраненіе личнаго самосуда (кровавой мести). "Законникъ" издавался не разъ: Шафарикомъ, Стояномъ Новаковичемъ, издалъ его уже и Ранчъ, который занимался его изученіемъ. Въ 1872 году Зигель написалъ о немъ монографію. Въ 1888 году Флоринскимъ были изданы "Памятники законодательной дѣятельности Стефана Душа-

на". Въ разсматриваемомъ нами "Законникѣ" мы находимъ не только постановленія скупштинъ, но въ составъ его входятъ и византійскіе законы.

Къ концу 14 вѣка восходятъ и сербскія лѣтописи, но сравнительно съ русскими онѣ отличаются скудостью и сухостью. Имена лѣтописцевъ намъ неизвѣстны; впрочемъ, въ позднѣйшее время указываютъ на Юрія Бранковича (умеръ въ 1711 году). Происхожденіе его отъ государей ("деспотовъ") Бранковичей довольно сомнительно, но, вѣроятно, онъ былъ претендентомъ на сербскія земли, - должно быть именно какъ таковой, онъ, вѣроятно, въ угоду туркамъ, много лѣтъ томился въ темницѣ въ городѣ Хебѣ (Эгерѣ), въ западной Чехіи. Лѣтопись онъ довелъ до своего времени, т.е. до царствованія германскаго императора Леопольда I-го.

Сербская литература знала и отреченныя книги. Отъ болгаръ сюда пришло и богумильство, которое въ серво-хорватскихъ областяхъ носило названіе "патаренства" (Патарѣ, вм. Катарѣ, отъ καθαρός - чистый). Особенно эта ересь процвѣтала въ Босніи (въ 15 вѣкѣ), гдѣ имѣла сильныхъ покровителей и даже одно время была господствующей религіей. Усиленію патаренства содѣйствовало возвышеніе католическихъ странъ Хорватіи и Венгріи, которыя не могли сочувственно относиться къ православнымъ.

Были у сербовъ и повѣсти, напримѣръ объ Александрѣ Македонскомъ, Троянская исторія, Стефанитъ и Ихнилатъ.

Находимъ также библейскія сказанія, разукрашенныя народной фантазіей. Отголоски повѣстей слышатся иногда въ народной словесности, напримѣръ эпизодъ о томъ, какъ Соломонъ леталъ на грифахъ (это изъ Александріи или изъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ). Отраженіе повѣсти о Соломонѣ и Китоврасѣ находимъ въ сказкѣ "Одна спица въ грязь, а другая изъ грязи" - разсужденіе бѣднаго на казнь, а затѣмъ милуемаго царя о превратности счастья. Въ другой сказкѣ "Дѣвушка, вдова и разводка" также фигурируетъ Соломонъ, какъ ребенокъ, скачущій на палочкѣ и дающій жениху совѣтъ жениться лучше на дѣвушкѣ, чѣмъ на вдовѣ или на разводкѣ, такими словами: "женишься на дѣвушкѣ, такъ ты знаешь, на вдовѣ - она знаетъ, а на разводкѣ - бойся моего коня." Надо, впрочемъ, оговориться, что приводить сказки въ связь съ повѣстями надо осторожно, такъ какъ здѣсь возможно, что сказки приняли съ готовыми эпизодами отъ другого народа.

Завоеваніе турками было также тяжело для Сербіи, какъ для Болгаріи, и тоже отразилось на общемъ состояніи литература. Письменность, и безъ того не блестящая, падаетъ совсѣмъ. Замѣчается, правда, временное оживленіе ея въ 15 и 16 в., когда появляются первыя сербскія типографіи. Одну изъ нихъ основалъ зетскій (черногорскій) князь Крій Черноевичъ (Црнојевић) въ Ободскомъ монастырѣ близъ Цетинья (Ободъ), гдѣ печатавшемъ завѣдывалъ іеромонахъ Макарій. Первая книга "Октоихъ" была напечатана въ 1493-94 го-

ду. Въ слѣдующемъ 1495 году вышла Псалтирь. Не очень дально справлялась годовщина этой типографіи. Это, впрочемъ, не первыя печатныя книги сербо-хорватскія, - первою книгою былъ вышедшій въ Венеціи въ 1483 году глаголическій "Миссалъ" (католическій служебникъ). Около 1520 года явился новый меценатъ сербскаго книгопечатанія Божидаръ Буковичъ. Онъ нѣсколько улучшилъ венеціанскую типографію тѣмъ, что велѣлъ отлить новый шрифтъ. Но въ общемъ должно сказать, что обѣ названныя типографіи работали довольно слабо и держались недолго. Имъ не хватало даже для печатанія церковныхъ книгъ, и сербы стали обращаться за таковыми въ Россію. Изъ Россіи съ этими книгами пришелъ новоцерковный (русскоцерковный) языкъ, который замѣняетъ бывшій дотолѣ въ употребленіи языкъ сербоцерковный (сербскаго извода). Русскія книги такимъ образомъ вытѣсняютъ старинныя сербскія, получающія въ противоположность первымъ названіе "сербуль" (сербула). Впослѣдствіи возникаетъ литературный языкъ сербословенскій, о которомъ намъ еще придется говорить.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ХОРВАТАХЪ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДАЛМАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Обратимся теперь къ той части сербской литературы, которая развивалась въ Хорватіи и Далмаціи. Родичи вышеназванныхъ

хорватовъ и далматинцевъ жили отдѣльной жизнью, какъ политической, такъ и литературной. Хорватское племя, придя на ту территорію, гдѣ оно находится и въ настоящее время (Константинъ Багрянородный относитъ этотъ фактъ къ 7 столѣтію, но едва-ли это такъ), образовало здѣсь двѣ области: Посавскую и Далматинскую. Оба эти королевства въ X столѣтіи соединяются, а въ 1102 году заключаютъ унію съ Венгріей, избирая себѣ въ короли венгерскаго короля - Коломана. Въ болѣе новое время (въ 1526 г.), когда Венгрія соединилась съ Австріей, сюда же была присоединена и Хорватія. До подчиненія Венгріи хорваты находились подъ верховной властью то Византіи, то франковъ.

Христіанство было принято хорватами по приходѣ ихъ на Балканскій полуостровъ, но оно плохо привилось, и въ IX столѣтіи было второе крещеніе хорватовъ - изъ Византіи. Заила къ хорватамъ проповѣдь св.св. Кирилла и Меѳодія, слѣды которой остались и теперь: до сихъ поръ нѣкоторые хорваты на Адріатическомъ морѣ удержали богослуженіе на славянскомъ языкѣ при глаголической азбукѣ, хотя обрядъ богослуженія латинскій. Изобрѣтателемъ глаголической азбуки считали славеннаго Іеронима, но онъ былъ славянскаго происхожденія и, должно быть, его смѣшали со св. Кирилломъ, такъ какъ онъ тоже переводилъ Библію (на латинскій

языкъ, это переводъ извѣстный подъ именемъ "Обиходнаго" - Vulgata).

Заселенныя славянами области ославянились не сразу, въ нихъ былъ еще силенъ мѣстный элементъ, римскій, который долго держался въ приморскихъ городахъ, будучи поддерживаемъ итальянскимъ вліяніемъ. Однако сербо-хорватская народность дѣлала большія завоеванія. Къ 15 столѣтію сербохорватскій языкъ въ городахъ Дубровникѣ (по итальянски Ragusa) и Трогирѣ (по итальянски Trau) сталъ проникать даже въ государственную жизнь, хотя употребленіе его тогда и подверглось запрету.

Дубровникъ былъ богатый торговый городъ и представлялъ собою аристократическую республику, вродѣ Венеціи, Генуи. Просуществовало это государство до 1809 года, когда Наполеонъ присоединилъ его къ "Иллиріи", области, образованной имъ изъ западно-австрійскихъ земель. Въ 1814 году на Вѣнскомъ конгрессѣ, послѣ паденія Наполеона, Далмація вся отошла къ Австріи. Названіе "Дубровникъ" ассоціируется съ дубровой - дубовымъ лѣсомъ. Этимъ и объясняется то, что поэты дубровницкіе называютъ Дубровникъ дубравой, рисуя идиллическую жизнь мѣстныхъ жителей, которыхъ изображаютъ въ видѣ пастуховъ. Конечно, такая картина нисколько не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Далматинцы, при употребленіи глаголицы и при пользованіи иногда кириллицей, обыкновенно писали латинскими

буквами, графикой, примыкавшей къ итальянской. Передача чисто-сербскихъ звуковъ иной разъ была довольно неуклюжа. Усовершенствованная "латиница" возникла позднѣе.

Въ 15 столѣтіи въ Дубровникѣ развилась стихотворная литература, представляющая изъ себя подражаніе литературѣ итальянской временъ Возрожденія. Вообще у далматинцевъ итальянскій языкъ игралъ большую роль, и итальянское образованіе имѣло первенствующее значеніе - черезъ итальянцевъ шло на Далмацію и классическое вліяніе. Упомянутая литература Дубровника пользуется какъ народнымъ языкомъ, такъ и латинскимъ и итальянскимъ. Отсюда уже становится яснымъ, что она была достояніемъ высшихъ круговъ общества. Самые знатные люди были любителями литературы, и нерѣдко такая любовь переходила отъ отца къ сыну.

Надо замѣтить, что къ Дубровнической литературѣ эпохи 15 столѣтія слѣдуетъ отвоситься болѣе сдержанно, такъ какъ она несомнѣнно имѣла меньшее значеніе, чѣмъ обыкновенно говорятъ. Хорватскій ученый Armin Pavić сильно унизилъ ту похвалу, которую воздавали произведеніямъ этой литературы. При разборѣ послѣднихъ мы не можемъ не убѣдиться въ ихъ наивности, однообразіи. Отличаются эти произведенія вялостью и отсутствіемъ оригинальности. Большинство переведено съ итальянскаго, и переводы не особенно хороши. Нѣкоторыя вещи переведены съ латинскаго и очень мало съ греческаго. Почти вся дубровническая литература пи-

сана стихами и, можно сказать, такимъ образомъ, что художественная проза въ ней отсутствуетъ.

Любимымъ родомъ поэзіи были любовныя стихотворенія: pjesni ljuvene (или ljuvezne). Этотъ поэтическій жанръ возникъ у трубадуровъ, затѣмъ перешелъ въ Италію, оттуда въ Далмацію. У итальянцевъ главный представитель этого вида поэзіи - знаменитый Франческо Петрарка. Уже и у итальянцевъ много искусственности, натянутости, - дѣйствительно прекрасныхъ стихотвореній и у Петрарки не такъ много. Что же касается далматинцевъ, то у нихъ трудно найти что либо истинно художественное въ этой области. То же самое слѣдуетъ сказать и о духовной поэзіи далматинцевъ.

Была развита въ Дубровникѣ и драма, представляющая подражаніе мистеріямъ, а также драмамъ классической и итальянской пастушеской. Далматинскій эпосъ также заключаетъ въ себѣ элементъ подражательности, не разъ бываетъ и прямымъ переводомъ. Даже сербскимъ языкомъ далматинцы владѣли не особенно хорошо - у нихъ нерѣдки итальянизмы. Послѣднее обстоятельство не должно насъ удивлять, такъ какъ вѣдь вообще трудно хорошо владѣть тремя языками сразу, а въ далматинской литературѣ, кромѣ сербскаго языка, употреблялись еще, какъ мы знаемъ, латинскій и итальянскій.

Что касается техники стиха, то размѣръ у далматинцевъ былъ довольно плохъ. Плоховата и рифма. Впрочемъ, ви-

на здѣсь отчасти падаетъ на сербскій языкъ, который очень благозвученъ въ прозѣ, но не отличается благозвучіемъ стиховъ и риѳмъ. Вслѣдствіе переноса ударенія на одинъ слогъ ближе къ началу односложныя риѳмы въ немъ почти вовсе отсутствуютъ, да и двусложныхъ немного, особенно если дорожить чистотою созвучій и не риѳмовать (что сербы дѣлаютъ), при разномъ количествѣ и интонаціи: рàд - глâд, слѐва - глáва, грâда - брáда и т.п. Иногда пренебрегали не только качествомъ, но и мѣстомъ ударенія, риѳмуя напр.: птйца - дѐсница, вóде - йсходѐ. Любимымъ размѣромъ былъ 12-сложный стихъ съ риѳмой на цезурѣ, такъ что въ сущности два такихъ стиха составляли четыре очень короткихъ. Въ видѣ образца можно привести слѣдующій отрывокъ (взятый у Аннибала Лучича):

Njê kòsa nàdbitâ // vrìdnostju i cínôm
Sva blâga òd svīta // i sûnce svitlìnôm.

(Коса ея превосходитъ достоинствомъ и цѣною всѣ блага міра и солнце - свѣтлостью).

Такимъ образомъ, получается довольно коротенькій стихъ, который для серьезной поэзіи мало умѣстенъ. Другимъ, очень употребительнымъ размѣромъ является восьмисложный стихъ, также съ перекрестной риѳмовкой. Примѣръ (изъ Кнія Пальмотича):

Tîm se srĭćan mòže rîti
Grâd Dùbrovnîk pŭn ŭresa;

Štît i snága kom' će bîti

Krâlj mògûćî od nebésâ.

(Поэтому счастливымъ можетъ назваться городъ Дубровникъ, полный красы, коему будетъ щитомъ и силою могучій Царь небесъ).

ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ДАЛМАТИНСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Первое стихотворное произведеніе далматинской литературы встрѣчается въ 20-хъ годахъ 15-го столѣтія въ видѣ приписки кириллѣвскими буквами къ одному документу. Первыми далматинскими писателями были Маринъ Кристичевичъ и Іеронимъ Мартинчичъ, но отъ нихъ до насъ дошло только по одному стихотворенію. Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія мы имѣемъ о литературной дѣятельности Сигизмунда Менчетича (Šiško Menčetić 1457-1527), который былъ плодовитымъ писателемъ. Ему принадлежитъ болѣе трехсотъ любовныхъ стихотвореній. Самая фамилія Менчетичъ-не славянская, но все таки утверждать, что самъ авторъ не-славянскаго происхожденія, рискованно; вѣдь фамилія и для славянина могла быть заимствованной съ итальянскаго. Современникомъ Менчетича былъ Георгій Держичъ (Dore Držić), жившій съ 1461 - 1501 г. Произведенія Менчетича и Держича были изданы вмѣстѣ и помѣщены во второмъ томѣ „Старинныхъ писателей Юго-славянской Академіи" - "Stari pisci hrvatski".

Здѣсь для насъ наиболѣе интересны записанныя названными писателями народныя пѣсни, а, можетъ быть, составленныя ими въ народномъ духѣ, причемъ неизвѣстно, который изъ нихъ былъ записывателемъ или сочинителемъ. Эти пѣсни составлены довольно поэтично, напр. есть одна пѣсня, гдѣ говорится о дѣвушкѣ, которая собирала вѣнокъ и заснула; надъ ней, спящей, поютъ два соловья. Намъ, должно быть, слѣдуетъ признать Держича или Менчетича авторомъ упомянутыхъ пѣсенъ, да и вообще, вѣроятно, "народныя" пѣсни сочинены книжниками, а потомъ вошли въ народъ, гдѣ отчасти вызвали подражаніе. Позднѣйшіе писатели были высокаго мнѣнія объ интересующихъ насъ въ данный моментъ писателяхъ и сравнивали ихъ съ Боккачіо, съ Петраркой. Однако такое сопоставленіе слишкомъ смѣло, хотя нельзя не признать заслугъ этихъ основателей въ далматинской поэзіи.

Изъ другихъ писателей отмѣтимъ Аннибала Лучича (Hanibal Lučić), происходившаго съ острова Хвара (по-итальянски Lésina). Ему принадлежатъ любовныя пѣсни, которыя, по ближайшемъ изслѣдованіи, оказались переводами. Есть у Лучича и драма-діалогъ, гдѣ нѣтъ настоящаго дѣйствія. Это - "Robinja" (Плѣнница). Главная мысль здѣсь заключается въ сѣтованіи надъ турецкимъ гнетомъ, а содержаніе такое, что женихъ встрѣчаетъ на рынкѣ невѣсту, похищенную у него турками, и выкупаетъ ее. Не дурно въ об-

цемъ и интересно, какъ выраженіе сочувствія Дубровнику, не-дубровчанина - "U pohvalu grada Dubrovnika", про который,между прочимъ,говорится: "Достоинъ этотъ городъ, чтобы вездѣ славиться, чтобы его Богъ и люди всегда благославляли" -

Dostojan je svudi ovi grad da slove,

Da ga Bog i ljudi vazda blagoslove.

Изъ старыхъ драматическихъ писателей выдается Маркъ Марулиичъ (Marko Marulić 1450-1524) - авторъ нѣсколькихъ мистерій. Принадлежитъ ему (хотя авторство его иногда оспаривается) мистерія Страшнаго Суда - Skazanje od nevoljnoga dne od suda ognjenoga. Написалъ Марулиичъ и нѣсколько эпическихъ произведеній: о чистой Сусаннѣ, о Юдиѳи. Оба послѣднихъ произведенія представляютъ библейскіе разсказы, но второе надо понимать иносказательно, какъ воззваніе къ борьбѣ противъ турокъ. Марулиичъ еще перевелъ нравственныя изреченія, приписываемыя Катону; привелъ въ стихи заповѣди. Подобныя же поучительныя стихотворенія - его "Семь смертныхъ грѣховъ" и "Слова черепа", говорящаго о бренности всего земного. Та же мысль, какъ въ "Юдиѳи", прямо высказана въ "Молитвѣ противъ турокъ."

Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей далматинской литературы былъ мавръ Ветраничъ (Mavro Vetranić Čavčić), монахъ, въ мірѣ - Николай (1482-1576). Происходилъ

онъ изъ знатнаго семейства; онъ сталъ игуменомъ, но, вслѣдствіе столкновеній съ начальствомъ, долженъ былъ покинуть монастырь и поселился на пустынномъ островѣ. О Чавчичѣ есть статья Гаврiила Князева, помѣщенная въ Первомъ Сборникѣ въ честь Ламанскаго. Писалъ Чавчичъ мистерiи: "Чистая Сусанна", "Воскресеніе Христово", "Жертва Авраамова". Особенно любопытенъ здѣсь народный элементъ. Въ лицѣ рабовъ Авраамовыхъ выведены простолюдины, современные автору.

Болѣе крупнымъ произведеніемъ Ветранича является "Remeta (Eremita)" - Отшельникъ. Первая часть произведенія представляетъ описаніе острова, гдѣ жилъ авторъ; вторая - нападки на человѣческую несправедливость. Поэтично и вмѣстѣ съ тѣмъ просто описываетъ авторъ трудность существованія на своемъ островѣ: холодъ, голодъ, лишенія, которыя онъ переносилъ. Далѣе онъ выражаетъ надежду, что послѣ земныхъ страданій его ждетъ небесная награда. Есть очень недурное начало этого произведенія: "Остановитесь животныя, остановитесь птицы и прочія Божія созданія, особенно рыбы-плескуньи, которыя плаваете по синему морю, чтобы вамъ слышать мою скорбь, и бѣду, и страданія, что я выпѣваю одинъ на скалѣ въ печальныя мои пѣсни:"

Stante zvieri, stante ptice
i ostali Boži stvore,
navlaš ribe pliskavice,

ke ploveta sinje more,
moju tugu i nevolu
da čujete i boljezni,
što pripjevam sam na školju
u jadovne moje pjesni.

Ветраничу принадлежитъ еще поэма "Pelegrin" -"Скиталецъ", планъ которой былъ задуманъ очень широко, но которая осталась неоконченной. Здѣсь представлено аллегорическое скитаніе, причемъ путникъ по дорогѣ встрѣчается съ богами, разными миѳическими чудовищами и самъ претерпѣваетъ различныя превращенія. Нравственная мораль аллегоріи въ томъ, что человѣкъ долженъ находить покой въ смиреніи и вѣрѣ. Представляютъ интересъ и политическія пѣсни Чавчича, напримѣръ "Пѣсня итальянцамъ", гдѣ высказывается любовь дубровчанина къ умственной метрополіи Далмаціи, къ Италіи. "Пѣсня государямъ", "Жалоба Буды" (Буда, Офенъ, Пештъ) взываютъ къ борьбѣ противъ турокъ.

Современникомъ Ветранича былъ Петръ Гекторовичъ, или Гекторевичъ (Petar Hektorović 1487-1572), родившійся на островѣ Хварѣ, какъ и Аннибалъ Лучичъ. Произведенія его помѣщены въ 6-мъ томѣ "Старохорватскихъ писателей". О Гекторовичѣ писалъ Несторъ Петровскій (Казань, 1905 г.). Есть рецензія Князева, по которой эта книга въ 1903 году была удостоена премія Котляревскаго (въ память проф.-слависта

А.А.Котляревскаго).

Кромѣ стихотвореній и посланій, Гекторовичъ написалъ поэму "Рыболовство и рыбацкіе разговоры", доставившую ему особенную извѣстность. Здѣсь описываются дни, проведенные авторомъ на лодкѣ съ рыбаками, и разговоры съ ними. Въ уста рыбакамъ вложены произведенія въ народномъ духѣ, или въ дѣйствительности созданныя народомъ: загадки, приговорки, заздравная пѣсня. Надо сказать, что нѣкоторыя вещи отзываются, однако, книжностью. Вставлено сюда и нѣсколько юнацкихъ (эпическихъ) пѣсенъ, или, какъ онѣ здѣсь называется, "бугарщинъ". Гундуличъ, знаменитый поэтъ, о коемъ рѣчь впереди, приводилъ слово "bugaršćina" (собственно, несомнѣнно родственный ему глаголъ bugariti - пѣть народныя пѣсни) въ связь съ народнымъ именемъ болгаръ, говоря про Орфея, считаемаго имъ, какъ ѳракіецъ, болгариномъ: „славный болгаринъ оставилъ ихъ (свои пѣсни) своему славянскому языку, чтобы славныя дѣла вѣчно въ нихъ воспѣвались" -

Bugarin je slavni ostavi
slovinskomu svom jeziku
djela od slave da i slavi
bugare se u njih viku.

При такомъ пониманіи надо предполагать, что юнацкія пѣсни возникли у болгаръ и отъ нихъ перешли къ сербамъ. Есть,

однако, другое толкованіе, по коему слова эти восходятъ къ итальянскому volgare, латинскому vulgaris - простой, простонародный, и первоначально значатъ, такъ сказать, "простонародить", "простонародчина". Тогда они лишь впослѣдствіи, вѣроятно не однимъ Гундуличемъ, стали пріурочиваться къ имени болгаръ.

Вставлены въ нашу поэму слѣдующія пѣсни-былины: 1) о королевичѣ Маркѣ, который, въ спорѣ съ братомъ Андреяшемъ, убиваетъ послѣдняго; 2) о двухъ враждующихъ юнакахъ, Радославѣ Сиберинскомъ и Владкѣ Удинскомъ: сначала они мирятся, затѣмъ первый гибнетъ отъ предательства второго; 3) о двухъ плѣнныхъ королевичахъ, Адріашѣ и Лазарѣ, которые томятся въ тюрьмѣ у турецкаго султана. Адріашъ даетъ обѣтъ уже не воевать съ турками, а постричься въ монахи, если его выпустятъ изъ тюрьмы. Былина эта безъ конца.

Отмѣтимъ далѣе Андрея Чубрановича, написавшаго "Цыганку" (Jeđupka). Цыганка гадаетъ пяти дамамъ, а потомъ еще одной говоритъ о любящемъ ее человѣкѣ. Про Чубрановича говорили, что онъ былъ простого званія, но это, должно быть, невѣрно и основано лишь на одной метафорѣ, гдѣ онъ называетъ самого себя золотыхъ дѣлъ мастеромъ - zlatar. "Цыганка" имѣла большой успѣхъ. Другіе поэты воспроизводили изъ нея отдѣльные стихи и цѣлыя строфы. Къ такому пріему прибѣгали даже лучшіе поэты Гундуличъ и Пальмо-

тичъ. Подобное заимствованіе въ наше время считается предосудительнымъ, но въ старину было умѣстно, такъ какъ литературные обычаи стараго времени иные, и о "plagiatахъ" не имѣли понятія. О Чубрановичѣ и его отношеніи къ туземцамъ есть статья на нѣмецкомъ языкѣ Медини, помѣщенная въ "Архивѣ Славянской Филологіи", томъ XXII-ой.

Представителемъ настоящей драмы (а не мистеріи), отчасти пастушеской, отчасти бытовой, является Маринъ Держичъ (Marin Držić), умершій въ 1580 году. Написалъ онъ восемь комедій прозой, но комедіи эти цѣликомъ до насъ не дошли. Есть у Марина Держича также стихи: комедіи въ стихахъ и любовныя пѣсни. Такъ, стихами написана пастушеская драма "Tirena". Героиня-красавица, въ которую влюбляются всѣ окрестные пастухи. Стихами написано и "Novela od Stanca", комическія сцены, въ коихъ молодежь издѣвается надъ однимъ старикомъ, увѣряя его, будто онъ чудеснымъ образомъ помолодѣлъ.

Прозой Держичъ написалъ комедію Dundo Maroje, которая имѣетъ бытовой характеръ. Купецъ отправляетъ своего сына въ Анкону торговать, но тотъ ѣдетъ въ Римъ и предается тамъ кутежамъ. Отецъ и невѣста пріѣзжаютъ туда же, чтобы его образумить; дальнѣйшее неизвѣстно, такъ какъ комедія осталась неоконченной, но можно догадываться, что это въ концѣ концовъ должно было удаться.

Petar Zoranić (1508-1569) написалъ эпическое произведеніе "Planine"("Горы"). Это произведеніе представляетъ собраніе эклогъ и различныхъ эпизодовъ, соединенныхъ въ одно цѣлое. Изложеніе главнымъ образомъ прозаическое, но встрѣчаются здѣсь и стихи. "Planine" есть передѣлка одного итальянскаго произведенія "Arcadia" (Санаццаро). Основная мысль примыкаетъ къ Данту. Нѣкоторыя странствованія также напоминаютъ соотвѣтствующія мѣста изъ "Божественной Комедіи." Путникъ отправляется въ дорогу и встрѣчаетъ разныхъ реальныхъ и фантастическихъ лицъ. Нимфы показываютъ ему адъ, который имѣетъ черты сходства съ адомъ, изображеннымъ у Данта. При путешествіи встрѣчаются пастухи: они поютъ любовныя пѣсни и преданія (превращенія), мало похожія на народныя. Однако довольно реально изложено повѣствованіе о турецкихъ набѣгахъ. Далѣе путникъ видитъ во снѣ греческую, латинскую, халдейскую и хорватскую музу. Здѣсь книжный элементъ довольно силенъ, но подчасъ идетъ рука объ руку съ народнымъ.

Dinko Zlataric (1556-1607) учился въ Падуѣ. Дамой его сердца была Флора Изуддзери (Flora Zuzzeri-Cvieta Zuzoriéeva), которая и сама была писательница. Златаричъ писалъ драматическія произведенія, впрочемъ, мало оригинальныя. Перевелъ онъ изъ Тасса пастушескую драму "Aminta", давъ ей заглавіе "Ljubmir", еще "Электру" Софокла. Принадлежитъ

ему передѣлка въ драму одного отрывка изъ Овидія - Пирама и Тизбу.

Крупное мѣсто въ далматинской литературѣ занимаетъ Иванъ Гундулићъ (Ivan Franjo Gundulić, по-итальянски Gian Francesco Góndola - 1588-1638), сочиненія котораго составляютъ IX томъ "Старинныхъ хорватскихъ писателей". Гундулићъ былъ дубровчанинъ, былъ государственнымъ дѣятелемъ, сенаторомъ, ректоромъ дубровницкой республики. Отъ него остался рядъ переводныхъ, подражательныхъ и оригинальныхъ произведеній. Перу Гундулића принадлежитъ миѳологическая драма - "Аріадна", которая, какъ оказалось впослѣдствіи, переведена съ итальянскаго. "Dubravka" представляетъ аллегорическое изображеніе мирной пастушеской жизни дубровчанъ. Драматическія произведенія Гундулића исполнялись на сценѣ. Лирико-эпическій характеръ носятъ "Слезы блуднаго сына" (содержаніе заимствовано изъ евангельской притчи). Здѣсь находимъ не мало поэзіи; представляется лишь страннымъ то, что въ уста героя вложены поэтическія выраженія, которыя поэтъ очень кстати могъ бы употребить отъ себя.

Болѣе слабое произведеніе Гундулића - "Отвѣтливый любовникъ" (Ljubovnik sramežljiv), представляющее монологъ влюбленнаго человѣка. Это подражаніе итальянцу Іерониму Прети (Girólamo Preti). Перевелъ Гундулићъ еще нѣсколько псалмовъ - "Покаянныя пѣсни царя Давида", но они не осо-

совсѣмъ удачна. Еще менѣе заслуживаетъ вниманія ода элегія Гундулича "На смерть Маріи Каландриць", а также "Отсенка о Божьемъ величіи". Наоборотъ, замѣчательна въ историко-литературномъ отношеніи ода Фердинанду II-му, который изучалъ сербо-хорватскій языкъ у дяди нашего поэта. Въ названной одѣ заслуживаетъ вниманія содержаніе ея: здѣсь высказаны славянофильскія мысли, идея о единствѣ всѣхъ славянъ. Нельзя категорически утверждать, что Гундуличъ былъ панславистомъ - о политическомъ объединеніи славянъ онъ ничего не говоритъ и даетъ лишь указанія на родственную связь отдѣльныхъ славянскихъ народовъ.

Упоминаніе о "великомъ славянскомъ племени" встрѣчается и въ поэмѣ "Османъ". Эта поэма имѣетъ сюжетомъ борьбу славянства съ турками и разложеніе турецкаго государства. Центральное лицо поэмы - султанъ Османъ II, предпринявшій походъ на Польшу и потерпѣвшій въ 1621-омъ году пораженіе при Хотинѣ. Задумалъ онъ затѣмъ поднять свое могущество и для этой цѣли рѣшилъ реформировать свою армію, что ему, однако, не удалось: янычары, которыхъ онъ хотѣлъ уничтожить, подняли бунтъ и умертвили султана. Однако Османъ все-таки не заслуживаетъ названія героя поэмы, каковой не заслуживаетъ и польскій королевичъ Владиславъ (какъ король 4-ый этого имени, избранный было въ русскіе цари), хотя Гундуличъ и прославляетъ его - по ошибкѣ, какъ побѣдителя турокъ.

Поэма "Османъ" - замѣчательное литературное произведеніе, но много въ ней и заимствованнаго, напримѣръ изъ Торквата Тасса, а черезъ посредство послѣдняго изъ Виргилія, Гомера. Въ лирико-дидактическихъ вступленіяхъ ея пѣсней замѣтно вліяніе Аріоста. Рядомъ съ книжнымъ вліяніемъ въ поэмѣ является и элементъ народный, который выразился, напримѣръ, въ постоянныхъ эпитетахъ, обычныхъ въ народныхъ пѣсняхъ (бѣлый день, сѣрый соколъ и т.п.), повторенія стиховъ. Впрочемъ, послѣдній пріемъ можно толковать различно: его можно выводить также изъ Гомера, даже изъ Виргилія и Тасса (гдѣ онъ, правда, рѣдокъ). Бытовая обстановка представлена довольно вѣрно, и лишь иногда замѣтны отступленія, объясняемыя вліяніемъ книжныхъ образцовъ. Поэма "Османъ" написана лирическимъ (пѣсеннымъ) размѣромъ, - это приблизительно четырехстопный хорей, но стихи не всегда отличаются правильностью.

Вотъ, какъ образчикъ стиховъ Гундулича, заключительная строфа поэмы, резюмирующая ея главное содержаніе. Это слѣдующія слова, обращенныя къ Турціи: "Теперь сокрушилась вся твоя слава, такъ какъ тысячи тысячей твоихъ передъ Владиславомъ вялы были обратившимися въ бѣгство:

Sad se skrši sva tva slava,

Jer tisuća od tisućâ

Tvojieh ispred Vladislave

Vidjela se pobjegnuća.

О поэмѣ "Османъ" есть мое студенческое сочиненіе, удостоенное золотой медали и затѣмъ, въ переработкѣ, напечатанное въ IV томѣ "Извѣстій Нѣжинскаго Филологическаго Института" (Кіевъ, 1879). Еще о томъ же см. статьи Кочановскаго въ "Вѣстникѣ Славянства" 1885 годъ и Липовскаго въ "Славянскомъ Обозрѣніи" кн. IV-ая.

Рядомъ съ Гундуличемъ назовемъ его двоюроднаго брата Юнія Пальмотича (Đone Palmotić, Gunio Palmotta), главное произведеніе котораго - духовная поэма "Христіада". Здѣсь изображена земная жизнь Спасителя, начиная со въѣзда въ Іерусалимъ. Изложены въ поэмѣ мимоходомъ и болѣе раннія и нѣкоторыя ветхозавѣтныя событія. Заканчивается повѣствованіе сошествіемъ Св. Духа. Что касается размѣра этой поэмы, то писана она тѣми же стихами, какъ и "Османъ" Гундулича. "Христіаду" нельзя назвать вполнѣ оригинальнымъ произведеніемъ, такъ какъ она примыкаетъ къ латинской поэмѣ итальянца Іеронима Виды. Писалъ Пальмотичъ еще духовныя пѣсни и драмы на античные и другіе сюжеты. Такъ, ему принадлежитъ драма "Павлимиръ" - переработка легенды объ основаніи Дубровника.

Въ произведеніяхъ Пальмотича ясно сказывается народный элементъ. Авторъ мастерски умѣлъ импровизировать пѣсни

въ народномъ духѣ, но къ сожалѣнію эти пѣсни до насъ не дошли. Пальмотичъ очень дорожилъ чистотой языка, и въ своихъ произведеніяхъ слѣдовалъ боснійскому говору.

Въ слѣдующемъ, XVIII вѣкѣ, слѣдуетъ отмѣтить Игнатія Джорджича. Лирика Джорджича довольно разнообразна и въ этомъ отношеніи указанный поэтъ превосходитъ всѣхъ другихъ. Писалъ Джорджичъ духовныя произведенія (онъ былъ монахомъ, сначала iезуитомъ, потомъ бенедиктинцемъ), напримѣръ извѣстны его переложенія псалмовъ. Постоянной тенденціей Джорджича было возможно широкое употребленіе народнаго языка - онъ высказалъ желаніе, чтобы имъ пользовалась и наука.

Современникомъ Джорджичу писателемъ въ народномъ духѣ былъ Андрей Качичъ Міошичъ (псевдонимъ "Старецъ Милованъ"). Онъ происходилъ изъ знатнаго рода, получилъ хорошее образованіе, много путешествовалъ, собирая при этомъ между прочимъ рукописи и народныя преданія. Параллели изъ его-славянской исторіи онъ ввелъ уже въ свою назидательную книгу "Кораблицу" (Ноевъ ковчегъ, извлеченіе изъ Св.Писанія). Затѣмъ вышло его сочиненіе "Razgovor ugodni naroda slovinskoga" (Пріятное развлеченіе народа славянскаго). Сочиненіе представляетъ историческій разсказъ о южно-славянскихъ государяхъ и подвигахъ. Къ славянамъ почему-то причисляется и Александръ Македонскій. Вообще можно сказать, что историческая достовѣрность повѣствуемаго здѣсь весьма со-

мнительна. Въ повѣствованіе вставлены пѣсни - свои въ народномъ духѣ и прямо народныя.

НОВАЯ СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. РЕФОРМА ЯЗЫКА И ПРАВОПИСАНІЯ.

Возвращаемся къ сербамъ. Положеніе ихъ въ концѣ 17 столѣтія улучшается, благодаря побѣдамъ Австріи надъ Турціей, причемъ Австрія отвоевываетъ у турокъ часть плѣненныхъ сербовъ. Въ 1690 году сербскій патріархъ Арсеній Черноевичъ съ 10.000 семействъ переселяется въ Австрію. Въ 18 вѣкѣ происходитъ вторичное сербское переселеніе. Въ это время начинаютъ понемногу возникать школы, учителя для которыхъ выписывались изъ Кіева. Кіевскіе книжники принесли сербамъ схоластическое ученіе и славенс-россійскій языкъ, обратившійся, вслѣдствіе нѣкоторыхъ уступокъ мѣстному, въ славяно-сербскій. Славено-сербскій языкъ привился въ литературѣ и вытѣснилъ языкъ церковный, сербскаго извода. Даже народный языкъ нѣкоторыхъ прежнихъ авторовъ, при переизданіи, измѣняли въ славено-сербскій.

Такъ, пользуется этимъ языкомъ для своихъ сочиненій Іован Рајичъ († 1801). Родился Раичъ въ Карловцѣ. Завѣтной его мечтой было написать исторію своего народа, и съ этой цѣлью Раичъ много путешествовалъ. Вернувшись на родину, онъ принялъ монашество. Его "Исторія разныхъ славян-

скихъ народовъ" не есть серьезное изслѣдованіе, хотя авторъ старался добросовѣстно разработать свое произведеніе. Ни ученую, ни художественную обработку "Исторіи" нельзя ставить высоко.

Писалъ Раичъ и стихи, правда, не особенно удачные, но имѣющіе пропагандный характеръ. Отмѣтимъ одно: "Boj змаја са орлови", гдѣ подъ змѣемъ понимается Турція, а орлы символически изображаютъ Австрію и Россію.

Основателемъ новаго направленія въ сербской литературѣ былъ Досиѳей Обрадовичъ. Оставшагося сиротой, дяля рѣшилъ пустить его по торговой части, но Обрадовичъ имѣлъ монашескія стремленія и убѣжалъ въ монастырь Хопово, на Фрушкой горѣ. Здѣсь онъ, въ отличіе отъ другихъ тамошнихъ монаховъ, велъ строгую жизнь, но скоро разочаровался въ монашествѣ и пустился странствовать. Все время Обрадовичъ жилъ на свои средства, давая уроки, но въ то же время стремился пополнить и свое образованіе. Такъ, онъ слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ въ то время, когда былъ гувернеромъ одного студента. Много онъ изучалъ также иностранныхъ языковъ.

Главное произведеніе Обрадовича - автобіографія, которую онъ самъ и издалъ. Здѣсь мы находимъ не совѣсмъ вѣрное описаніе фактовъ жизни Обрадовича, такъ какъ на ряду съ былью встрѣчаются прикрасы. Но возможно, что у писавшаго не было къ нимъ сознательнаго стремленія. Основная

мысль автобіографіи - проповѣдь просвѣщенія, которому противополагается корень всякаго зла - невѣжество. Бывъ религіознымъ энтузіастомъ, Обрадовичъ сталъ впослѣдствіи раціоналистомъ, но до конца жизни сохранилъ вѣру въ Бога, стремленіе къ просвѣщенію и горячую любовь къ своему народу. Писалъ Обрадовичъ и другія произведенія, напр. басни, изложенныя прозой. Кое что, впрочемъ, онъ написалъ и стихами. Жизнь Обрадовичъ кончилъ въ сельской тишинѣ, подъ Бѣлградомъ, гдѣ былъ учителемъ дѣтей князя Карагеоргія (Георгія Чернаго) и сенаторомъ.

Языкъ произведеній Обрадовича представляетъ уже нѣкоторый поворотъ въ сторону народнаго, но еще далекъ отъ того языка, который впослѣдствіи былъ заведенъ Вукомъ Караджичемъ. Народнымъ языкомъ писалъ тогда и іеромонахъ Стефановичъ; а учитель Микашиновичъ на народномъ языкѣ давалъ въ Яколѣ объясненія. Большинство современниковъ Досиѳея на счетъ чистоты языка стояли ниже его, напримѣръ Милованъ Видаковичъ, стяжавшій себѣ славу, какъ романистъ. Только Янковичъ, разрабатывавшій драму (на немъ отразилось вліяніе Досиѳея Обрадовича), писалъ сравнительно чистымъ языкомъ.

Постепенно улучшается языкъ подъ перомъ Дмитрія Давидовича, въ его газетѣ "Српске новине".

Литературный кружокъ, группировавшійся около Давидовича, дѣйствовалъ не безъ успѣха. Особенно выдавались въ

кружкѣ епископъ Лукіанъ Мушицкій и Іованъ Хаджичъ (псевдонимъ - Миловъ Светичъ). Первый писалъ одн. съ патріотическимъ настроеніемъ, причемъ пользовался славносербскимъ языкомъ, хотя интересовался и народной словесностью. Хаджичъ писалъ и стихи, и газетныя статьи, занимался исторіей и филологіей. Извѣстенъ онъ, впрочемъ, преимущественно съ дурной стороны, какъ противникъ Караджича. Великая заслуга Хаджича въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ Мушицкимъ, Кріемъ Магараševичемъ (редакторомъ журнала "Сербская лѣтопись"), при участіи также чеха (словака) знаменитаго Павла Шафарика, бывшаго тогда учителемъ въ Новомъ Садѣ, основалъ въ Пештѣ, потомъ переведенную въ Новый Садъ, "Сербскую матицу" - литературный фондъ для изданія сербскихъ книгъ, по образцу которой послѣ возникли матицы у другихъ славянъ: иллирская (хорватская) въ Загребѣ, словенская въ Любляни, словацкая (ограбленная впослѣдствіи мадьярами) въ Турчанскомъ Святомъ Мартинѣ, галицкая во Львовѣ, чешская въ Прагѣ, сербо-лужицкая въ Будишинѣ.

Настоящимъ реформаторомъ сербскаго литературнаго языка является Вук Стефановић Караџић (1780-1864). Родители его принадлежали къ крестьянскому сословію. Въ дѣтствѣ Караджичъ образованія не получилъ и доучивался въ школѣ самъ, но въ гимназію ему не удалось поступить за великовозрастіемъ. Караджичъ былъ современникомъ и участникомъ возстановленія сербскаго государства. При немъ Георгій

Черный подялъ возстаніе противъ турокъ въ 1804 году, но въ 1813 году государство, имъ основанное, пало. Черезъ два года, въ 1815 году, сербы снова возстаютъ подъ предводительствомъ Милоша. Съ Милошемъ Караджичъ сначала онъ въ дружескихъ отношеніяхъ, но впослѣдствіи разошелся съ нимъ, такъ какъ не выносилъ его деспотическихъ наклонностей. Въ военныхъ дѣйствіяхъ Караджичъ не принималъ непосредственнаго участія вслѣдствіе того, что охромѣлъ, но дѣйствовалъ много перомъ и проповѣдью.

Литературная заслуга Караджича принадлежитъ ему вмѣстѣ съ извѣстнымъ ученымъ, словенцемъ Варѳоломеемъ Копытаремъ. Послѣдній состоялъ цензоромъ славянскихъ книгъ въ Вѣнѣ и обратилъ вниманіе на одну статью въ Сербскихъ Новинахъ, которая была струей живого языка среди книжной искусственности. Сблизившись съ авторомъ этой статьи, т.е. съ Караджичемъ, Копытарь много помогалъ ему въ собираніи матеріала народнаго творчества - пѣсенъ и сказокъ. Копытарь самъ мечталъ о реформѣ письма, такъ какъ не любилъ надстрочныхъ знаковъ, и хотѣлъ дополнить латинскую азбуку кирилловской.

Изданія Вука Караджича по большей части представляютъ собранныя имъ народныя произведенія, но кое-что онъ и самъ перевелъ, напр. сербскій Новый Завѣтъ (на народномъ языкѣ).

Къ Караджичевой реформѣ правописанія отнеслись отрицательно, обвиняя самого новатора въ невѣжествѣ: въ Серб-

скомъ княжествѣ орѳографія его была запрещена (Караджичъ печатался въ Вѣнѣ и въ Лейпцигѣ). Но въ 1847 году въ его защиту выступилъ ученый Даничичъ, котораго уже нельзя было обвинять въ невѣжествѣ. Въ 1852 году употребленіе новаго письма было снова запрещено, и запрещеніе было снято лишь въ 1860 году, однако съ оговоркой, чтобы народныя школы продолжали держаться старины. Въ 1868 году послѣдовало разрѣшеніе къ всеобщему пользованію фонетическаго письма, до чего Караджичъ, значитъ, не дожилъ. Неудобокъ для многихъ была Караджичева замѣна ѣ по южному говору то черезъ је, то черезъ ије, то черезъ и (био, бијѣла, бјељи - бѣлъ, бѣла, бѣлѣе), и теперь восторжествовало восточное повсемѣстное е .

Введши чисто-народную рѣчь, съ устраненіемъ всего книжнаго, Караджичъ м.б. впалъ въ нѣкоторую крайность - книжные элементы, при разумномъ пользованіи, являются полезнымъ обогащеніемъ литературнаго языка (Впрочемъ, въ Новомъ Завѣтѣ имѣются нѣкоторыя слова церковнославянскія и русскія). О преобразованіи сербской гражданицы и литературнаго языка можно прочитать въ книгѣ Платона Андреевича Кулаковскаго - „Вукъ Стефановичъ Караджичъ. Его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ", Москва, 1882.

Изъ дальнѣйшихъ произведеній сербской литературы отмѣтимъ "Исторію Черной Горы и Сербіи за 1813-14 года" Симеона Милутиновича ("Сарайлія", т.е. сараевца, происходив-

шаго изъ Сараева и умершаго въ 1851-омъ году). Написалъ онъ еще рядъ патріотическихъ пѣсенъ подъ общимъ заглавіемъ "Сербіянка". Здѣсь воспѣвается освобожденіе Сербіи изъ подъ турецкаго гнета. Обращаетъ здѣсь на себя вниманіе обильное внесеніе классической миѳологіи. Языкъ этого произведенія тяжелый, и никакъ нельзя назвать его чисто-народнымъ, но все же онъ народнѣе языка другихъ славено-русскихъ писателей.

Симеонъ Милутиновичъ былъ наставникомъ Петра Нѣгоша, который и самъ подъ его вліяніемъ сдѣлался поэтомъ. Петру Нѣгошу принадлежитъ "Горскій вѣнецъ". Въ этомъ произведеніи описывается историческое событіе - изгнаніе изъ Черногоріи потурченцевъ (сербовъ-мусульманъ) въ концѣ 17-го вѣка. Дѣло это было совершено владыкою (архіепископомъ и княземъ) Даніиломъ. Въ этой поэмѣ силенъ народный элементъ, да и языкъ ея довольно чистый. О Петрѣ Нѣгошѣ см. монографію Петра Алексѣевича Лаврова "Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, владыка черногорскій, и его литературная дѣятельность", Москва, 1887.

Укажемъ еще Іована Стерію Поповича - автора драмъ и комедій. Онъ выступаетъ и недурнымъ лирикомъ въ жалобныхъ пѣсняхъ "Лавориje на пољу Косову", носящихъ лирико-эпическій характеръ. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ нихъ, красивыхъ, и кстати опредѣляющихъ духъ всего произведенія:

Где је Призрен, славни град,
Где су царски двори?
Где Душа́нов златни век,
Што чудѐса створи?
Све прогу́та Косово,
Оде српска слава -
Где су биле градови,
Сада расте трава! *)

Іованъ Суботић (1817-1886) началъ свою литературную дѣятельность при старомъ направленіи, но потомъ присоединился къ Вуку Караджичу. По профессіи онъ былъ юристъ. Писалъ Суботичъ эпическія произведенія, историческія драмы. Суботичу принадлежитъ также цѣлый рядъ мелкихъ произведеній. Его "Врдничка Кула" сдѣлалась народной пѣсней. Однако Суботичъ какъ драматургъ и лирикъ не особенно удовлетворяетъ литературнымъ требованіямъ и художественному вкусу.

Лучшимъ сербскимъ поэтомъ до сихъ поръ считается скончавшійся въ молодыхъ годахъ (жилъ 1824-1835) Вранко (Алексѣй) Радичевичъ, авторъ ряда хорошихъ лирическихъ и лирико-эпическихъ произведеній. Поклонникъ Караджича, словарь котораго былъ имъ весь прочитанъ, онъ сдѣлался осно-

---

*) Прогута - проглотило, похрало; оде, отиде - отошла, миновала; сада - теперь.

вателемъ сербскаго стихотворнаго языка - въ этомъ смыслѣ его называютъ сербскимъ Пушкинымъ.

Особенно популярна его элегія "Когда я думалъ, что умру (Кад мислијах умријети)". Какъ образчикъ лирико-эпической вещи, приведу вещицу, которую можно бы озаглавить "Дѣвичьи мечты" или "Женская доля", это - "Девушка у источника (Дјевојка на студенцу ": Когда я вечоръ здѣсь была и водички зачерпнула, повстрѣчался парень чернаго глаза на лошадкѣ легкаго скока. Поздоровался онъ со мною, говоритъ потомъ: "Дай же, сестрица, немного воды!" Эти слова, сладкія стрѣлы, пронзили мнѣ груди бѣлыя - вскочила я, молодая, къ нему подошла, подняла руку, кувшинъ подняла; рука дрожитъ, кувшинъ - внизъ, пошелъ на двѣ, на три половины. Еще отъ него лежатъ черепки - но гдѣ теперь тотъ красивый? Когда бы теперь онъ опять пришелъ, пусть бы и этотъ другой пропалъ!"

Кад сам синоћ овдје била Скочих, млада, њ-ему стигох,
И водице захитила, Дигох руку, крчаг дигох:
Дође момче црна ока Рука дрхти - крчаг доле,
На коњ-ицу лака скока. Оде на две, на три поле.
Поздрави ме, зборит оде: Још сд њ-ега леже црепи -
Дајде, сеље, мало воде! Али де је онај лепи?
Ове вечи, слатке стреле, Кад би сада опет дош'о,
Минуше ми груди беле - Ма и овај други прош'о!

Изъ болѣе крупныхъ именъ назову еще Змая Јовановича, умершаго въ 1904 году. "Змѣемъ" онъ былъ прозванъ по издававшемуся имъ сатирическому журналу. Изъ его отдѣльныхъ стихотвореній отмѣтимъ "Пѣснь о пѣснѣ". Болѣе короткое стихотвореніе "Три гайдука" представляетъ прекрасную балладу, въ которой изображенъ турецкій гнетъ, тягость котораго внутренне должны были чувствовать даже сами угнетатели. Паша умираетъ отъ ужаса при видѣ и рѣчахъ трехъ скелетовъ замученныхъ имъ въ темницѣ гайдуковъ, предлагающихъ ему испить чаши съ кровью. Въ другомъ произведеніи "Трубка и жена" рисуется безотрадная картина турецкаго безправія, тяготѣющаго не только надъ чужими, но и надъ своими. Стихотвореніе это очень коротенькое: султанъ, узнавъ, что у бега Селима есть необычайной красоты трубка и жена, посылаетъ ему отравленную чашу, которую тотъ покорно выпиваетъ.

Несомнѣнно даровитымъ писателемъ является еще Јурій Якшичъ (Ђуро Јакшић), бывшій также и живописцемъ, хотя онъ не былъ достаточно образованнымъ и не обрабатывалъ хорошо своихъ произведеній. Изъ таковыхъ главнымъ является его драма "Елизавета княгиня Черногорская". Есть у Якшича и недурныя лирическія вещицы, но истинно-прекрасныя произведенія найти у него трудно. Отмѣтимъ одно лирическое стихотвореніе, гдѣ выражается участіе къ сербамъ во время мадьярскаго возстанія въ 40-хъ годахъ: "Задајте, браћо! плиште у крви!"

Јован Сундечић (род. въ 1825 году), далматинецъ, былъ по званію священникомъ, жилъ сначала въ Задрѣ (Zara), потомъ въ Сербіи и Черногоріи. Самое замѣчательное его произведеніе - "Вршидба" (Молотьба). Это лирико-эпическое стихотвореніе напоминаетъ "Колоколъ" Шиллера (изображеніе, въ связи съ отливкой, хода человѣческой жизни) и тоже кончается благимъ пожеланіемъ общей любви и примиренія.

Король (прежде князь) Николай Черногорскій - также поэтъ. Извѣстна его драма "Балканская царица". Младшій сынъ Ивана Черноевича желаетъ черезъ турокъ добиться славы и власти. Онъ призываетъ къ участію и возлюбленную, Данницу, обѣщаясь сдѣлать ее балканской царицей, но она съ негодованіемъ отказывается. Предводимый имъ турецкій отрядъ терпитъ пораженіе, невѣста, которую онъ опять зоветъ съ собою, бросается въ Морачу. Героиня драмы - лицо вымышленное.

Очень плодовитымъ драматическимъ писателемъ является М а т і я Б а н ъ (ум. въ 1903 году). Его драма "Мейрима или Босняки" переведена Кулаковскимъ (См. "Русскій Вѣстникъ" 1876). Рядомъ съ Баномъ отмѣтимъ Крія Малетича и Косту Трифковича.

Съ первыми оригинальными повѣстями и романами выступилъ А т а н а ц к о в и ч ъ (ум. въ 1858 г.). Въ болѣе новое время по этой части пріобрѣли извѣстность Лазарь Л а з а р е в и ч ъ и Симеонъ М а т а в у л ь . Пер-

вый умеръ въ 1888 году, второй въ 1911-омъ.

ХОРВАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. ИЛЛИРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Обратимся теперь къ хорватамъ (хорватамъ-кайкавцамъ). Первоначально кайкавцы писали на своемъ языкѣ. Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія у нихъ возникло, такъ называемое, "иллирское" движеніе. Названіе "иллировъ" основано на невѣрномъ предположеніи, что древніе иллирійцы были славянами. Во время господства латыни въ наукѣ и литературѣ хорваты мирно уживались съ мадьярами подъ общимъ венгерскимъ знаменемъ, но когда мадьяры стали повсюду вводить свой языкъ и навязывать его другимъ народностямъ, это вызвало протестъ, выразившійся у хорватовъ "иллиризмомъ."

Главою иллирскаго движенія явился Людовикъ (или Людевитъ) Г а й (ум. въ 1872 г.), который выступаетъ въ 1834 году съ объявленіемъ (Oglas) о намѣреніи издавать хорватскую газету "Novine Horbatske" и журналъ "Денницу хорватскую, славонскую и далматинскую", которыя впослѣдствіи стали называться "иллирскими". Гай провозгласилъ объединеніе всѣхъ южныхъ славянъ, и однимъ изъ объединительныхъ факторовъ долженъ былъ явиться общій иллирскій языкъ - языкъ старинныхъ далматинскихъ писателей (въ сущности,тотъ же сербскій). Въ журналъ и въ газету постепенно вводился новый языкъ, а также и новое правописаніе, примыкавшее къ

ческой графикѣ.

Въ 1843 году названіе "иллиры" было запрещено австрійскимъ правительствомъ и его замѣнили названіемъ "юго-славяне".

Гай не былъ великимъ писателемъ, хотя написалъ и нѣкоторыя стихотворенія, напр. ему принадлежитъ патріотическая пѣсня, - подражаніе польской "Jeszcze Polska nie zginęła" - "Još Hrvatske nie propala". Извѣстенъ же онъ главнымъ образомъ, какъ политическій вождь, объединитель народа и проповѣдникъ югославянскаго объединенія.

Изъ дѣятелей иллиризма назовемъ еще Ант. М а л у р а н и ч а, написавшаго извѣстную "Хорватскую" грамматику. Въ этой грамматикѣ авторъ хорошо разработалъ ударенія и является въ указанной области вѣнчателемъ теоріи о первоначальномъ мѣстѣ сербскаго, а ксвенно и праславянскаго ударенія.

Другой писатель С т а н к о В р а зъ пользовался для своихъ произведеній сначала своимъ роднымъ словенскимъ языкомъ, но потомъ перешелъ къ "иллирскому". Въ этомъ его укорялъ знаменитый земякъ его, Францъ Прешернъ, говоря въ одной эпиграммѣ, что Вразъ ради почести, славы и доходовъ отказался отъ своего народа. Такой упрекъ, однако, не былъ справедливъ: Вразъ былъ человѣкомъ искреннимъ, да и отъ иллиризма не могъ себѣ ждать обогащенія.

Отмѣтимъ еще Л ю д е в и т а В у к о т и н о в и ч а

и Ивана Мажуранича. Иванъ Мажураничъ былъ и политическимъ дѣятелемъ, и одно время занималъ постъ хорватскаго бана (намѣстника). Онъ присоединилъ къ поэмѣ "Османъ" двѣ недостававшія и имъ самимъ сочиненныя въ духѣ автора пѣсни. Принадлежитъ еще ему поэма "Smrt Smail age Čengijića", въ пяти пѣсняхъ. Здѣсь введенъ Измаилъ-ага, магометанинъ-сербъ, жестоко угнетающій своихъ же сербовъ. Казнитъ онъ плѣнныхъ черногорцевъ, жестокими муками собираетъ дань съ обѣднѣхъ христіанъ, казнитъ также старика, своего приближеннаго, который заступался за несчастныхъ плѣнниковъ. Но вотъ наступаетъ мщеніе. Сынъ замученнаго старика бѣжитъ въ Черногорію, принимаетъ христіанство и приводитъ черногорцевъ, и они убиваютъ тирана-изверга. Поэтъ настолько хорошо схватилъ народный духъ, что его даже обвиняли въ плагіатѣ, будто бы онъ взялъ всю поэму у Петра Негоша.

Отмѣтимъ еще Николая Томашича (Nikola Tomašić) - автора недурныхъ лирико-патріотическихъ стихотвореній, вышедшихъ подъ общимъ названіемъ "Iskrice". Димитрію Деметеру принадлежитъ лирико-эпическая поэма "Grobničko polje". Это поле, на которомъ въ 1242 году происходило побѣдоносное сраженіе хорватовъ съ татарами.

Небольшія патріотическія произведенія писалъ Иванъ

К у к у л е в и ч ъ - С а в ц и н с к і й - "Slavjanke". Кукулевичъ, впрочемъ, болѣе извѣстенъ какъ историкъ. Онъ также былъ политическимъ дѣятелемъ и, какъ ревнитель народнаго языка, первый выступилъ съ хорватской рѣчью на хорватскомъ сеймѣ, въ 1843 году.

Основателемъ иллирійской матицы является графъ J a n k o D r a š k o v i ć. Писалъ онъ и стихи, но не особенно замѣчательные. Болѣе значенія имѣетъ "диссертація" Драшковича, съ которой онъ выступилъ передъ началомъ сейма въ 1832-мъ году. "Диссертація" представляетъ проповѣдь народнаго языка. Однимъ изъ столповъ югославянскаго движенія является, какъ меценатъ, епископъ I o c и ф ъ Ю р і й Ш р о с м а й е р ъ.

Упомянемъ теперь о лучшемъ хорватскомъ поэтѣ, написавшемъ рядъ прекрасныхъ стихотвореній - о Петрѣ П р е р а д о в и ч ѣ. По дѣятельности онъ принадлежалъ къ хорватамъ, но происхожденія сербскаго; онъ сдѣлалъ себѣ военную карьеру: былъ австрійскимъ офицеромъ, умеръ генераломъ. Свои произведенія Прерадовичъ писалъ сначала на нѣмецкомъ языкѣ, но затѣмъ обратился къ языку народному подъ вліяніемъ хорватскихъ патріотовъ. Есть у Прерадовича вещи очень прочувствованныя и глубокія, напр. "Звѣзда", "Смерть". Стихотвореніе "Царь Душанъ" проникнуто глубокой скорбью о сербскомъ народѣ, вложенною въ уста возстающаго изъ могилы и вновь умирающаго Душана. Въ другомъ сти-

хотвореніе "Мой корабль" прекрасно выражено стремленіе къ свѣту и добру съ надеждой на свѣтлое будущее:

Мчись, корабль, коль бѣгъ направилъ
Въ неизвѣстный край!
Цѣли я тебѣ не ставилъ -
Самъ ты выбирай!
Разъ пустила въ путь далекій
Насъ Судьбина мочь,
Парусъ ты раскинь широкій,
День плыви и ночь!
Духъ вѣтровъ тобой владѣетъ
И валовъ игра;
Но пусть флагъ твой гордо вѣетъ,
Въ чаяньи добра.

Объ иллиризмѣ писалъ Плат. Андр. Кулаковскій, позднѣе, по-польски, краковскій профессоръ Marjan Ździechowski.

СЛОВЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. ФРАНЦЪ ПРЕШИРНЪ.

Ближайшее родственное сербамъ-хорватамъ племя - словенцы выступаютъ на поприще литературной дѣятельности лишь въ 16-мъ столѣтіи. Выступленіе это въ связи съ реформаціей. Раннія произведенія носятъ религіозный характеръ. Въ 16-мъ

вѣкѣ былъ переведенъ Новый Завѣтъ Примусомъ Труберомъ, который на родинѣ терпитъ преслѣдованія и уходитъ въ Германію.

Далѣе выступили Себастіанъ Крель и Юрій Далматинъ. Послѣдній въ 1584 году издаетъ переводъ всей библіи; языкъ его ближе къ чистому словенскому, чѣмъ труберовскій. Словенскую грамматику издаетъ Адамъ Бохоричъ на латинскомъ языкѣ, съ довольно кудрявымъ заглавіемъ: „Полупсчные досужіе часочки о латино-краинской словесности и т.д. (Areticae horulae successivae de Latino-Carniolana litteratura и т.д.)

Реформаціонное движеніе, правда, было подавлено; однако католической антиреформаціи приходилось пользоваться также народнымъ языкомъ, на который и былъ сдѣланъ переводъ Новаго Завѣта епископомъ Хреномъ. Въ концѣ 18-го и началѣ 19-го вѣка Япелемъ (Japel) и Кумердеемъ (Kumerdej) была второй разъ переведена библія. Въ 18-мъ столѣтіи выступаютъ въ качествѣ литературныхъ дѣятелей Антонъ Лингардтъ и Волькмайеръ.

Первымъ настоящимъ словенскимъ писателемъ является Е а л е н т и н ъ Е о л н и к ъ , монахъ и педагогъ. Онъ издавалъ одно время люблянскую газету, перевелъ пѣсни для ополченцевъ противъ Наполеона. Ему принадлежитъ еще ода "Ilirija oživljena", въ которой онъ привѣтствуетъ Наполеона, какъ освободителя отъ нѣмецкаго гнета путемъ образованія изъ юго-западныхъ областей Австріи провинціи Иллиріи.

Кончается ода радостными, свѣтлыми надеждами на будущее. За это стихотвореніе Водникъ, бывшій при французахъ начальникомъ люблянскихъ школъ, при возстановленіи австрійской власти, пострадалъ; попытка задобрить императора льстивымъ стихотвореніемъ "Ilirja zveličena" не имѣла успѣха. Есть у Водника далѣе очень милые въ своей простотѣ и близости къ народнымъ пѣснямъ лирическія стихотворенія. Водинку принадлежитъ и грамматика - "Pismenost". Собралъ онъ также богатый матеріалъ для нѣмецко-словенскаго словаря, который впослѣдствіи былъ изданъ.

Отмѣтимъ далѣе М и х а и л а К а с т е л ь ц а, который издавалъ стихотворный альманахъ "Пчелка" (Čebelica). Въ этомъ альманахѣ появлялись, между прочимъ, стихи лучшаго, дѣйствительно очень хорошаго словенскаго поэта, мимоходомъ уже упомянутаго Франца Преширна или Прешерна (Francé Prešéren - род. въ 1800 г., ум. въ 1849 г.).

П р е ш и р н ъ - весьма талантливый поэтъ. Главный мотивъ его стихотвореній - любовь: онъ воспѣваетъ, какъ Петрарка (съ коимъ и самъ себя сравниваетъ, хотя и не подражаетъ ему въ подробностяхъ) Лауру, свою "Юлію". Мотивъ этотъ можно бы осудить, какъ избитый; но онъ, при своей старости, вѣчно юнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, личная любовь поэта является выраженіемъ чувства общечеловѣческаго; а при воспѣваніи красоты возлюбленной подразумѣвается или прямо указывается и красота духовная, и стремленіе къ ней

выражаетъ общее стремленіе къ красотѣ и къ добру. Есть, впрочемъ, также иныя стихотворенія: баллады, романсы; сказывается также любовь къ своему народу, въ тѣсномъ смыслѣ - къ словенскому, а въ широкомъ - къ славянскому.

Премирнъ мастерски владѣлъ стихомъ и риѳмою: у него является не разъ очень сложная риѳмовка въ октавахъ, терцинахъ, газеляхъ; любимая форма его - сонетъ. Не разъ пользуется онъ, также весьма труднымъ, испанскимъ ассонансомъ (такъ сказать, сходногласіемъ), происходящимъ по четнымъ стихамъ иногда очень длинныхъ стихотвореній, напр.:

Hrast stojí v Turjaškem dvôri,
Vrh vzdiguje svoj v oblạkẹ;
V senci, pri kamniti mizi
Zbòr sedí gospôde žlạhtne,
Ker Turjačin spét gostuje
Rozamundine snubáčẹ. И т.д.

Переводъ: Дубъ стоитъ въ Турьяцкомъ дворѣ (Турьякъ, Auersperg - замокъ въ Крайнѣ), вершину свою поднимаетъ въ облака; въ тѣни, за каменнымъ столомъ, собраніе сидитъ господъ знатныхъ, такъ какъ турьяцкій властитель вновь угощаетъ Розамундиныхъ жениховъ (Turjaška Rozamunda).

Премирнъ, за исключеніемъ лишь немногихъ и менѣе замѣчательныхъ вещей, имѣется въ прекрасномъ переводѣ Федора Евгеньевича Корша; но такъ какъ никакой переводъ не

можетъ вполнѣ передать подлинникъ, то приведу нѣсколько Преширновскихъ стихотвореній въ буквальномъ переводѣ и въ подлинникѣ.

1) ПОДЪ ОКНОМЪ. Луна сіяетъ, молотъ бьетъ усталые, поздніе часы уже. Прежде незнакомыя сердечныя раны мнѣ спать не даютъ. Ты виновна, прелестная дѣвушка безжалостная, ты меня ранишь, ты мнѣ мѣшаешь, такъ что не могу спать дома. Образъ твой милый (или: лико твое милое) насильно у меня всегда передъ глазами, вздыхающее сердце горячее постоянно къ тебѣ стремится. Къ окну приди. Другой не видитъ, какъ небесныя звѣздочки; покажись, ненавидитъ ли меня сердце, скажи, или нѣтъ. Надежду мнѣ подними, рукою мигни, если боишься говорить. Часъ бьетъ, къ окну нѣтъ ея - что я, бѣдняга, стану дѣлать? Въ домъ взгляните. мнѣ скажите, звѣзды, правда ли она спитъ, или прислушивается, меня только испытываетъ, или къ другому шлетъ. Если спитъ, пусть будетъ здорова, если меня испытываетъ, - ничего (это не дѣлаетъ); послѣ ея утраты, если (она) любитъ другого, лопнетъ (разорвется) сердце.

POD OKNOM.

Luna sije,
Kladvo bije
Trudne, pozdne ure že;
Pred neznane
Srčne rane
Meni spati ne pustė.

Ti si kriva, Up mi vzdigni,
Ljubezniva Z roko migni,
Déklica nevsmíljena: Ak bojiš se govorit.
Ti me ranis, Ura bije,
Ti mi branis, K ôknu ni je,
Da ne morem spat' doma. Kaj sirota čem storit?

Obraz mili V hram poglejte,
Tvoj po sili Mi povejte,
Mi je vedno pred očmí; Zvezde, al' res ona spi;
Zdihujóče Al' posluša,
Srce vroče Me le skuša,
Vedno k tebi hrepení. Al' za druzega gorí.

K ôknu pridi, Ako spava,
Drug ne vidi, Naj bo zdrava,
Ko nebeške zvézdice, Ak' me skuša, nič ne dé
Se prikaži, Po nje zgubi,
Al' sovraži Ako ljubi
Me srcé, povej, al' ne? Druz'ga, počlo bo srće.

2) КУДА? Когда я безъ покоя кругомъ рыщу, друзья спрашиваютъ меня: куда? Спрашивайте лучше облако неба, спрашивайте лучше волну моря, когда могучій властелинъ гонитъ ихъ туда и сюда, вихорь. Облако не знаетъ, ни волна куда, куда несетъ меня отчаяніе, не знаю. Только то

знаю, только то вѣдаю, что предъ лицо ея не смѣю, и что нѣтъ мѣста поверхъ земли, гдѣ бы я позабылъ это горе.

К А М ?

Ko brez mirú okrog divjám,
Prijatli vprašajo me, kam?
Vprašajte raj' oblák nebá,
Vprašajte raji val morjá,

Kedar mogočni gospodar
Dreví jih sem ter tje vihár.
Oblák ne vé in val ne, kam,
Kam nêse me obùp ne znam.

Samó to znam, samó to vém,
Da pred obličje njé ne smém;
In da ni mésta vrh zemljé,
Kjer bi pozábil to gorjé.

3). ВЪ ПАМЯТЬ ВАЛЕНТИНА ВОДНИКА. Въ пустынѣ Аравіи птичка родится; въ глухой чащѣ одна про себя живетъ. Звѣзды суть сестры, мѣсяцъ ему братъ; не дано ему птицы себѣ подругой избрать. О немъ товарищи не заботятся, ни онъ о нихъ, въ одиночествѣ онъ старится, у него текутъ года. Сладчайшія благоволенія, о коихъ онъ одинъ знаетъ, благороднѣйшія травы, фиміамы дорогіе, и мирру онъ набираетъ неутомимъ

всѣ дни, силится, напрягается, о смерти лишь заботится. Кучу изъ нихъ дѣлаетъ повилой "одиночникъ", какъ придетъ смерть бѣлая, на ней онъ сожигается. Вонъ прядаетъ изъ пламени, свѣтлостью окруженъ, славнаго имени птица Фениксъ на дѣнь (на свѣтъ). Такъ пѣвецъ трудится, одиночнымъ живетъ, въ славѣ, какъ повалитъ его смерть, переродится.

V SPOMÍNJ VALANTÍNA VÓDNIKA.

V Arabje puščavi
Se ptíček rodí;
V odljudni goščavi
Sam zá se živí.

So zvezde sestríce,
Mu mesec je brát;
Ni dáno mu price
Si ljúbico zbrát.

Zanj drúžba ne mára,
In on ne za njó,
V samôti se stára,
Mu léta tekó.

Narslájše dišave,
Ki zá nje sám vé,
Narzléhtniše tráve,
Kadila dragé,

In míro nabéra,
Netrúden vse dní,
Se vbáda, se vpéra,
Za smŕt le skrbí.

Grmado z njih dela
Prileten samčè,
Ko príde smrt béla,
Na nji se sežgè.

Ven pláne z plaména
S svitlôbo obdán,
Slovečga iména
Ptič Fenis na dán.

Tak pévec se trudi,
Samoten živí,
Se v slavi, ko zgrudi
Ga smrt, prerodí.

4) ПѢВЦУ (ПОЭТУ). Кто знаетъ ночь темную прояснить, которая давитъ духъ? Кто вѣдаетъ истреба отогнать, который клюетъ сердце отъ разсвѣта до сумерокъ, отъ сумерокъ до дня? Кто учитъ стереть изъ памяти бывшіе дни, отчаянье будущихъ взять изъ-передъ глазъ, отъ пустоты убѣжать, которая настоящіе губитъ. Какъ? Быть хочешь поэтомъ, а тебѣ слишкомъ тяжело въ груди носить или адъ или небо? О званіи своемъ вспомни, страдая безъ успокоенія!

PÉVCU.

Kdo zná
Noc temno razjásnit', ki táre duhá.
Kdo vé
Kragúlja odgnati, ki kljúje srcé
Od zora do mraka, od mraka do dné.
Kdo učí
Izbrísat' z spomínja nekdánje dní,
Brezùp pribódnih odvzét spred očí,
Prazdnôte vbežáti, ki zdájne morí!
Kakó?
Bit hočeš poet in ti pretežkó
Je v pŕsih nosìt' al' pekèl, al' nebó?
Stanú
Se svôjega vspomni, trpì brez mirú!

---

5) 3-ЬЯ ГАЗЕЛЬ. Печальная кому неизвѣстна истина, что я ее люблю, въ пѣсняхъ моихъ постоянная, одна рѣчь, что я ее люблю! Знаетъ уже ночь, которая слышитъ, какъ я горько вздыхаю безъ сна; знаетъ уже свѣтлая заря, родительница дня, что я ее люблю; знаетъ уже утро, знаетъ уже полдень, знаетъ уже сумеречная прохлада вечера тихую жалобу моего блѣднаго, увядшаго лица, что я ее люблю; обиталища моего стѣнамъ, мирному одиночеству извѣстно, также безпокойству города не новость, что я ее люблю; знаетъ уже роза, что растетъ при пути, по коему ходитъ милая; знаетъ уже птица, которая надъ путемъ летаетъ, что я ее люблю; знаетъ уже мокрый порогъ ея дома, и каждый камень близъ него, и знаетъ тропинка, которая водитъ меня мимо, что я ее люблю; знаетъ уже всякое созданье, чего знать и чего слышать отъ меня, и чему вѣрить не хочетъ дорогая дѣвица, что я ее люблю.

Žalostna komú neznana je resníca, da jo ljúbim,
V pesmih môjih védna, sáma govoríca, da jo ljúbim!

Vé zě noč, ki bridko slíši zdihováti me brez spája,
Vé ze svítja zárja, dnéva porodníca, da jo ljúbim;

Vé že jutro, vé že poldne, vé že mračni hlad večéra
Tiho tóžbo môjga bled'ga, vel'ga líca, da jo ljúbim;

Prebiválšča môjga sténam, mirni je samôti znano,
Tudi nepokoju mesta ní novíca, da jo ljúbim;

Vé že roža, ki pri póti, kóder drága hodi, ráse;
Vé že, ki nad pótem léta ptíca, da jo ljúbim;

Vé že mokri prag nje híše, vsáki kamen blizo njêga,
Ino vé, ki mimo vodi me stezíca, da jo ljúbim:

Vé že vsaka stvar, kar vedet' in kar slišati od mêne
In verjéti noče drága mi devíca, da jo ljúbim.*)

6) ОБРАЗЕЦЪ ПРЕШЕРНОВСКАГО СОНЕТА.

О Вербa! счастливая дорогая деревня родная, гдѣ домъ моего стоитъ отца, если бы жажда ученія меня изъ твоего міра не выманила, очаничивая змѣя! Не зналъ бы я, какъ въ ядъ обращается все, что сердце себѣ сладкаго сбѣщаетъ; мнѣ не была бы вѣра въ себя взята, не былъ вихрей внутреннихъ бы игралищемъ! Верное сердце и работящую руку, какъ приданое, котораго не имѣетъ милліонерша, я досталъ бы съ изборанной дѣвушкой; у меня мирно плавала бы моя ладья, отъ огня - домъ, отъ града мнѣ пшеницу ближній сосѣдъ охранялъ бы, святой Маркъ (патронъ сельской церкви).

O Vŕba! srečna drága vás domáča,
Kjer hiša mójega stojí očéta,

Da b' úka žéja me iz tvôjga svęta
Speljála ne bilà, goljfíva káča!

---

*) Здѣсь, такимъ образомъ, подобрано цѣлыхъ 3 рифмы на - i c a .

Ne vedel bi, kakó se v strùp prebráča
Vse, kar srcé si sládkega obéta;

Mi ne bilà bi véra v sêbe vzéta,
Ne bíl vihárjev nótranjih b' igráča:

Zvestó srcé in délavno ročíco,
Za doto, ki je níma miljonarka,

Bi bíl dobíl z izvóljeno devíco;
Mi mírno plávala bi môja barka,

Pred ôgnjem dóm, pred tóčo mi pšeníco
Bi bližni sósed vároval - svet' Marka.

Прешернова поэзія, впрочемъ, оказалась не по плечу его современникамъ и не возбудила особеннаго вниманія и подражанія. Лишь въ изданіи 1886 года Іосифъ Юрчичъ и Іосифъ Стритарь (также писатели, преимущественно прозаики), особенно послѣдній, помѣстившій при немъ статью "Preširnove poezíje", такъ сказать,"открыли" Прешерна. Третьимъ, не названнымъ участникомъ этого изданія былъ филологъ (прекрасный знатокъ славянскихъ языковъ, въ чемъ я убѣдился при личномъ знакомствѣ), а также стихотворецъ Францъ Левстикъ. Ему принадлежитъ установленіе текста, куда онъ позволилъ себѣ внести свои поправки (обыкновенно дѣйствительныя улучшенія), за что мы, съ историко-литературной точки зрѣнія, не можемъ его не осудить. Изъ новѣйшихъ изда-

ній эти поправки устранены.

Больше Преширна на младшихъ современниковъ повліялъ менѣе талантливый писатель, почти только переводчикъ, съ нѣмецкаго и съ русскаго (Державинская ода "Богъ", Пушкинскій "Пророкъ", Шиллеровы "Пѣснь о колоколѣ", "Орлеанская Дѣва", "Мессинская невѣста" и др.) - И в а н ъ (Ivan , Jovan, Janez) V e s é l - K o s é s k i (1798-1884). Болѣе реальнаго направленія писателемъ былъ редакторъ крестьянской и ремесленной газеты - "Kmetijske in rokodelske Novíce", врачъ и ветеринаръ J a n e z B l e i w e i s s (1808-1881 г.), издававшій еще и Календарчики. Блейвейса видимъ также какъ дѣятеля и предсѣдателя Словенской матицы, главнымъ основателемъ которой былъ Lovro Toman (1863г.). Матица основала журналъ: "Letorís Matice Slovenske". Возникли и другіе журналы: "Kres" (Ивановъ огонь), "Slovenski glasník", "Ljubljanski Zvon" (колоколъ). Важенъ, какъ составитель словаря и грамматики, а также журналистъ и издатель альманаха (поэтъ онъ неважный), Антонъ Я в е ж и ч ъ: "Glasník za literaturo in umetnost", "Cvetje iz domačih in tujih logov" (съ домашнихъ и чужихъ луговъ).

Въ новѣйшее время лучшими поэтами считаются Антонъ А в к е р ц ъ (редакторъ Люблянскаго колокола) и Симонъ Г р е г о р ч и ч ъ старшій. Изъ послѣдняго приведу нѣсколько стиховъ, симпатичныхъ особенно по мысли:

"Жизнь наша, любезный ты мой, - не праздникъ. Пусть жизнь будетъ у тебя рабочимъ днемъ: отъ зари до сумерокъ, въ росѣ и въ поту, ты облегчай и услаждай человѣческое страданіе. Не бойся боя, не бойся пота, вѣдь мужественный трудъ укрѣпляетъ мужа, а покой у него силы губитъ. Но дѣло, значитъ, т.к. дни серьезны, а дѣло и трудъ Богъ у насъ благословитъ!

Ní praznik, predragi mi, naše življenje,
Življenje ti bodi délaven dan:
Od zôre do mraka, rosán in potán,
Ti lajšaj in slajšaj človeško trpljenje.

Ne strašaj se boja,ne strašaj se znoja -
Saj moško delánje krepčuje možá,
A pôkoj mu njega močí pokončá.

Na delo tedaj, kar resnobni so dnovi,
A delo in trud nam Bog blagoslovi!

Въ общемъ, естественно, довольно бѣдная, литература словенская, такимъ образомъ, имѣетъ нѣкоторыхъ весьма талантливыхъ представителей. Направленіе ея, главнымъ образомъ, народно-патріотическое, стремящееся спасти отъ гибели свою народность. Эта готовность и надежда отстоять свои народныя права особенно сильно звучитъ въ пріобрѣтшемъ большую извѣстность, дѣйствительно весьма выразительномъ, сти-

хотвореніи Симова Е н к а (Jenko 1835-1869) "Впередъ!" ("Naprej"):

"Впередъ, знамя Славы (Славянства), на бой молодецкая кровь! За благо отечества пусть ружье говоритъ! Оружьемъ и десницею понесемъ врагу громъ, чтобы записать въ кровь справедливость, которой требуетъ нашъ (родной) домъ. Впередъ, знамя Славы," и т. д. Тамъ-тарарамъ! (барабанный бой). Дорогая мать просила, руки обвивала около меня, плакала моя милая: "Тутъ останься, возлюбленный мой! - Прощай, мать! милая, будь здорова! Мать у меня - отчизна, возлюбленная моя - честь и слава, пойдемъ, пойдемъ за нее въ бой! Впередъ, знамя Славы, на бой молодецкая кровь, и т.д.

Naprej, zastava Slave,
Na boj, junaška krí!
Za blagor očetnjave
Naj puške govorí!

Z orožjem in desnico
Nesimo vragu grom
Zapisat v kri pravico
Ki terje jo naš dom.

Naprej, zastava Slave,
и т. д.

Drum, drum, drum! -

Dragi mati je prosila,
Roke okol' vrata vila,
Je plákala môja mila:
"Tu ostani, ljubi moj!" -

Z Bogom, mati! ljubca, zdrava!
Mati mi je očetnjava,
Ljubca môja - čast in sleva,
Hajdmo, hajdmo zá njo
v boj! -

Naprej, zastava Slave,
и т.д.

ОБЗОРЪ СЛАВ. ЛИТЕР.
Проф. Р. Ф. Брандтъ.

А. В.

ЧЕШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ХРИСТІАНСТВО И ПРОСВѢЩЕНІЕ У ЧЕХОВЪ. БОГОСЛУЖЕБНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ДУХОВНО-ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

У чеховъ, которые находились въ наиболѣе близкомъ общеніи съ Западной Европой, просвѣщеніе появилось довольно рано, но, конечно, на латинскомъ языкѣ. Для примѣра можно указать на Пражскій университетъ - первый въ Германской имперіи.

Письменность чешская начинается, какъ и у другихъ славянъ, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, которое шло съ двухъ сторонъ - изъ Византіи и изъ Рима. Послѣднее вліяніе, западное, оказалось сильнѣе.

Первыя упоминанія о принятіи христіанства относятся къ IX столѣтію. Къ 845-му году относится извѣстіе о томъ, что 14 пановъ принимаютъ крещеніе, а въ 862-омъ году моравяне съ княземъ Ростиславомъ просятъ прислать духовныхъ учителей изъ Византіи. Около 878 года принимаетъ христіанство чешскій князь Боривой. Сохранилось извѣстіе о томъ, что онъ былъ крещенъ Меѳодіемъ, но это едва-ли вѣрно. Ревностно насаждалъ христіанство и много для него сдѣлалъ сынъ Боривоя Спитигнѣвъ, но онъ обратился за наставниками къ нѣмцамъ. Чешскіе государи вообще покровительст-

всвали нѣмцамъ, напримѣръ это можно сказать объ Оттокарѣ Второмъ.

Славянская проповѣдь послѣ бѣгства учениковъ Кирилла и Меѳодія, повидимому, заглохла даже въ Моравіи и Паннонія, а въ собственной Чехіи она, можетъ быть, и совсѣмъ не привилась, хотя есть факты какъ разъ обратные: имѣется извѣстіе, что св.Вячеславъ, въ X вѣкѣ, учился славянской грамотѣ и что св.Прокопъ, основавши около 1030 г. Сазавскій монастырь, (Сазава-притокъ Влтавы, на коей стоитъ Прага, съ правой стороны), завелъ въ немъ славянское богослуженіе. Однако славянская письменность при Спитигнѣвѣ II-омъ подверглась гоненію. Объявили еретиками и изгнали славянскихъ монаховъ изъ монастыря. Правда, преемникъ Спитигнѣва II-го, Вратиславъ, вернулъ ихъ и хлопоталъ даже о разрѣшеніи славянскаго богослуженія передъ папой Григоріемъ VII-мъ, но безуспѣшно, и монастырь былъ превращенъ въ латинскій. Въ 1097-омъ году окончательно были введены латинскія книги. Въ 14 вѣкѣ вновь возникаетъ славянскій Эммаусскій монастырь въ Прагѣ, основанный Карломъ IV съ разрѣшенія Климента VI. Славянскую службу принесли сюда хорватскіе монахи-глаголиты, бывшіе первоначальными засельниками монастыря, куда потомъ уже стали поступать и чехи. Въ 1416 году въ Эммаусскомъ монастырѣ была написана библія на чешскомъ языкѣ, но глаголическими буквами. Славянское богослуженіе

удержалось недолго.

Слѣдами славянскаго богослуженія у чеховъ являются и нѣкоторые литературные памятники. Отмѣтимъ "Кіевскіе отрывки", представляющіе церковныя пѣсни по западному обряду, но языкъ ихъ старо церковный съ чехизмами. Писаны отрывки глаголицей. Церковныя пѣсни при обрядѣ православномъ являются въ другомъ, извѣстномъ намъ памятникѣ - "Пражскихъ отрывкахъ". Оба памятника писаны круглой (полукруглой) глаголицей. Относятъ эти отрывки къ X-XI вѣку.

Упомянемъ еще о "Реймскомъ Евангеліи", первая, Кирилловская, часть котораго приписывается св.Прокопу на основаніи записи, имѣющейся во второй, глаголической, части текста. Въ этой записи говорится, что "писалъ книгу Прокопъ собственной рукой." Однако запись второй части, относящейся по времени къ 14 в., не представляетъ удостовѣренія для первой части, которая восходитъ къ XI-XII вѣку. Памятникъ этотъ, попавши въ Францію, въ Реймсъ, употреблялся при коронованіи французскихъ королей, почему и носитъ французское названіе "Texte du sacre" (Коронаціонный текстъ).

На церковно-славянское вліяніе въ чешской литературѣ указываетъ также небольшая церковная пѣснь, приписываемая святому Войтѣху, отзывающаяся церковнославянскимъ языкомъ. Вотъ эта пѣсня:

Hospodine, pomiĺuj ny,
Jezu Kriste, pomiĺuj ny!
Ty Spase všeho míra,
Spasi ž ny, a usĺyš,
Hospodine, hĺasy naše!
Daj nám všem, Hospodine,
Žízn a mír v zemi.
Krleš, krleš, krleš!*)

Впрочемъ, Дооровскій не считалъ нужнымъ объяснять эту пѣснь, какъ слѣдъ кирилло-меѳодіевской письменности, но думалъ, что св. Войтѣхъ привезъ ее изъ Венгріи, гдѣ св. Войттхъ могъ присутствовать при славянскомъ богослуженіи.

У нѣмцевъ чехи заимствовали средневѣковую образованность на латинскомъ языкѣ. Господство послѣдняго соединяло образованныхъ людей разныхъ національностей въ одну семью, въ которую входили и чехи. Занятія латинскимъ языкомъ, конечно, были сопряжены съ потребностью въ словаряхъ, и вотъ въ 13 и 14 вѣкахъ мы встрѣчаемъ такіе словари у чеховъ. Словарь "Bohemarius" относится къ XIII столѣтію, но самая рукопись на 2 вѣка новѣе. Этотъ словарь заключаетъ въ себѣ около 900 латинскихъ гекзаметровъ, объясняющихъ значеніе приводимыхъ въ нихъ чешскихъ словъ, напр. такъ:

---

*) Vedĺ *mír* – міръ, вселенная, mír – миръ, покой; žízn – святость, obilje (saturitas); krleš – kyrie eleison (Господи помилуй).

Mensis sit měsiec, tibi sit hebdomada týden,

Meridies - poledne, vesper - večer, mane - ráno,

Diluculum - svítánie, tibi sit crepusculum sumrak.

Для 14 столѣтія мы имѣемъ словарь, приписываемый нѣкоему Клену Роскоханому (Klen Rozkochaný) и составленный по категоріямъ понятій и уже не въ стихотворной формѣ. Находимъ здѣсь и нѣкоторыя придуманныя слова. Вообще чехи стремились переводить всѣ пришлыя слова, и этотъ пуризмъ господствуетъ въ чешскомъ языкѣ и теперь. Иной разъ такіе переводы удачны, но иногда они являются довольно топорными. Мы теперь видимъ чешскія названія почти для всѣхъ наукъ, напр. łučba - химія - отъ гл. loučiti разлучать, раздѣлять; silozpyt - физика, буквально: испытаніе силъ. Какъ странное образованіе на нѣмецкій ладъ, отмѣтимъ слово veselohra - комедія, нѣм. Lustspiel.

Въ словарѣ Клена Роскоханаго мы находимъ выраженныя названія для классическихъ божествъ, служащихъ одновременно и названіемъ планетъ: Králomoc - Юпитеръ, Smrtonoš - Марсъ, Ctitel - Венера. Послѣднее слово произведено отъ глагола ctiti - почитать, такъ какъ и лат. Venus въ связи съ глаголомъ venerari. Впослѣдствіи въ чешскомъ календарѣ слово Ctitel замѣнилось другимъ - Krasopaní; еще позднѣе Венера стала называться Lada

(Изъ народнаго припѣва: "Ой дидъ, Лало."). Иныя слова у Роскаханаго сохранили, впрочемъ, иностранный характеръ.

Общій характеръ образованія былъ духовный. Насколько можно судить по памятникамъ, произведенія эти восходятъ къ половинѣ XIII столѣтія. Старѣе уже упомянутая пѣсня "Hospodine pomiluj ny", а должно быть также пѣсня св. Вячеславу:

Svatý Václave,
Vévodo české země,
Kněže náš,
Fros za ny Boha,
Svatého ducha
Kyrieleison.,

хотя она по рукописи относится только къ 14 столѣтію. Эту пѣснь естественно считать оригинальной, сочиненной прямо на чешскомъ языкѣ. Еще имѣемъ небольшую церковную пѣснь лирическаго характера XII столѣтія, представляющую обращеніе къ Спасителю:

"Slovo do světa stvořené."

Старочешская письменность представляетъ и цѣлый рядъ легендъ. Легенда о св. Екатеринѣ, замученной при императорѣ Максенціи, написана обычнымъ для старинныхъ духовныхъ произведеній размѣромъ, очень похожимъ на 4-стопный хорей. Другая подобная легенда - о св. Доро-

ѣеѣ интересна своеобразнымъ размѣромъ, которому подражалъ составитель Краледворской рукописи, - въ пѣснѣ о пораженіи саксонцевъ.

Ó Doroto, panno čistá!
Tvój hod ctí cierkev svatá,
Nebs ty dievka výborná,
Bohem zvolená. *)

Отмѣтимъ еще легенду о св. Прокопѣ, основателѣ упомянутаго уже Сазавскаго монастыря. Названныя легенды могутъ считаться оригинальными, но есть и другія, представляющія передѣлку съ латинскаго языка: объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божьемъ, о двѣнадцати апостолахъ. Сюда примыкаетъ и легенда о дѣтствѣ Іисуса, основанная на апокрифическихъ сказаніяхъ. и нѣкоторыя другія.

Старѣйшая чешская литература представляетъ намъ также рядъ духовно-поучительныхъ стихотвореній. Отмѣтимъ "Десять заповѣдей" съ объясненіями; "Споръ души съ тѣломъ", гдѣ изображается души послѣ смерти. Душа упрекаетъ тѣло за грѣхи, такъ какъ она должна отвѣчать за нихъ передъ Богомъ. Дьяволъ является за душой, чтобы нести ѣе въ адъ; однако душа находитъ заступницу въ Пресвятой Богородицѣ. Та проситъ за нее Христа, и Христосъ отдаетъ душу на судъ правды, мира, справедливости и милосердія.

---

*) Hod - праздникъ, ctíti - чтить, почитать, nebs - ибо ести, такъ какъ ты есть

Конецъ не дошелъ до насъ, но дѣло, очевидно, клонится къ процвѣтанію.

Въ легендѣ "О смертности" напоминается людямъ о бренности всего земного. Заключаетъ она въ себѣ 300 съ лишнимъ стиховъ, причемъ сочинитель олеснулъ усиленной римовкой, т.е. 4 стиха подрядъ имѣютъ одно окончаніе, напр.: ("Знаетъ она всѣ города и всѣ замки, всѣ монастыри и общины, уѣхать отъ нея нельзя куда-либо, хорошо ей извѣстно повсюду (- тѣхъ всѣ мѣста)").

Vie vše města i vše hrady,
Vše kláštery i osady,
Utéci jie nelze kady -
Dobře jie jest známo všady.

Съ этимъ стихотвореніемъ отчасти сходится и другое стихотвореніе - о богачѣ, гдѣ представленъ аллегорическій разговоръ богача съ своими богатствами. Богачъ жалѣетъ покинуть свои сокровища послѣ смерти. Написана тѣмъ же размѣромъ.

Есть еще стихотвореніе о шести источникахъ грѣха: сердце, богатство, бѣдность, дурное общество, привычка; указано только пять, хотя заглавіе "O šesti studniciech". Въ другомъ поучительномъ стихотвореніи говорится о двадцати семи глупцахъ - "O sedmezcietma bĭazniech" (числительное буквально соотвѣтствуетъ старославянскому "седмь

между дѣлъ тьма"). Здѣсь изображены глупцы-люди, напр. сребролюбцы, которые среди мірской суеты, мірскихъ заботъ, заснваютъ о спасеніи души.

Отмѣтимъ далѣе аллегорическую поэму, въ которой проводится мысль о нравственномъ обновленіи человѣка. Поэма представляетъ передѣлку иностраннаго произведенія. Названіе поэмы очень необычное - "Alan". Это - имя автора ея латинскаго образца: клервосскаго монаха Аллана Риссельскаго (Рисселе - фламандское названіе города Лиля), полатыни Alanus ab Insulis, пользовавшагося извѣстностью, какъ богословъ. Чешскій переводъ противъ подлинника сокращенъ.

Здѣсь говорится о томъ, какъ природа, названіе которой также довольно странно - Světoložě ("Свѣтоложа"), скорбитъ о нравственномъ упадкѣ людей. Ей хочется поднять нравственность и создать хоть бы одно вполнѣ нравственное существо. Для этой цѣли она призываетъ на совѣтъ добродѣтели. Изъ нихъ Мудрость указываетъ на то, что задача создать совершенное существо неисполнима, такъ какъ природа можетъ сотворить только тѣло, а душу можетъ дать одинъ Богъ. Мудрость сама отправляется просить объ этомъ Бога, для чего ѣдетъ на небо на колесницѣ, построенной семью художествами (это - грамматика, діалектика, риторика, ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія) и запряженной пятью чувствами.

ПОЭЗІЯ РЫЦАРСКАЯ. ПОВѢСТЬ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ ВЕЛИКОМЪ.

На ряду съ указанными видами художественно-поучительной литературы проникла въ Чехію и поэзія рыцарская. При дворѣ Вячеслава I-го (слѣдовательно, въ первой половинѣ XIII-го столѣтія; умеръ онъ въ 1288 году) появились нѣмецкіе рыцарскіе поэты-миннезенгеры, напримѣръ Реймаръ Цветерскій. Но, очевидно, не всѣ сочувственно относились къ нѣмецкой поэзіи, что можно вывести изъ словъ Реймара. Онъ говоритъ, что живетъ въ Чехіи не столько ради земли, сколько ради государя. Вообще Вячеславъ I былъ меценатъ нѣмецкой поэзіи и самъ сочинялъ по-нѣмецки (Чешская его любовная пѣсня оказалась подлогомъ). Покровителемъ нѣмецкой поэзіи былъ также и Оттокаръ II-ой. Такимъ образомъ, рыцарская поэзія успѣла привиться въ Чехіи уже въ 13 столѣтіи.

Лучшее произведеніе въ этомъ родѣ - обработка въ рыцарскомъ духѣ повѣсти объ Александрѣ Великомъ. Мы имѣемъ двѣ редакціи этой повѣсти: болѣе раннюю - стихотворную и болѣе новую - прозаическую. Великій завоеватель сдѣлался предметомъ сказаній у разныхъ народовъ. Было о немъ преданіе и египтянъ, объявлявшее его сыномъ ихъ изгнаннаго персами царя Нектанаба. Это сказаніе черезъ грековъ пришло въ западную Европу и къ славянамъ. Ставши общимъ достояніемъ, повѣсть отразила на себѣ мѣстныя понятія и, со-

соразно духу средневѣковья. Александръ превратился въ странствующаго рыцаря. Большую извѣстность пріобрѣла воспѣвающая его латинская поэма Готьера (Вальтера) Шатильонскаго, духовнаго лица, жившаго въ XI вѣкѣ. Эта латинская поэма была переработана по-нѣмецки Ульрихомъ фонъ-Этельбахомъ; къ ней примыкаетъ и неизвѣстный чешскій авторъ, который свободно относился къ поэмѣ, дѣлая и пропуски, и вставки.

Въ чешской поэмѣ Александръ сообразно исторіи - сынъ Филиппа, а не египетскаго царя, въ разсказъ вставленъ эпизодъ о паденіи Трои; съ другой стороны, пропущено то мѣсто, гдѣ говорится объ испытаніи врача Филиппа, оклеветаннаго, будто онъ подкупленъ, чтобы отравить Александра. Впрочемъ, подобные пропуски, можетъ быть, объясняются неполнотой рукописнаго преданія - поэма дошла до насъ далеко не въ полномъ видѣ.

Авторъ чешской поэмы многословнѣе французскаго, и дѣлаетъ иногда изъ пяти гекзаметровъ 50 своихъ 8-сложныхъ стиховъ - несовсѣмъ правильныхъ хореевъ (5 гекзаметровъ примѣрно 80 слоговъ, а 8 × 50 = 400). Чешскій авторъ недурно владѣлъ рѣчью и стихами, хотя его стиль значительно отличается отъ латинскаго образца. Въ послѣднемъ мы находимъ массу риторическихъ пріемовъ, выраженій въ родѣ Юпитеровъ оруженосецъ, armĭger Jovis вм. aquĭla орелъ, Titan вм. sol, которыхъ у чешскаго автора нѣтъ. Возможно,

что упрощенность языка чешской поэмы просто объясняется неумѣніемъ автора передать риторическія выраженія; мы не разъ замѣчаемъ, что онъ затрудняется подыскать соотвѣтствующее выраженіе. Поэтому-то чистоту стиля нельзя особенно ставить автору въ заслугу.

"Александрія" дошла до насъ, какъ мы уже знаемъ, въ отрывкахъ. Сохранилось только 2/5 ея части, въ нѣсколькихъ рукописяхъ 14 столѣтія. Личность автора остается для насъ неизвѣстной, хотя онъ часто въ поэмѣ говоритъ отъ своего лица. Можно лишь сдѣлать предположеніе, что сочинитель былъ или панномъ, или поклонникомъ аристократизма. Подобный образъ его мыслей ясно сквозитъ въ одномъ мѣстѣ поэмы, гдѣ онъ заставляетъ Аристотеля наставлять своего ученика противъ низкаго, плебейскаго сословія:

Z chłapského řáda nikoli
I jednoho v čest nevoli!

Холопъ сравнивается со змѣемъ-аспидомъ, припадающимъ къ землѣ однимъ ухомъ и затыкающимъ другое хвостомъ, такъ что глухъ къ голосу заклинателя, и съ будущимъ внучьемъ въ половодье, который опаснѣе глубокой, широко разлитой рѣки. Въ латинскомъ подлинникѣ этихъ мыслей нѣтъ. Впрочемъ, чехъ, какъ и латинникъ, заканчиваетъ этотъ эпизодъ слѣдующими словами: величайшее благородство тамъ, гдѣ мудрость украшаетъ нравами:

Najvětšie šlechta tu je,

Kdež smysl mravy okrašluje -

(Nobilitas sola est, quae moribus ornat).

Въ то же время авторъ не чуждъ и патріотизма и негодуетъ на нѣмецкое вліяніе. "О если бы у чеховъ былъ король, подобный Александру!" восклицаетъ онъ. То же чувство находимъ въ рифмованной, такъ называемой Далимиловой, хроникѣ. Тамъ авторъ вышучиваетъ германомана, короля Оттокара, заставляя его говорить: "Когда я возвращусь съ войны, навалю на чеховъ великую работу: заставлю ихъ покрыть (холмъ) Петринъ нѣмецкимъ покровомъ и на пражскомъ мосту не будетъ видно чеха:

Až sě z vojny vraci,

Zavaleji Čechóm velikú práci:

Chu Petřín pavľakú německú postřieti,

A na pražskem mostě nebude čecha viděti.

Уже отмѣчено, что Александру Великому придавъ въ поэмѣ рыцарскій обликъ. Война Александра съ персами принимаетъ видъ крестоваго похода и борьбы съ невѣрными: хотя самъ Александръ со своей дружиной и не называются христіанами, но персы получаютъ названіе "невѣрныхъ", такъ персидскій царь Дарій названъ языческимъ королемъ - král pohanský, его персы - pohané. Передъ битвой Александръ говоритъ своимъ воинамъ: "греки мои, вамъ будетъ радость,

а язычникамъ въ сердцѣ - горе:"

"moji Řeci

.... vám bude všěm radost,

A pohanóm v srdci žalost..

Въ другомъ мѣстѣ при описаніи сраженія говорится: "какъ волки оросились на стадо, такъ греки бросились на язычниковъ:"

Jakož vlci činjé stádu,

Tak Řeci v pohany vpadu.

Названіемъ язычниковъ - pohani - перси отождествляются съ магометанами, которые такъ называются старинными итальянскими эпиками (Аріостомъ, Тассомъ), хотя они отлично знаютъ, что эти язычники вовсе не идолопоклонники (Слово pohani, pogani едва-ли даже не лучше переводить "басурмане"). Въ одномъ мѣстѣ перси даже прямо названы "сарацинами."

Рыцарскій характеръ поэмы отражается далѣе въ отдѣльныхъ рыцарскихъ чертахъ и учрежденіяхъ сражающихся сторонъ: напримѣръ, вокругъ Александра сплотились рыцари: rytierstvo sě o něm shrnu; въ войскѣ даже есть князья, графы, у него же есть штальмейстеръ, рыцарь Менонъ. Въ одномъ мѣстѣ проявляется народный элементъ, въ видѣ чешскихъ именъ оружіеносцевъ. Когда къ греческому лагерю приближаются перси, греки въ смятеніи спѣшатъ вооружиться и зовутъ своихъ ору-

женскаго по имени: кто Радвана, кто Младсту, кто Яна, кто Радсту.

"Александріи" много уступаетъ другія рыцарскія поэмы, группирующіяся вокругъ Артура Бретонскаго (циклъ рыцарей "Круглаго стола"). Отмѣтимъ 1) Tristram velikú rek, 2) Tandariaš. Поэма эти примыкаетъ къ нѣмецкимъ стихотворнымъ переработкамъ. Въ 1-ой поэмѣ рыцарь влюбляется въ Изольду, невѣсту своего дяди, и ради нея совершаетъ рядъ подвиговъ; кончается она печально: смертью любящихъ. Во 2-ой поэмѣ разсказывается романъ пажа, впослѣдствіи рыцаря, Тандаріаша и царевны-красавицы Флорибелла. Изгнанный королемъ за такую дерзкую любовь, Тандаріашъ совершаетъ рядъ подвиговъ, но затѣмъ попадаетъ въ плѣнъ къ одному царю, изъ котораго освобождается его сестрой. Наконецъ, при трехкратномъ блистательномъ и побѣдоносномъ участіи его въ турнирахъ, царевна, его возлюбленная, узнаетъ своего рыцаря, и поэма кончается ихъ бракомъ.

Назову еще одну поэму, Štilfrid, гдѣ главнымъ лицомъ является чешскій князь, перекроенный изъ стараго нѣмецкаго героя. Впрочемъ, о нѣмецкомъ баснѣ дѣло не совсѣмъ ясно, такъ какъ есть указаніе на то, что поэма можетъ быть оригинальна, хотя рѣшительно опредѣлить этого нельзя. Нѣкоторая связь съ Штильфридомъ замѣчается въ преслоутой Краледворской рукописи, въ описаніи турнира. Краледворская рукопись эта - памятникъ, составленій нѣкогда лучше укра-

ненiе старочешской литературы, но признанный теперь, послѣ продолжительныхъ споровъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими - подложнымъ. Къ разсмотрѣнiю этихъ подложныхъ памятниковъ мы теперь и обращаемся.

ЛЮБУШИНЪ СУДЪ. КРАЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ И ДРУГIЕ ПОДЛОЖНЫЕ ПАМЯТНИКИ.

Сюда относится прежде всего одинъ отрывокъ Евангелiя отъ Iоанна, обнародованный Вячеславомъ Ганкой въ 1829 году. Вячеславъ Ганка былъ ученымъ (славистомъ) и состоялъ библiотекаремъ чешскаго музея; извѣстенъ онъ также какъ писатель; выступалъ въ качествѣ изслѣдователя древней письменности. Отрывокъ Евангелiя отъ Iоанна будто бы былъ открытъ Ганкой на годъ раньше, и отлѣпленъ, по его словамъ, съ переплета латинской рукописи. Памятникъ и представляетъ 2 листка съ латинскимъ текстомъ и вписаннымъ Ганкой чешскимъ междустрочнымъ переводомъ. Относили этотъ отрывокъ къ X столѣтiю. Въ подлинности отрывка сильно усомнился Добровскiй, поэтому Ганка могъ издать рукопись лишь послѣ смерти Добровскаго, который скончался въ нищетѣ. Это обстоятельство вызвало скептическое отношенiе къ мнѣнiю Добровскаго, и этимъ недовѣрiемъ къ нему Ганка и

воспользовался.

Исторія Евангелія отъ Іоанна связывается съ другими, болѣе или менѣе явными подлогами. Мы имѣемъ чешскія глоссы въ латинскомъ словарѣ "Mater Verborum", составленіе котораго приписывали Соломону, епископу констанцскому, жившему въ X столѣтіи. "Mater verborum" отчасти имѣетъ энциклопедическій характеръ. Чешскія глоссы, по изслѣдованію недавно скончавшагося Адольфа Патера, отчасти подлинныя, отчасти внесены вновь, - очевидно, библіотекаремъ Ганкомъ, имѣвшимъ возможность сдѣлать это на досугѣ. Иныя изъ глоссъ объясняются стремленіемъ автора создать цѣлую славянскую миѳологію, напримѣръ слово "sive" (или) онъ передѣлалъ въ "Siva", что было прочтено "Živa" и истолковано, какъ богиня плодородія: слово "sive" стояло въ словарѣ послѣ "Ceres". Такимъ образомъ, на этомъ примѣрѣ мы можемъ видѣть, что глоссы передѣлывались изъ латинскихъ словъ; въ другихъ случаяхъ онѣ вписывались вновь. Имѣются и нѣмецкія глоссы. При словѣ "Puber" находимъ глоссу "Jun", что, несомнѣнно, сдѣлано изъ нѣмецкаго Jung, стоявшаго при "Puber". Конечное "g" въ нѣмецкомъ словѣ было уничтожено.

Отмѣтимъ далѣе стихотворный памятникъ - рукопись Зеленогорскую. Это - рукопись, называемая иначе "Любушинымъ судомъ", по своему главному, а,можетъ быть,и единственному, содержанію (Помѣщенный въ ней, кромѣ повѣствованія о судѣ, отрывокъ о старо-чешскомъ бытѣ можно понимать,какъ

слова, сказанныя однимъ изъ участниковъ суда). Любуша - дочь князя Крока, которая заняла престолъ послѣ смерти отца, а потомъ, по требованію вельможъ, избрала себѣ въ супруги крестьянина Премысла, ставшаго основателемъ династіи Премысловичей (событіе исторически недостовѣрное). Разсказъ этотъ имѣется въ хроникахъ у Козьмы Пражскаго, и у Гайка. Сходно съ хрониками въ Зеленогорской рукописи разсказывается, какъ два брата Хрудошъ и Стяглавъ поссорились изъ за наслѣдства. Старшій братъ хочетъ взять себѣ все наслѣдство, тогда какъ младшій предлагаетъ раздѣлить его поровну, по славянскому обычаю. Споръ братьевъ Любуша, выслушавъ совѣты пановъ, рѣшаетъ въ пользу раздѣла. Тогда Хрудошъ оскорбляетъ Любушу заявленіемъ, что жены не должны быть подъ властью женщины.

Зеленогорскую рукопись относили къ X вѣку. Исторія ея была такова: въ 1818 году она была прислана неизвѣстнымъ лицомъ въ чешскій музей въ Прагѣ. Присылка эта стояла въ связи съ воззваніемъ Франца Коловрата Либштейнскаго о жертвованіи въ музей интересныхъ для науки книгъ и предметовъ. При рукописи было письмо, писанное карандашомъ и явно измѣненнымъ почеркомъ. Подлинность Зеленогорской рукописи отвергалась Добровскимъ; но его мнѣніе, письмо и чернила не соотвѣтствуютъ времени, къ коему приходится относить ее по содержанію. Ранка тогда не рѣшился ее издать. Впослѣдствіи, однако, рукопись появилась въ из-

данія поляка Раковецкаго "Prawda Ruska", смотрѣвшаго на нее съ юридической точки зрѣнія - какъ на памятникъ, по которому можно изучать славянское право. Приблизительно въ то же время Зеленогорская рукопись была издана Шишковымъ въ "Извѣстіяхъ Россійской Академіи". Въ 1824 году Добровскій пишетъ по-нѣмецки статью "Литературный обманъ", гдѣ прямо называетъ эту рукопись явнымъ обманомъ мошенника. По смерти Добровскаго "Любушинъ судъ" былъ напечатанъ Ганкой и Вячеславомъ Свободой. За достовѣрность и подлинность памятника высказался историкъ Чехіи Францъ Палацкій, по мнѣнію котораго филологическія и историческія справки Добровскаго недоказательны. Впрочемъ, какъ тогда же замѣтилъ Копитарь, Палацкій вовсе не опровергъ сужденій Добровскаго.

Памятникомъ болѣе поздняго времени (XII вѣка) считалась уже названная выше Краледворская рукопись. Она была яко бы найдена Ганкою въ 1817 году, въ Королевиномъ дворѣ (Kralove Dvur), въ сѣверо-восточной Чехіи. Ганка "нашелъ" ее въ подвалѣ подъ одной колокольней, и городъ ему подарилъ находку. Въ свою очередь Ганка отдалъ рукопись въ собственность Чешскому музею.

Памятникъ состоитъ изъ пергаменныхъ листиковъ величиною въ двѣнадцатую долю листа и представляетъ собраніе народныхъ (или очень похожихъ на народныя) пѣсенъ эпическаго и лирическаго характера. Числомъ ихъ четырнадцать.

Первая пѣсня говоритъ объ изгнаніи изъ Праги завоевателей-поляковъ. Начала ея не сохранилось. Вторая - изображаетъ набѣгъ нѣмцевъ, которыхъ разбиваетъ нѣкій Бенешъ Германовъ. Третья пѣснь представляетъ болѣе обширное сказаніе: о великихъ бояхъ съ татарами. Здѣсь разумѣется пораженіе татаръ при главномъ городѣ Моравіи Оломуцѣ (Олмюцѣ) въ 1245 году. Впрочемъ, лѣтописный разсказъ объ этомъ не вполнѣ достовѣренъ, а въ пѣснк ужъ несомнѣнно вошелъ сказочный элементъ. Четвертая пѣснь также пріурочивается къ лѣтописному преданію и представляетъ сказаніе о побѣдѣ воеводы Пражскаго князя Неклана, Честмира, надъ областнымъ княземъ Влаславомъ. Въ пятой пѣснѣ разсказывается о турнирѣ. Выводится чешская княжна Людиша и боецъ ея, получающій изъ рукъ ея дубовый вѣнокъ,-рыцарь Люборъ. Шестая пѣснь повѣствуетъ "о великомъ пораженіи": о подвигѣ нѣкихъ Забоя и Славоя - вождей народнаго возстанія въ защиту родины отъ нѣмецкаго гнета. Одинъ изъ вождей вмѣстѣ съ тѣмъ пѣвецъ, возбуждавшій мужество своими пѣснями; его при этомъ сравниваютъ съ какимъ-то другимъ, болѣе раннимъ пѣвцомъ, Любиромъ, колебавшимъ пѣніемъ Вышеградъ и всю чешскую страну.

Слѣдующія пѣсни отчасти полулирическія, отчасти вполнѣ лирическія. Въ 7-ой пѣснѣ говорится о томъ, какъ панъ Збигой похитилъ у юноши возлюбленную: тотъ оплакиваетъ ее, а затѣмъ убиваетъ пана и освобождаетъ дѣвушку. 8-ая

пѣснь носитъ названіе "Олень" и отличается элегическимъ характеромъ. Юнош, безвременно погибшій отъ коварнаго врага, напавшаго на него предательскимъ образомъ, сравнивается съ оленемъ, который сначала беззаботно скачетъ, затѣмъ гибнетъ. 9-ая пѣсня - "Букетъ". Дѣвушка, идя за водой, увидѣла плывущій по ручью букетъ и хочетъ наградить того, кто сплелъ букетъ. 10-ая пѣснь - "Земляника". Дѣвушка занозила ногу при сборѣ земляники, и добрый молодецъ хочетъ довезти ее на конѣ. На травѣ они стали обниматься и цѣловаться; дѣвушка забываетъ про возвращеніе домой и про занозу. 11-ая пѣсня - "Роза". Дѣвушка всю ночь ждетъ своего возлюбленнаго, а потомъ догадывается, что онъ измѣнилъ ей. Здѣсь кратковременность счастья уподобляется быстро отцвѣтающей розѣ. Въ 12-ой пѣснѣ кукушка жалуется на то, что весна не продолжается круглый годъ, на что ей дается отвѣтъ, что тогда не поспѣвало бы ни хлѣба, ни плодовъ. Въ 13-ой пѣснѣ "Покинутая" дѣвушка плачется на свое одиночество: родители ея въ гробу, милаго у нея отняли. Наконецъ, въ послѣдней пѣснѣ говорится, какъ дѣвушка проситъ жаворонка пропѣть пѣсню ея возлюбленному, такъ какъ у нея нѣтъ ни бумаги, ни пера, чтобы написать ему письмо. Таково содержаніе "Краледворской рукописи."

Краледворская рукопись открывала широкіе горизонты въ староческой литературѣ, такъ какъ могла служить

свидѣтельствомъ громадной ея производительности. Передъ второй пѣснью читается слѣдующее заглавіе: "Počíná se kapitule šestmezcietmá třetiech knih o pobití sasikóv", т.е.: начинается 26-ая глава III-ей книги "О пораженіи Саксонцевъ"; передъ 4-ой пѣснею также говорится, что начинается 27-ая глава, а передъ 7-ою, что начинается 28-ая. Такимъ образомъ, Краледворская рукопись казалась отрывкомъ обширнаго сборника, содержавшаго, кромѣ сохранившихся, еще болѣе 150 стихотвореній.

Мысль о когда-то существовавшей, но яко бы не дошедшей до настоящаго времени, обширной и высоко-художественной литературѣ, не мало содѣйствовала чешскому возрожденію. Краледворская рукопись издавалась много разъ и переводилась на разные языки. Подлинность ея сначала не подвергалась сомнѣнію, и за достовѣрность памятника высказывался даже Добровскій. Однако Копитарь высказалъ подозрѣніе, а далѣе выступили Вѣдингеръ, Фейфаликъ, Шембера, Ванекъ и др. Опровергали возраженія братья Йиречки (Подлинность Краледворской рукописи - Die Echtheit der Königinhofer Handschrift).

Кромѣ указанныхъ подложныхъ памятниковъ, мы имѣемъ еще два стихотворенія: 1) упомянутая раньше любовная пѣсня короля Вячеслава, 2) пѣсня Вышеграду. Эти памятники менѣе интересны и менѣе упорно отстаивались, какъ подлинные, особенно второй, написанный на кускѣ пергамента 18-го

столѣтія, но письмомъ XII-XIII вѣка, что, конечно, есть явная несообразность. Вещи эти Ганке сталъ печатать вмѣстѣ съ Краледворской рукописью: дурно ее рекомендуетъ уже такое общество!

Теперь присмотримся поближе хотя бы къ нѣкоторымъ изъ этихъ поддѣлокъ. Защитники Краледворской рукописи представляли слѣдующіе доводы въ пользу ея подлинности: 1) некому было сочинить такое капитальное произведеніе, какъ Краледворская рукопись. Но этотъ доводъ не особенно убѣдителенъ, такъ какъ мы знаемъ, что тотъ же Вячеславъ Ганка обладалъ достаточными для этого свѣдѣніями и не былъ лишенъ таланта, а, кромѣ того, у него могъ быть сотрудникъ Линда, тоже талантливый литераторъ. 2) Ссылались на отсутствіе источниковъ, по которымъ можно было бы составить подложные памятники. Но это также невѣрно: источниками могли служить имѣвшіяся уже тогда бытовыя и историческія свѣдѣнія, а также и народныя пѣсни. 3) Однимъ изъ доказательствъ подлинности памятниковъ была также правильность и чистота ихъ языка, но при этомъ не обращалось вниманія на нѣкоторыя странности и ошибки. Такъ,напримѣръ, въ "Любушиномъ Судѣ" находимъ слово "plzně" - польза, со слоговымъ "l", тогда какъ здѣсь старое "o": ср. стародерковное п о л ь s а , но не п л ъ s а - корень л ь г , а п о - предлогъ. Можетъ быть, здѣсь оказало вліяніе сходное названіе города Поля-

ня - Plzeň, въ нѣмецкомъ видѣ Пильзенъ, знаменитый по пиву. Иногда грамматическія формы образуются неправильно и не сходятся ни съ старочешскими, ни со староцерковными. Напримѣръ, въ самомъ началѣ Зеленогорской рукописи находимъ выраженіе: "или тебя взволновала буря", гдѣ употребленъ имперфектъ rozvĭajáše. Однако по-чешски здѣсь было бы стяженіе - rozvĭáše. Кромѣ того, слѣдовало бы поставить аористъ или перфектъ, а имперфектъ неумѣстенъ. Такъ могъ написать лишь человѣкъ, который не чувствовалъ разницы временъ и стоялъ на точкѣ зрѣнія современнаго языка, гдѣ имѣется только одно прошедшее.

Еще примѣръ. Въ Краледворской рукописи, именно въ 4-ой пѣснѣ, гдѣ говорится о побѣдѣ надъ Власланомъ, въ самомъ началѣ мы встрѣчаемъ глаголъ holedbati se: "Holedbáše se Vĭasĭav", т.е. Влаславъ чванился. Имперфектъ здѣсь стоитъ на мѣстѣ, но самый глаголъ очень страненъ и нигдѣ не имѣетъ себѣ соотвѣтствія. Самъ Ганка сопоставлялъ его съ русскимъ словомъ "голытьба", которое переводилъ "chudá rýcha" - бѣдная гордость, очевидно, взявъ и слово,и переводъ изъ русско-нѣмецкаго словаря Гейма, гдѣ слово это переведено Pracherstolz arme Leute. Не посчитавшись съ переводомъ "бѣдные люди", поддѣльщикъ, видно, понялъ первое, рѣдкое, слово, которое по-русски можно передать придуманнымъ словомъ "пустогордь" въ смыслѣ чванства, и, придавъ ему видъ holedba, произвелъ отъ него holedbati se - чва-

ниться.

При описаніи древнечешскаго быта встрѣчаемъ выраженіе: "muži pášú"... Этотъ глаголъ неумѣстенъ, такъ какъ "пахать" находимъ только у великоруссовъ и значенія такого у чеховъ нѣтъ и не было. Есть, правда, "páchati", но только со значеніемъ "совершать нѣчто дурное". Далѣе, въ Краледворской рукописи есть выраженіе: "ze vsia lesa", гдѣ въ соотвѣтствіи старославянскому в ь с е г о слѣдовало бы по-чешски поставить vseho. Очевидно, писавшій рукопись, допустивъ именную форму, хотѣлъ быть болѣе архаичнымъ, но не сообразилъ, что въ данномъ случаѣ новый языкъ съ древнимъ не расходится. Въ "Любушиномъ Судѣ" встрѣчаемъ еще одинъ любопытный случай. Одинъ вельможа, какъ говорится, происходитъ изъ того мѣста, гдѣ Трутъ погубилъ лютаго змѣя: "ideže Trut pohubi saň l'utú. Въ имени Trut видимъ попытку создать эпонима для города Трутнова (человѣка, по которому названъ городъ) и объяснить змѣя въ гербѣ этого города. Однако тогда было бы Трутовъ, безъ "н", а, кромѣ того, Трутновъ (Trautenau) основанъ германскими выходцами. Змѣй въ гербѣ могъ появиться просто какъ одна изъ ходячихъ эмблемъ.

Такимъ образомъ, языкъ памятниковъ не вполнѣ безупреченъ, и въ немъ есть довольно крупныя погрѣшности. Кромѣ приведенныхъ уже доводовъ, говорящихъ за поддѣлку, есть еще "полосочное" доказательство (proužkový důkaz): часть

рукописи представляетъ узкія полоски, остатки обрѣзанныхъ листовъ. А эти полоски, какъ оказывается, были написаны не въ видѣ листовъ, а уже въ видѣ полосокъ, такъ какъ иначе на нихъ гораздо чаще, чѣмъ это теперь замѣчается, имѣлись бы перерѣзанныя буквы.

Теперь уже никто изъ серьезныхъ ученыхъ не станетъ защищать достовѣрности разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ. Между этими памятниками существовало нѣчто вродѣ круговой поруки, на основаніи которой одинъ памятникъ оправдывался другимъ. Напримѣръ, подлинность "Любушина Суда" доказывалась поддѣльными глоссами въ словарѣ "Mater Verborum", о чемъ есть статья Срезневскаго, помѣщенная въ "Запискахъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности", томъ 21. Объ этомъ реферировалъ такие Макушевъ (см. 2-ой томъ Р.Ф.Е.). Статья о "Любушиномъ Судѣ" помѣщена въ 1-омъ томѣ Р.Ф.Е. Отмѣтимъ еще обстоятельную, но, къ сожалѣнію, не оконченную, статью Ламанскаго "Новѣйшіе памятники старочешской литературы" (Ж.М.Н.Пр. 1879 г.). На этомъ мы и кончаемъ разсмотрѣніе памятниковъ, которые, такимъ образомъ, слѣдуетъ признать подложными, но которымъ суждено было сыграть важную роль въ чешскомъ возрожденіи.

Произведенія сатирическія, дидактическія, мистеріи, хроники и друг.

Среди произведеній старинной литературы (14-го столѣтія) есть также и произведенія шуточнаго характера. Сюда относятся басни, сатирическіе разсказы. Довольно остроумна басня о Лисѣ и Кувшинѣ, на которую можно выставить эпиграфъ "на всякаго мудреца довольно простоты" или "умъ за разумъ зашелъ." Лисица говоритъ съ Кувшиномъ, желая и его заставить принять участіе въ бесѣдѣ. Она сначала называетъ его ласковыми именами, а затѣмъ катаетъ его по землѣ, но Кувшинъ все молчитъ. Въ концѣ концовъ, Лисица пробитъ его утопить и спускаетъ на хвостѣ въ воду. Кувшинъ наполняется водой и тонетъ, причемъ, конечно, тянетъ за собою и самое Лисицу.

Отмѣтимъ, далѣе, сатиры на ремесленниковъ: сапожниковъ-пьяницъ, мясниковъ, продающихъ гнилое мясо. Здѣсь и кузнецы, которые снабжаютъ пилами и отмычками воровъ-взломщиковъ; цирульники, неискусные въ своемъ ремеслѣ и подвергающіе опасности пацієнтовъ; булочники, продающіе пустые внутри хлѣбы, которые по наружному виду кажутся большими; наконецъ, выведены судьи-взяточники, за деньги обѣляющіе богатыхъ негодяевъ и отказывающіе въ помощи бѣднымъ.

Другая сатира изображаетъ конюха и школьника-бурса-

ка, которые, сидя въ корчмѣ за пивомъ, заспорили о томъ, чья жизнь лучше. Конюхъ хвастается, что живетъ во дворцѣ, въ богатствѣ и въ почетѣ, школьникъ выставляетъ свое образованіе и будущую духовную карьеру. Дѣло доходитъ до драки. Выясняется, однако, что обоимъ имъ живется плохо, что у обоихъ жизнь, несмотря на хвастовство, далеко не сладкая: конюхъ во дворцѣ спитъ на соломѣ и ѣстъ черный хлѣбъ; школьнику въ бурсѣ достаются чаще пинки и колотушки, чѣмъ лакомые кусочки.

Сатирой на духовенство является "Споръ воды съ виномъ". Одинъ мистръ (богословъ, священникъ) возвратился съ пирушки и ему снится сонъ, какъ передъ престоломъ Божіимъ вода и вино спорятъ о своемъ преимуществѣ. Вода говоритъ, что она стихія, что безъ нея не могутъ жить живыя существа; ее употребляютъ при таинствѣ Крещенія, смывая грѣхи людей; она же, по св.писанію, исцѣляла больныхъ въ Виѳездской купели. Вино возражаетъ: тебя, вода, пьютъ всякіе скоты, въ тебѣ водятся гады. Вино же употребляютъ въ питье люди благородные: причащеніе совершается не водою, а виномъ; на бракѣ въ Канѣ Галилейской Христосъ превратилъ воду въ вино, а не наоборотъ. Мистръ предвидитъ, что споръ можетъ перейти въ драку, и что въ ней, несомнѣнно, побѣдитъ вода, которой на свѣтѣ гораздо больше, чѣмъ вина, и старается примирить спорящихъ, такъ какъ боится, что при побѣдѣ воды ему не придется больше пить ви-

на. Онъ указываетъ имъ на то, что каждая хорова на своемъ мѣстѣ, и что вода приличествуетъ мірянамъ, а духовнымъ :- вино.

Извѣстны и дидактическія произведенія, напр."Поученіе отца сыну", гдѣ находимъ рядъ совѣтовъ относительно рицарской жизни.

Съ именемъ автора, а именно Сивиля Флянки изъ Пардубицъ, дошло до насъ поэма, которая также носитъ дидактическій характеръ. Флянкъ былъ знатнаго происхожденія, воспитывался и учился въ Прагѣ, окончилъ курсъ въ Пражскомъ университетѣ и пріобрѣлъ тамъ степень бакалавра (кандидата). Онъ былъ близокъ къ Вячеславу IV, но потомъ сталъ сторонникомъ брата его Сигизмунда. Въ 1402 году онъ палъ въ сраженіи.

Въ поэмѣ Флянки, которая названа "Новый Совѣтъ", звѣри подаютъ совѣты молодому льву, взошедшему на престолъ. Самое заглавіе не совсѣмъ ясно. Нѣкоторые думали, что совѣтъ названъ "новымъ" въ отличіе отъ другого звѣринаго совѣта "Rada Zvířat", но такое предположеніе неосновательно, такъ какъ послѣднее произведеніе относится къ 15-му вѣку. Если предположить, что "Поученіе отца сыну" принадлежитъ Флянкѣ, то его можно толковать, какъ первый совѣтъ, а совѣты звѣрей льву :- какъ второй, новый. Есть и еще толкованіе интересующаго насъ заглавія:

именно, его понимаютъ, какъ совѣтъ, вновь появившійся, вновь сочиненный.

Всѣ эти три произведенія, какъ утверждали нѣкоторые ученые, написаны однимъ и тѣмъ же языкомъ, и, потому, приписывались Флянкѣ; однако это доказательство слабое.

Флянка составилъ еще сборникъ чешскихъ пословицъ, которыя, конечно, не сочинялись имъ, а записывались, а, можетъ быть, отчасти переводились съ другихъ языковъ.

Рацарскія и шуточныя произведенія лишь болѣе или менѣе, но не вполнѣ оригинальны; вопросъ о ихъ подражательности хорошо не выясненъ.

Въ старинной чешской литературѣ отразилась и драма - мистерія, со вставными комическими сценами. Имѣемъ цѣлый рядъ мистерій изъ 14-15 вв., какъ "Рождество Христово", "Гробъ Господень". Послѣдняя изображаетъ Воскресеніе Христово и представляетъ передѣлку латинской мистеріи. Еще отмѣтимъ "Продавца мази" - "Mastičkář": къ этому продавцу приходятъ жены-мироносицы покупать мазь для тѣла Христова. Но главное содержаніе мистеріи :- разговоръ продавца мази Севериана со своимъ помощникомъ, шутомъ Рубиномъ, которые перекидываются сѣтованіями и шутками. Но рѣчь ихъ далеко не остроумна, хотя не оставляетъ желать лучшаго по краткости.

Разсмотрѣнную мистерію одинъ ученый, Неибера, считалъ подложнымъ памятникомъ, но противъ этого высказался

Гебауеръ. Доказательство подлинности памятника Гебауеръ видитъ въ томъ, что рукопись выдерживаетъ всѣ тонкости старочешской орѳографіи. Мнѣніе Гебауера особенно интересно отмѣтить потому, что онъ рѣшительно высказывался противъ другихъ, уже извѣстныхъ намъ, подложныхъ памятниковъ, а этотъ не менѣе рѣшительно защищалъ.

Въ параллель нашей мистеріи можно привести соотвѣтствующія нѣмецкія, но, повидимому, послѣднія нельзя считать за ея образецъ, а, напротивъ того, эти нѣмецкія мистеріи выводятся изъ чешской, что видно по встрѣчающимся въ нихъ чехизмамъ. Таковы обѣщаемыя Севериномъ женѣ лепешки "Mosanzen", чешскіе "mazance", что представляетъ чешскій, понѣмецки не выходящій, каламбуръ: já ti namažu - "вляпѣю", и сыръ, дѣлаемые въ Отмаховѣ: já ti jednu odmachnu - "тресну."

Въ области лирико-эпическихъ произведеній слѣдуетъ отмѣтить писателя Ткадлечка (Tkadleček). Ему принадлежатъ "Бесѣда влюбленнаго съ несчастіемъ", гдѣ находимъ жалобы влюбленнаго юноши, отвергнутаго своей дамой сердца. Разсказъ этотъ довольно скучный, но въ то же время написанъ хорошимъ языкомъ. "Бесѣда" представляетъ передѣлку одного нѣмецкаго произведенія "Богемскій пахарь" (Der Ackermann von Beheim). Ранніе изслѣдователи думали, что нѣмцы передѣлали свой разсказъ съ чешскаго, но это не вѣрно.

Къ поэтическимъ произведеніямъ принимаютъ и псалтири:

Капитульная, Ентембергская, Кременгинская. Но переводилась псалтирь, конечно, прозою.

Въ 14 столѣтіи находимъ еще стихотворную хронику - Болеславскую или Далимилову, дидактическаго характера. Авторъ хроники хочетъ воспитать въ читателѣ любовь къ родинѣ, къ родному языку и къ добродѣтели. Замѣтенъ въ хроникѣ кое-гдѣ и элементъ поэтическій, но въ очень небольшомъ количествѣ. Имя автора, Далимила, считаютъ теперь сомнительнымъ.

Къ 14-му же вѣку относится и хроника Пулкавы (Přibík Pulkava). Авторъ ея перевелъ еще съ латинскаго языка автобіографію короля Карла.

Изъ памятниковъ юридической литературы можно отмѣтить книгу стараго пана Розенбергскаго или Розенбергскую книгу (Kníha Rožmberská) - изложеніе правовыхъ порядковъ; книга эта, впрочемъ, можетъ быть, не составлена Розенбергскимъ паномъ, а только была его собственностью. Подобное же произведеніе - Толкованіе права чешской земли: "Výklad na právo země české" пана Андрея Дубскаго (Ondřej z Dubé).

Такимъ образомъ, мы въ старѣйшей чешской литературѣ, при сильномъ иностранномъ вліяніи, видимъ и народную струю.

НАЦІОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ ЧЕХОВЪ. ОТРАЖЕНІЕ ЕГО ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Въ 15-16 столѣтіяхъ возникаетъ протестъ противъ иностраннаго гнета въ видѣ политическаго и религіознаго движенія, бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и національнымъ. Это движеніе извѣстно подъ именемъ "гуситства."

Религіозное движеніе намѣтилъ въ концѣ 14 столѣтія Конрадъ Вальдгаузеръ, затѣмъ къ нему примкнулъ чехъ Миличъ. Послѣдній усердно проповѣдовалъ по-чешски и по-латыни, и успѣху его проповѣдей не мало содѣйствовала и его аскетическая жизнь, раздача имущества бѣднымъ. Миличъ терпѣлъ много преслѣдованій, но находилъ и покровителей. Писалъ онъ еще исключительно по-латыни. Ученикъ Милича, Матвѣй изъ Янова, имѣлъ уже реформаторскія наклонности, именно въ сторону протестантства: онъ высказывался за отверженіе церковнаго преданія и желалъ оставить для руководства церкви только священное писаніе.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ учениковъ Милича является Ѳома Щитный (Tomáš Stítny или Tóma ze Štítného), умершій въ 1400 году. Онъ не былъ духовнымъ лицомъ, но изучалъ богословіе, каноническое право, философію и самъ занимался философіей. Философія Щитнаго представляетъ умѣренный христіанскій мистицизмъ. При своей литературной

дѣятельности Штитный пользовался роднымъ языкомъ. Онъ говорилъ, что, обращаясь къ чешскому народу, хочетъ писать по-чешски, какъ апостолъ Павелъ проповѣдовалъ у евреевъ на еврейскомъ языкѣ, у грековъ на греческомъ. Изъ произведеній Штитнаго назовемъ "Разговоръ дѣтей съ отцомъ", "Наставленіе о дѣлахъ христіанскихъ" и "Книгу наставленія христіанскаго."

Упомянутые проповѣдники :- Миличъ, Матвѣй изъ Янова, и Ѳома Штитный :- являются предшѣственниками великаго реформатора Яна Гуса. Гусъ (его, собственно, слѣдовало бы называть Гусемъ, причемъ, конечно, можно опасаться комическаго оттѣнка; нѣмецкая орѳографія черезъ два S - Huss, но по-чешски - съ однимъ: Hus) родился въ Гусинцѣ (Husinec) Писецкаго округа, въ юго-западной Чехіи, учился въ Пражскомъ университетѣ, гдѣ и сталъ впослѣдствіи бакалавромъ (кандидатомъ) и магистромъ; былъ профессоромъ и ректоромъ. Состоялъ Гусъ еще проповѣдникомъ при Вифлеемской часовнѣ, куда своими блестящими проповѣдями привлекалъ массу слушателей, и пріобрѣлъ много покровителей. Кромѣ того, Гусъ былъ еще духовникомъ Софіи, жены короля Вячеслава IV-го.

Главнымъ образомъ, Гусъ ратовалъ противъ церковныхъ злоупотребленій, и лишь впослѣдствіи на него оказалъ вліяніе въ реформаторскомъ духѣ англичанинъ Виклефъ. Ученіе Воклефа стало преподаваться съ каѳедры, но скоро было за-

прещено, какъ еретическое. Затѣмъ опять оно было допущено, но съ оговоркой: поскольку не представляетъ ереси.

Съ теченіемъ времени къ богословскимъ спорамъ, порождавшимъ религіозный раздоръ, примѣшался и національный элементъ. Чехи были противъ нѣмцевъ, которые наводнили страну въ неимовѣрномъ количествѣ. Даже въ Пражскомъ университетѣ было три націи: саксонская (сѣверо-нѣмецкая), баварская (южно-нѣмецкая) и "польская" (силезцы, лужичане, пруссаки), которыя имѣли подавляющее большинство передъ четвертой націей - чешской. "Польская" нація была славянской только по имени. Но, вотъ, Вячеславъ IV-ый далъ туземцамъ по примѣру университетовъ парижскаго и итальянскихъ три голоса, а иностранцамъ - одинъ: это имѣло важныя послѣдствія: иностранные студенты покинули Прагу и основали Лейпцигскій университетъ. Для чеховъ это было, конечно, большой потерей съ количественной стороны, но побѣдой народности и реформаторскихъ стремленій. Однако пражскій епископъ Збынекъ сталъ преслѣдовать "ересь", добился сожженія Виклефовыхъ книгъ, а Гусу, несмотря на заступничество короля, запретилъ проповѣдовать и предалъ его, а потомъ и всю Прагу проклятію. Гусъ апеллировалъ къ папѣ, и Збынекъ вскорѣ умеръ, но дѣло не остановилось.

Въ 1411-омъ году Гусъ выступаетъ съ проповѣдью противъ индульгенцій, за что папа подтвердилъ проклятіе Збынка: виелеемская часовня была уничтожена, и Гусъ былъ изг-

нанъ. Однако вслѣдствіе преслѣдованій великій проповѣдникъ не сталъ умѣреннѣе, и продолжалъ свою пропагандную дѣятельность по селамъ и деревнямъ, будучи сильно возмущенъ церковными безобразіями (Это было время троепапства). Гусъ теперь пришелъ къ мысли, что должно исполнять повелѣнія папы только тогда, когда они не противорѣчатъ ученію Христову. Этимъ Гусъ уже заявляетъ протестъ противъ католической церкви; на Констанцкомъ соборѣ онъ былъ осужденъ, какъ еретикъ, и, несмотря на охранную грамоту, данную ему императоромъ Сигизмундомъ, сожженъ 6-го іюня 1415 года.

Но возбужденная Гусомъ Чехія продолжала сильнѣе и сильнѣе уклоняться отъ католической церкви. Къ Гусу примыкалъ Якубокъ (Jakubek ze Stříbra), который выставляетъ требованіе причащенія подъ обоими видами. Сторонники этого требованія назывались "подобоями".

Отстаивая религіозную свободу, чехи взялись за оружіе. Въ 1417 году въ Прагѣ Гуса провозгласили мученикомъ и установили даже празднованіе его памяти. Во главѣ движенія палъ Пражскій университетъ. Констанцкій соборъ позвалъ вождей движенія на судъ, но они не явились, такъ какъ боялись подвергнуться той же участи, какая постигла Гуса.

Главное сочиненіе Гуса "Tractatus de Ecclesia" (о церкви), по которому были составлены 13 обвинительныхъ

пунктовъ противъ автора. Въ этомъ трактатѣ, между прочимъ, есть положеніе: "Папа является истиннымъ намѣстникомъ Христовымъ лишь тогда, когда онъ дѣйствительно похожъ на апостола Петра". Другое сочиненіе Гуса "О достаточности Закона Христова" съ точки зрѣнія католичества также можно назвать еретическимъ. Гусъ осуждаетъ далѣе и случаи благочестиваго обмана, напримѣръ показываніе крови Христовой, молока Богородицы. Вооружался онъ также противъ церковнаго имущества. Гусъ писалъ и по-чешски, очень дорожа народнымъ языкомъ и его чистотой. Напримѣръ, онъ упрекалъ пражанъ за то, что они не произносятъ твердаго "л" (l,l). Принадлежатъ Гусу слѣдующія сочиненія, написанныя на чешскомъ языкѣ: "Толкованіе Пѣсни пѣсней Соломона", "Девять золотыхъ статей", "Зеркало грѣшниковъ", "Семь смертныхъ грѣховъ". Въ качествѣ филолога Гусъ извѣстенъ своей реформой чешской графики - дополненіемъ латинской азбуки посредствомъ діакритическихъ знаковъ.

Изъ послѣдователей Гуса отмѣтимъ Христіана Прахатицкаго (Прахатицы - тоже Писецкаго уѣзда), Петра изъ Младеновицъ, Яна изъ Прибрами (Příbram), что на рѣкѣ Волтавѣ. Послѣдній перешелъ потомъ въ число умѣренныхъ гуситовъ, сдѣлался противникомъ таборитовъ и, наконецъ, вернулся въ лоно католической церкви. Янъ важенъ для насъ своими извѣстіями о таборитахъ, противъ которыхъ онъ высказывается въ произведеніи: "Жизнь таборитскихъ священ-

никовъ" (Život kněží Táborských). Написалъ онъ еще на латинскомъ языкѣ "Положенія и ошибки таборитовъ" (Articuli et errores Taboritarum). Отмѣтимъ еще Яна изъ Рокицанъ или Рокицану, проповѣдника и администратора утраквистской ("подобойской") церкви. Былъ онъ пражскимъ епископомъ, но потомъ долженъ былъ бѣжать отъ преслѣдованія католиковъ, и вернулся лишь впослѣдствіи, когда королемъ сдѣлался чехъ Юрій Подѣбрадъ.

Гуситское движеніе было столь сильно, что чехи побѣдоносно отражали войска императора и даже наступали на Германію; однако оно погибло отъ внутреннихъ раздоровъ. Съ таборитами враждовала умѣренная Прага; да и среди таборитовъ не было полнаго единства. Главнымъ предводителемъ таборитовъ былъ Янъ Жижка :- одноглазый, а послѣ и вовсе слѣпой. Его дѣятельность продолжали Прокопъ Большой (или Голый) и Прокопъ Малый (Прокопикъ). Послѣ смерти Жижки между таборитами возникло разногласіе, и они распались на двѣ партіи, изъ коихъ болѣе крайняя называла себя "сиротами"; но славныя побѣды чеховъ пока продолжались. Умѣренные чехи, удовлетворившіеся уступками Базельскаго собора, подъ начальствомъ Альса изъ Врецова (Aleš z Vřeštova) въ 1434 году сразились съ таборитами и разбили ихъ при Липанахъ, посредствомъ хитрости: притворнаго бѣгства. Оба Прокопа пали въ сраженіи. Чехи получили возможность причащаться подъ обоими видами и подчинились папѣ и императору. Въ

1436 году Сигизмундъ вступилъ въ Прагу.

Въ эти бурныя времена литература пала, но все таки нѣкоторые проблески ея были. Отмѣтимъ, напримѣръ, воинственную гуситскую пѣсню, сочиненіе Богуслава изъ Чехтицъ, приписывавшееся прежде самому Жижкѣ. Она начиналась такъ:

Kdož ste Boží bojovníci
a zákona Jeho,
Prostež od Boha pomoci
a doufejte v něho.

(doufejte - надѣйтесь).

Въ 15 вѣкѣ появляется книгопечатаніе. Такъ въ 1467 году была напечата "Троянская исторія", а нѣсколькими годами ранѣе гуситская пѣснь "Chceme li s Bohem býti", изданіе которой въ 17 вѣкѣ названо перепечаткой съ изданія 1441 года. Возникаетъ много типографій.

Съ половины 15 вѣка развивается гуманизмъ, повышается интересъ къ изученію латинскихъ классиковъ, является цѣлый рядъ переводовъ съ латинскаго на чешскій языкъ.

Въ 16 вѣкѣ появляются нѣкоторыя замѣчательныя произведенія юридической литературы. Такова "Kniha Tovačovská" - сборникъ законовъ и правовыхъ обычаевъ. Книга эта приписывалась пану Штибору Товачовскому (Štibor Tovačovský z Cimburka). Товачовскій ввелъ въ Моравскіе законы чешскій языкъ въ замѣнъ латинскаго. Онъ написалъ также разсужденіе и по церковной дисциплинѣ: "Hadání Pravdy a Lži o kněž-

ské zboží a panovaní jich" (Споръ о богатствѣ и власти духовенства). Рядомъ съ Томачовскимъ упомянемъ еще Корнелія Викторина изъ Вышегорда (ze Všehrd) - горожанина, магистра и профессора Пражскаго университета. Ему принадлежитъ сочиненіе о законахъ чешской земли въ девяти книгахъ: "O právích země české knihy devatery". Викторинъ былъ горячимъ любителемъ чешскаго языка. Онъ въ предисловіи къ переводу Іоанна Златоуста говоритъ, что могъ бы писать по-латыни, но, обращаясь къ чехамъ, предпочитаетъ родной языкъ, который не хуже латинскаго или греческаго выражаетъ любую мысль.

Изъ религіозныхъ дѣятелей упомянемъ вчинителя общины чешскихъ братьевъ, философа Петра Хельчицкаго. Онъ не былъ настоящимъ ученымъ, но искренно былъ привязанъ къ наукѣ, посѣщалъ университетъ, любилъ духовное чтеніе и велъ разговоры на религіозныя темы. Читанное и слышанное сложилось у Хельчицкаго въ религіозно-философскую систему. Основа всему:- Евангеліе, толкователями котораго должны быть не священники, а люди, имѣющіе даръ Божій. Ратовалъ Хельчицкій противъ войны и государственнаго порядка, какъ несогласныхъ съ евангельской любовью и всепрощеніемъ. Главное его сочиненіе "Сѣть вѣры" - полнымъ заглавіемъ: "Sít' víry pravé neb vrše ta, o níž mluvil Pán Ježíš ve čtení svatém: Сѣть вѣры или неводъ тотъ, о коемъ говорилъ Господь Іисусъ въ чтеніи святомъ, т.е. неводъ, извлекающій

человѣка изъ моря житейскаго, - что основано на Евангеліи отъ Матеея, XIII гл., 37-49 стихи, гдѣ царство небесное уподобляется неводу, ввереннному въ море и приносящему разную рыбу, послѣ чего плохую выбрасываютъ. Хельчицкій написалъ еще "Книгу спасительныхъ толкованій на воскресныя чтенія цѣлаго года" (называются такія книги Постиллой). Хельчицкій собралъ кружокъ послѣдователей - "сѣрыхъ священниковъ". Въ 1457 году изъ этого кружка возникла община чешскихъ братьевъ - "Jednota bratří českých, Jednota bratrská", которая черезъ 10 лѣтъ значительно окрѣпла, обзаведшись своими священниками и епископами. Впослѣдствіи эта община распалась на два отдѣла: болѣе строгихъ и выдержанныхъ, и менѣе послѣдовательныхъ; да уже при самомъ устройствѣ ея пришлось сдѣлать кое какія уступки обществу и государству.

"ЗОЛОТОЙ ВѢКЪ" ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ІЕЗУИТОВЪ.

Періодъ отъ 1526 до 1620 года (до Бѣлогорской битвы) извѣстенъ въ чешской литературѣ подъ названіемъ "Золотого вѣка". Въ это время чешскій языкъ получаетъ блестящую обработку. Языкъ этотъ и новочешскими писателями считался образцовымъ, причемъ иные даже находили (что другими успѣшно оспаривалось), что онъ не долженъ подвергаться ни-

какимъ измѣненіямъ. Однако названіе этого времени "золотымъ" - громадное преувеличеніе.

Въ разсматриваемую эпоху писателей въ собственномъ смыслѣ не было, а были лишь хорошіе стилисты. Отмѣтимъ поэму "Майскій сонъ" Генриха Подѣбрадскаго (Hynek или Jindřich z Poděbrad), сына короля Юрія. Другой стихотворецъ, Симонъ Ломницкій, извѣстенъ своими духовными, сатирическими и дидактическими произведеніями. Одновременно возникаютъ Канціонала - собранія духовныхъ пѣсенъ. Въ 16 вѣкѣ возникаютъ еще пѣсни, которыя сочинены Яномъ Благославомъ. Написалъ Янъ Благославъ еще грамматику чешскаго языка. Подъ конецъ 16 вѣка (1579-1593) была имъ издана Кралицкая библія (Кралица - городъ въ Моравіи), меценатомъ которой былъ Янъ изъ Жерорина. Въ этой библіи Яну Благославу принадлежитъ переводъ Новаго Завѣта. Оригиналъ Кралицкой библіи находится въ Шаматулахъ (теперь - Познань).

Упомянемъ еще объ историческихъ сочиненіяхъ Сикста изъ Оттерслорфа, который написалъ исторію двухъ лѣтъ - 1546 и 1547 годовъ, и Вячеслава Гайка изъ Либочани, составившаго Хронику, которую онъ довелъ до 1527 года. Благодаря покровительству, Гаекъ имѣлъ возможность пользоваться цѣнными источниками, но все-таки его хроника не была серьезнымъ трудомъ, такъ какъ авторъ не столько собиралъ историческія справки, сколько фантазировалъ. Былъ писателемъ и Карлъ изъ Жеротина, сынъ Яна. Онъ покровительство-

валъ братской общинѣ, но не могъ все-таки ее отстоять. Умеръ Карлъ въ изгнаніи. Принадлежатъ ему "Записки о папскомъ судѣ" и "Апологія", въ которой Карлъ оправдывается въ взводимомъ на него бездѣйствіи.

Къ братской общинѣ втайнѣ принадлежалъ и другой писатель Адамъ В е л е с л а в и н ъ (Велеславъ - деревня къ сѣв.-зап. отъ Праги). Былъ Адамъ профессоромъ университета, но долженъ былъ выйти оттуда, потому что женился на дочери одного типографщика, послѣ смерти котораго и наслѣдовалъ типографію. Дѣло это онъ велъ такъ прекрасно, что получилъ прозвище "архитипографа". Главное произведеніе Велеславина "Историческій календарь". Велеславинъ былъ не только усерднымъ работникомъ, но и прекраснымъ стилистомъ; языкъ его до самаго недавняго времени считали образцовымъ. Большая часть трудовъ Велеславина - переводы и предисловія, да поправки къ издававшимся имъ произведеніямъ. Ученый іезуитъ Вальбинъ отзывается о немъ такъ:

"Quidquid doctum et eruditum Rudolpho II imperante in Bohemia lucem adspexit, Welesiawinum vel autorem, vel interpretem, vel ad extremum typographum habuit."

Самое славное имя въ этотъ періодъ, конечно, одного изъ "экзулантовъ" (эмигрантовъ, изгнанниковъ), Яна Амоса К о м е н с к а г о. Онъ принадлежалъ къ чешскимъ братьямъ и былъ ихъ предпослѣднимъ епископомъ. Предвидя конецъ братства, Коменскій написалъ "Завѣщаніе умирающей

матери обществу". Коменскій (Comenius) всемірно-извѣстный педагогъ. Былъ онъ спеціалистомъ по языкамъ и написалъ "Отпертую золотую дверь языковъ" - Janua linguarum reserata aurea. Это произведеніе знаменуетъ собою переворотъ въ преподаваніи языковъ, главнымъ образомъ латинскаго. Составилъ Коменскій еще "Четыреязычный живописный міръ чувственныхъ предметовъ" - Orbis sensualium pictus quadrilinguis - hoc est: omnium fundamentalium in mundo rerum et in vita actionum pictura et nomenclatura latina, germanica, hungarica et bohemica. Теорію преподаванія Коменскій изложилъ въ своей "Дидактикѣ".

Упомянемъ также объ историческомъ сочиненіи Коменскаго: "Исторія о тяжкихъ преслѣдованіяхъ чешской церкви" - Historia o těžkých protivenstvích církve české, по-латыни "Historia persecutionum". Отмѣтимъ еще религіозныя сочиненія: "Отверженіе міра" (Výhost světu), "Проповѣдническое искусство" (Umění kazatelské). Духовный характеръ носятъ и собственно литературныя произведенія Коменскаго. Таковъ его "Labyrint Světa a Ráj srdce", произведеніе, аллегорически повѣствующее о скитаніяхъ юноши въ поискахъ добра и счастья, подъ руководствомъ нѣкоего высшаго существа, знакомящаго его съ человѣческой жизнью въ разныхъ слояхъ общества; основная мысль, что вся жизнь - суета, и истинное счастье только въ сердцѣ добраго христіанина.

Писалъ Коменскій также стихи - метрическіе; у него

имѣется стихотворный переводъ псалмовъ.

Были у Коменскаго еще два крупныхъ произведенія: "Silva pansophinae" - научная энциклопедія и "Poklad jazyka českého" - Сокровищница чешскаго языка, надъ коей онъ работалъ много лѣтъ. Эти два произведенія погибли во время пожара города Лешна, въ Познани, при отвоеваніи его обратно поляками у шведовъ, города, гдѣ нѣкогда втилась братская община.

Въ Чехіи въ 17-18 вв., послѣ того какъ чехи, отложившіеся было отъ Габсбурговъ, потерпѣли въ началѣ 30-лѣтней войны, въ 1620 году, пораженіе близъ Праги на Бѣлой горѣ, мло гоненіе всего гуситскаго. По части возстановленія католичества особенно усердствовали іезуиты. Изъ нихъ, въ половинѣ 18-го вѣка, особенную извѣстность пріобрѣлъ Антонинъ Коніашъ, предавшій, по словамъ его біографа, тоже іезуита, огню болѣе 60.000 еретическихъ книгъ. Въ другихъ, не сплошь "зловредныхъ", онъ производилъ вырѣзки и помарки, что, впрочемъ, не всегда вело къ цѣли, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, еретики иногда вновь вписывали устраненныя мѣста. Коніашъ былъ, кромѣ того, краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Написалъ онъ обличительное сочиненіе, подъ заглавіемъ "Klíč, kacířské bludy k rozeznaní otvírající a k vykořenění zamykající" - Ключъ, еретическія заблужденія для познанія открывающій и для истребленія замыкающій. Дѣятельность іезуитовъ-ревнителей

очень ѣдко характеризована въ эпиграммѣ Карла Гавличка "Z historie české literatury:

České̀ch knížek hubitelé lití:

Plesnivina, moli, Jezoviti.

Болѣе почетнаго упоминанія заслуживаетъ другой іезуитъ - Матвѣй Вячеславъ Ш т е й р ъ (Šteyr, Štýr), основатель фонда для изданія благочестивыхъ книгъ на чешскомъ языкѣ: Dědictví (наслѣдство) Svatého Václava, положивъ въ основаніе пожертвованія свое и своей матери. Онъ же, вмѣстѣ съ Кріемъ Константиномъ и Яномъ Барверомъ, издалъ новый, католическій переводъ Библіи - Святовячеславскую библію.

Самый выдающійся писатель между іезуитами былъ Богуславъ Людвикъ Б а л ь б и н ъ (ум. въ 1688 г.). Отличился, какъ католическій миссіонеръ между чешскими братьями, а потомъ, какъ преподаватель, успѣлъ пріобрѣсти любовь своихъ учениковъ. Притомъ онъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, отнюдь не сочувствовалъ истребленію вольнодумныхъ книгъ. Писалъ онъ много, но только по-латыни. Плодомъ ревностныхъ занятій отечественной исторіей явился очеркъ чешской исторіи. Книга эта по самому предмету возбудила подозрѣнія и не сразу была разрѣшена; автора даже сослали на покаяніе. Въ заточеніи Бальбинъ написалъ свою "Dissertatio apologetica pro lingua slavica, praecipue bohemica", первоначально озаглавленную "De regni Bohemiae felici quondam, nunc calamitoso statu". Напечатана она была по-латыни и въ

чешскомъ переводѣ, лишь во время возрожденія. Бальбиномъ было задумано еще обширное сочиненіе "Miscellanea historica regni Bohemiae", которое, въ 20-ти книгахъ, должно было содержать всевозможныя географическія, этнографическія, древностныя, историческія и литературныя свѣдѣнія; но онъ не успѣлъ его додѣлать. Часть этого сочиненія, откуда у насъ ранѣе приведена выписка на счетъ Велеславина, была издана въ концѣ 18-го вѣка, это - Bohemia docta.

Восемнадцатый вѣкъ - время почти полнаго застоя и смертвѣнія чешской литературы; но въ концѣ его народъ пробудился для новой жизни. Толчокъ дали преобразованія императора Іосифа II-го. Іосифъ желалъ быть отцомъ своихъ подданныхъ, любилъ просвѣщеніе, отвергалъ клерикализмъ: народъ подъ нимъ вздохнулъ свободнѣе, орденъ іезуитовъ былъ закрытъ. Однако этотъ монархъ видѣлъ благо своихъ народовъ въ единствѣ и въ просвѣщеніи, орудіемъ которыхъ долженъ былъ служить нѣмецкій языкъ, введенный при немъ въ управленіе и въ школы, взамѣнъ латинскаго. Но эта мѣра не убила чешскій языкъ и литературу, а, напротивъ того, придала имъ новыя силы: народное чувство, легко мирившееся съ космополитическою латынью, возмутилось попыткой онѣмеченія. Проснулась любовь къ своему прошлому, къ своему народу и языку, а власти, хотя и не сочувствовали этимъ стремленіямъ, были слишкомъ гуманны, чтобы подавить его насильственно. Конечно, возрожденіе было бы невозмож-

но, если бы чехи были окончательно обезличены: но чешскій духъ, конечно, безсознательно жилъ въ простонародьѣ, да не вовсе угасалъ и въ интеллигенціи.

Дѣятели чешскаго возрожденія. Научные труды и произведенія изящной словесности.

Въ концѣ 18-го столѣтія выступаетъ рядъ ученыхъ, являющихся первыми дѣятелями чешскаго "возрожденія". Въ тиши кабинетовъ зарождались мысли, завѣдшія себѣ потомъ воплощеніе въ жизни, притомъ успѣхъ превзошелъ чаянія первыхъ начинателей, ученыхъ-теоретиковъ, даже писавшихъ больше по-нѣмецки и по-латыни.

Первымъ въ этомъ ряду былъ Гелазій Д о б н е р ъ, піаристъ (піаристы или піары, fratres scholarum piarum, - это монашескій орденъ, основанный въ 17-омъ вѣкѣ съ цѣлью воспитанія юношества). Добнеръ издалъ памятники чешской исторіи: "Monumenta historica", издалъ, съ комментаріями, Гаекову хронику. Возбужденный его стараніями интересъ къ наукѣ и къ родной старинѣ выразился въ основаніи ученаго общества, въ числѣ занятій коего входила чешская исторія, и кое, съ 1784 года, стало называться "Королевскимъ обществомъ наукъ". Выдающимися дѣятелями этого об-

ства явились Зельцель, Фойгтъ, Дурихъ, Прохазка и, прозванный патріархомъ славистики, Добровскій.

З е л ь ц е л ь былъ первымъ преподавателемъ чешскаго языка и литературы въ Пражскомъ университетѣ - каѳедра учреждена въ 1792 году. Написалъ онъ чешскую грамматику, опредисловленную Добровскимъ. Издалъ Вальбинову "Защиту чешскаго языка", а вмѣстѣ съ Добровскимъ - "Scriptores rerum bohemicarum". Изъ историческихъ работъ, по оказанному ею вліянію, особенно замѣчательна краткая чешская исторія, напущенная имъ по-нѣмецки и въ болѣе подробной, но неоконченной чешскій обработкѣ: "Nová kronika česká".

Писательская дѣятельность Фортуната Д у р и х а, крупнаго ученаго, практическаго значенія не имѣла.

Фаустинъ П р о х а з к а переиздалъ въ исправленномъ видѣ, въ 1780-омъ году, католическую библію, а впослѣдствіи еще разъ обработалъ, причемъ Новый Завѣтъ вновь перевелъ съ греческаго. Прохазка перепечатывалъ для народа старочешскія книги. Послужилъ онъ народному дѣлу также какъ начальникъ гимназій и какъ библіотекарь Пражскаго университета.

На послѣднемъ посту предшественникомъ его былъ Карлъ Рафаилъ Унгаръ, ревностный собиратель старочешскихъ книгъ, издатель Вальбиновской "Bohemia docta".

Самая яркая звѣзда въ плеядѣ чешскихъ ученыхъ конца 18-го и начала 19-го вѣка, это - аббатъ Іосифъ Д о б р о в-

с к і й . Былъ онъ сыномъ офицера. Воспитаніе получилъ на нѣмецкомъ языкѣ, но впослѣдствіи отдавалъ предпочтеніе чешскому, хотя для научныхъ цѣлей пользовался нѣмецкимъ и латинскимъ. По окончаніи богословскаго факультета Добровскій поступилъ было въ іезуитскій орденъ, который, однако, вскорѣ послѣ того закрыли. Тогда Добровскій принялъ мѣсто домашняго учителя у графа Нострица, гдѣ онъ познакомился съ Пельцлемъ, который, вмѣстѣ съ Дурихомъ, побудилъ его къ изученію чешскаго языка и литературы. Посвященный затѣмъ въ духовное званіе, онъ сдѣлался ректоромъ "Генеральной семинаріи", а когда ту, немного спустя, закрыли, опять жилъ у Нострицевъ.

Изъ трудовъ Добровскаго отмѣтимъ Institutiones linguae slavicae veteris dialecti, изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи, переведенное съ нѣмецкаго языка на русскій Погодинымъ, Исторію чешскаго языка и старѣйшей литературы (Geschichte der böhmischen Sprache und älteren Litteratur), нѣмецко-чешскій словарь, и ученые, такъ сказать, альманахи Slavin и Slovanka. Добровскій, хотя и былъ кабинетнымъ ученымъ, все-таки чувствовалъ себя славяниномъ и чехомъ. Онъ только не надѣялся и увѣровалъ лишь подъ конецъ своей жизни, что чешскій народъ можетъ возродиться, чему, однако, самъ много содѣйствовалъ. Есть и прямыя доказательства, что Добровскій всегда любилъ родной языкъ: въ 1791-омъ году, въ засѣданіи Королевскаго богемскаго общества наукъ, въ присут-

ствіи императора Леопольда, онъ читалъ рѣчь, гдѣ обращался къ тому съ просьбою объ охранѣ чешскаго народа отъ насилія - о предоставленіи ему права пользоваться дорогимъ своимъ языкомъ. Отрицательное отношеніе Добровскаго къ пресловутымъ древнѣйшимъ памятникамъ чешскаго языка (Любушину суду и Евангелію отъ Іоанна), кое ставили ему въ упрекъ болѣе пылкіе патріоты, объясняя его притомъ иногда находившимъ на него подъ конецъ жизни сумасшествіемъ, доказываетъ только трезвость его взгляда и честность характера.

Уже во второй половинѣ 18-го вѣка опять начинаютъ иногда писать по-чешски, но употребленіе чешскаго языка въ это время считаютъ нужнымъ оправдывать, доказывать его умѣстность. Въ 1774-омъ году графъ Францъ Кинскій пишетъ въ такомъ смыслѣ "Напоминаніе чеха о важномъ предметѣ" (Erinneringen eines Böhmen über einen wichtigen Gegenstand); Пельцель издаетъ апологію Бальбина; священникъ Іосифъ Таборскій, выпуская описаніе чешскихъ городовъ, мѣстечекъ и замковъ ("Krátké vypsaní země české, aneb známost všech měst, městeč, hradů" и т.д.), въ предисловіи помѣщаетъ горячее слово за народъ и языкъ чешскій, ставя надъ нимъ эпиграфъ: позорно быть чужимъ въ отечествѣ - Turpe est peregrinum esse in patria; моравянинъ Алоизій Ганка изъ Ганкенштейна пишетъ рекомендацію чешскаго языка - Empfehlung der böhmischen Sprache; Карломъ Тамомъ была издана

Защита чешскаго языка отъ злостныхъ нападчиковъ: Obrana jazyka českého proti zlobivým jeho utrhačům.

Въ концѣ 18-го и въ началѣ 19-го вѣка издается и перепечатывается цѣлый рядъ старочешскихъ сочиненій: хроники Далимила и Пулкавы, Лабиринтъ свѣта, стихотворенія Ломницкаго; Вячеславъ Ганка, по порученію Добровскаго, выпускаетъ сборникъ Starobylá skládanie.

Какъ выдающихся, уже вполнѣ сознательныхъ, дѣятелей возрожденія отмѣтимъ Антонина Ярослава П у х м а й е р а (Puchmayer или Puchmír), Войтѣха и Яна Нейллыхъ, Себастьяна Г н ѣ в к о в с к а г о, Франца Яна Т о м с у (издавшаго прекрасную книгу "Объ измѣненіяхъ чешскаго языка съ чешской христоматіей": Über die Veränderungen čechischen Sprache nebst einer čechischen Chrestomathie), Вячеслава Т а м а (брата Карла), драматурга. Стихи сочиняли Вячеславъ Тамъ, Пухмайеръ, Гнѣвковскій, Вячеславъ Нейллый, между коими, однако, не было крупнаго таланта, хотя, радуясь оживленію родной словесности, они склонны были восхвалять другъ друга. Изъ нихъ Пухмайеръ первый завелъ, по теоріи Добровскаго, тоническій размѣръ, коимъ писалъ басни, притчи и духовныя оды.

При возстановленіи литературы возникалъ вопросъ, какого придерживаться языка. Явъ Нейллый рѣшительно стоялъ за "классическій" языкъ Велеславина. Но возобладало направленіе, не чуждавшееся новшествъ, безъ коихъ трудно было

и обойтись для выраженія новыхъ понятій. Не мало недостававшихъ словъ было заимствовано у русскихъ и поляковъ, а также вновь сочинено. Стремясь къ чистотѣ языка и отвергая варваризмы ("пуризмъ"), чехи устранили массу пришлыхъ словъ, даже театръ, напр., называется своимъ словомъ - d i v a d l o , отъ divati se - смотрѣть. Возникалъ и вопросъ о правописаніи, въ коемъ съ большей послѣдовательностью провели Гусовскіе принципы. По части стихотворства спорили о размѣрѣ: одни стояли за тонику, другіе - за метрику. Какъ Коменскій и др., подъ классическимъ вліяніемъ, писали метрически, такъ, по нѣмецкому образцу, перешли было къ тоникѣ; потомъ вѣсы склонились опять въ пользу метрики, и установилось употребленіе то первой, то второй, смотря по характеру стихотворенія; въ новѣйшее же время метрика совсѣмъ вышла изъ употребленія.

Изъ интеллигенціи патріотизмъ проникъ и въ простой народъ, въ коемъ осмыслилъ то, что продолжало въ немъ жить, какъ безсознательное чувство :- много дѣятелей выходило изъ простонародья. Немало содѣйствовало возрожденію и духовенство, правда, антигуситское, но не антинародное и выходившее изъ народа.

Въ 1818 году, какъ центръ чешскаго просвѣщенія, былъ основанъ Народный музей, съ библіотекой; при немъ съ 1827 года сталъ издаваться журналъ, по мысли Палацкаго, поддержанной графомъ Каспаромъ Штернбергомъ, противъ Доб-

ровскаго, также на чешскомъ языкѣ, рядомъ съ нѣмецкимъ. Нѣмецкій журналъ вскорѣ прекратился, а чешскій доннѣ выходитъ - это Časopis Musea království Českého. Въ новѣйшее время возникъ въ Прагѣ, при нѣмецкомъ, чешскій университетъ (въ 1882 году), а также чешская академія (въ 1891). Въ связи съ возникновеніемъ музея находилось появленіе ряда старочешскихъ памятниковъ, упомянутыхъ у насъ ранѣе, - памятниковъ, возбудившихъ сразу сильныя сомнѣнія, а теперь окончательно отвергнутыхъ всѣми серьезными учеными, но много посодѣйствовавшихъ подъему народнаго духа.

Отмѣтимъ теперь выдающихся писателей возрождавшейся чешской литературы.

Іосифъ Юнгманъ (1773-1847 г.) былъ сыномъ крестьянина. Учился на факультетахъ юридическомъ и философскомъ (филологіи). Сдѣлавшись учителемъ, преподавалъ также чешскій языкъ, безплатно, въ гимназіи и въ духовной семинаріи. Ему принадлежатъ капитальные труды по чешскому языку и словесности: словарь и исторія литературы. Вмѣстѣ съ Яномъ Преслемъ, медикомъ и естественникомъ, издавалъ научный журналъ "Krok" (Крокъ - миѳическій чешскій князь, мудрый отецъ мудрой Любуши), гдѣ они разрабатывали научную терминологію. Юнгманъ стоялъ за правописаніе Добровскаго, противъ Неѣлаго, и за обогащеніе языка заимствованіями у другихъ славянъ. Изъ его литературныхъ

произведеній главные - два перевода, съ англійскаго и съ французскаго: "Потерянный рай" Мильтона и "Атала" или любовь двухъ дикарей въ пустынѣ Шатобріана.

Лѣтъ на 20 моложе былъ уже встрѣчавшійся намъ не разъ, особенно какъ благодѣльный обманщикъ, Вячеславъ Г а н к а. Тоже сынъ крестьянина, правда зажиточнаго, только съ 16-ти лѣтъ началъ правильное ученіе въ гимназіи и въ университетѣ. Уже ранѣе практически познакомившись, отъ солдатъ, съ нѣсколькими славянскими языками, потомъ учился славистикѣ у Добровскаго, который направилъ его и на изданіе старочешскихъ памятниковъ. Ганка состоялъ библіотекаремъ Чешскаго музея. Былъ онъ рѣшительнымъ славянолюбомъ и руссофиломъ, чая отъ Россіи спасенія. Ему принадлежитъ переводъ "Слова о полку Игоревѣ", а также народныхъ пѣсенъ, польскихъ и сербскихъ: Prostonárodní srbská musa do Čech převedená. Въ числѣ его собственныхъ, мелкихъ, стихотвореній есть вещи недурныя, изъ коихъ отмѣтимъ проповѣдь патріотизма, въ видѣ русской народной пѣсни, начинающейся въ переводѣ такъ:

Родила меня моя матушка
Въ зеленомъ саду, между цвѣточками.

Мать говоритъ, что еслибъ она знала, что сынокъ будетъ добрымъ чехомъ, она постлала бы ему постельку изъ розъ, а, зная, что онъ будетъ предателемъ, завернула бы въ рогожку и бросила бы въ терновникъ.

Рядомъ съ Ганкою ранѣе уже были упомянуты менѣе крупные дѣятели, бывшіе иногда его сотрудниками, Іосифъ Линда и Вячеславъ Алоизій Свобода.

На литературномъ поприщѣ, какъ стихотворецъ, переводчикъ Аристофановыхъ "Облаковъ" и Шиллеровской "Маріи Стюартъ", выступаетъ также, знаменитый какъ ученый, Павелъ Іосифъ Ш а ф а р и к ъ . Родомъ словакъ, сынъ пастора, онъ получилъ школьное образованіе на родинѣ, а университетское въ Германіи - въ Іенѣ. Матеріальное положеніе его было неблестящее, состоялъ онъ преподавателемъ, школьнымъ и домашнимъ, краткое время - университетскимъ, подъ конецъ жизни университетскимъ библіотекаремъ. Нѣкоторое время ему пришлось пользоваться денежной поддержкой своихъ друзей, явившихся, такимъ образомъ, меценатами его ученыхъ трудовъ на чешскомъ языкѣ, изъ коихъ вспомнимъ Славянскія древности и Славянскую этнографію (Slovanské starožitnosti, Slovanský národopis) и рядъ изслѣдованій о кириллицѣ и глаголицѣ и о разныхъ явленіяхъ славянскихъ языковъ. Вмѣстѣ съ Палацкимъ, подъ общимъ псевдонимомъ Яна Благослава Велединта, издалъ Начала чешской поэзіи: "Počátkové českého básnictví", гдѣ они, съ внутренней стороны, возстаютъ противъ сентиментализма, а съ внѣшней - противъ тоническаго размѣра, за метрическій.

Упомянутый только что и встрѣчавшійся намъ раньше Францъ П а л а ц к і й , окончавшій въ 1876 году, ро-

домъ моравянинъ, въ изящной литературѣ выступаетъ, какъ переводчикъ знаменитыхъ въ свое время пѣсенъ Оссіана (якобы старошотландскихъ, оказавшихся затѣмъ поддѣлкою издателя, Макферсона). Палацкій :- видный политическій дѣятель: предсѣдательствовалъ въ 1848-омъ году на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, былъ затѣмъ народнымъ вождемъ ("старочешской" партіи). Знаменитъ онъ какъ историкъ, выпустившій, послѣ продолжительной работы въ архивахъ и изданія ряда памятниковъ, Исторію Чехіи, по-нѣмецки и почешски, до 1526 года.

Какъ главный поэтъ возрожденія, пѣвецъ панславизма, долженъ быть отмѣченъ Янъ Колларъ (1793-1852г.), словакъ, сынъ крестьянина. Учиться онъ сталъ противъ воли отца, причемъ самъ содержалъ себя уроками. Собравъ небольшія средства, онъ отправился изучать протестантское богословіе въ Іену. Былъ затѣмъ пасторомъ въ Пештѣ, гдѣ пришлось отстаивать земляковъ отъ мальяръ. Подъ конецъ жизни сдѣлался профессоромъ славянскихъ древностей въ Вѣнѣ. Въ Германіи Колларъ написалъ, впослѣдствіи дополнявшееся имъ, главное свое произведеніе "Дочь Славы", вышедшее первоначально, въ 1821-омъ году, подъ заглавіемъ стихотворенія ("Básně"). Здѣсь отразилось, съ одной стороны, патріотическое настроеніе мѣстной университетской молодежи (у той, конечно, въ нѣмецкомъ духѣ) и юбилейное празднованіе Реформаціи, а съ другой :- воспоминаніе о прежнихъ

славянскихъ обитателяхъ береговъ Лабы и Сали (по-нѣмецки Elbe, Saale).

Съ любовью къ своему племени у Коллара переплеталась другая любовь - къ дочери одного пастора, Фредерикѣ Шмидтъ, на которой онъ, значительно позднѣе, послѣ того, какъ одно время уже считалъ ее умершей, женился. Фредерика, называемая имъ Миной, происходила отъ славянскихъ предковъ, и поэтъ на этомъ основаніи называетъ ее славянкой (онъ, впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ своей поэмы утверждаетъ, что Мина обучала его "своему" серболужицкому языку). Подобно тому, какъ у Данта Беатриса, проводница его по раю, является сліяніемъ земной любви и высшихъ духовныхъ стремленій, и у Коллара его возлюбленная представляетъ изъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ воплощеніе славянства. При помощи ея и Амура (Милка) поэтъ чудеснымъ образомъ навѣщаетъ разныя славянскія области, а также славянскій рай и адъ. "Slávy dcera" не настоящая поэма, а рядъ стихотвореній, связанныхъ лишь нѣкоторою послѣдовательностью событій, а не разъ даже только общностью содержанія. Она состоитъ изъ Вступленія (Předzpěv), писаннаго дистихами (гекзаметро-пентаметромъ, метрически) и болѣе 600 сонетовъ (такъ въ послѣдней, распространенной редакціи).

Колларъ поетъ свою любовь къ Чехіи и къ "Славіи" или "Всеславіи", и вмѣстѣ съ тѣмъ любовь къ Минѣ, превозноситъ славныя дѣла предковъ, и ратуетъ противъ иностранныхъ при-

тѣснителей и туземныхъ измѣнниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рисуетъ картину великаго общеславянскаго будущаго. Поэма въ свое время была принята съ восторгомъ, да и теперь еще популярна, но она несомнѣнно растянута, и въ ней слишкомъ много ученаго балласта, хотя есть мѣста полныя живого чувства и высокой поэзіи.

Тѣ же идеи, какъ въ стихахъ, Колларъ проповѣдывалъ и въ прозѣ, брошюрою "О литературной взаимности между различными племенами и нарѣчіями славянскаго народа", вышедшей по-чешски и по-нѣмецки, и переведенной на русскій языкъ Срезневскимъ (Отечественныя Записки, 1840 г.). У Коллара есть также труды по славянскимъ древностямъ, однако крайне фантастичные: "Sláva Bohyně a původ (происхожденіе) jména Slavův čili Slavjanův", "Staroitália slavjanská" и др. Про Коллара было сказано, что онъ поэтъ въ наукѣ и ученый въ поэзіи; первое вполнѣ справедливо, да и второе, съ нѣкоторой оговоркой, должно признать.

Лучшимъ чешскимъ поэтомъ, до новѣйшихъ временъ, считался Францъ Ладиславъ Ч е л я к о в с к і й, умершій въ 1852 году. Сынъ столяра, онъ, однако, получилъ не только низшее, но также среднее и высшее образованіе; по спеціальности онъ былъ славистомъ. Одно время жилъ въ бѣдности, едва содержа себя корректурой и переводами. Хотѣли было пригласить его, вмѣстѣ съ Шафарикомъ и Ганкою, въ Россію, въ Академію Наукъ, но вызовъ ихъ не состоялся.

Былъ Челяковскій затѣмъ редакторомъ газеты Pražské Noviny, при коей сталъ издавать литературное приложеніе - "Česká včela". По смерти Нейдлаго Челяковскій занялъ кафедру чешскаго языка въ университетѣ, но лишился ея, а также редакторства, за высказанныя имъ симпатіи къ полякамъ-повстанцамъ. Побывъ послѣ того библіотекаремъ у графини Кинской, онъ получилъ каѳедру въ Германіи, въ Бреславлѣ, а впослѣдствіи опять въ Прагѣ.

Челяковскому принадлежатъ хорошія учебныя работы: параллельное изданіе славянскихъ пословицъ (Mudrosloví národu slovanského v příslovích), гдѣ указаны параллели иноязычныя, и вышедшія лишь послѣ его смерти "Чтенія по сравнительной славянской грамматикѣ" и "Чтенія о начаткахъ славянской образованности и литературѣ".

Что касается поэтическихъ произведеній Челяковскаго, то первыя его стихотворенія и переводы изъ Гердера, Вальтера Скотта не возбудили особеннаго вниманія, но въ 1829-омъ году большой успѣхъ выпалъ на долю искуснаго подражанія русской народной поэзіи: "Ohlas písní ruských". Впослѣдствіи вышелъ столь же удачный "Ohlas písní českých". Еще славится циклъ лирическихъ стихотвореній, нѣсколько напоминающихъ Колларовскую "Дочь Славы", какъ связанныя единствомъ любовнаго и патріотическаго мотива, а также одинаковостью формы, это:- Столистая роза (Růže stolistá). Вотъ, какъ образецъ, одно изъ составляющихъ этотъ

циклъ стихотвореній: "Роскошный конь наша рѣчь, облагороженной стати, по безграничности онъ служдаетъ пугливо, какъ сынъ дорогóй свободы. Голову онъ гордо на воздухъ взбрасываетъ, изъ глазъ бьетъ молнія и молнія, изъ ноздрей дымъ и искра мечетъ, шерсть на немъ - шолковый блескъ. А, когда летитъ, его грива съ теченіемъ вѣтровъ игриво сливается; когда же слегка поскакиваетъ, онъ греческимъ тактомъ пляшетъ".

Bujný oř jest mluva naše,
ušlechtilé úrody;
bezmezím se toulá plaše,
jak syn drahé svobody.

Hlavu pušně na ozduch sází,
z očí šlehá blesk a blesk,
z nozder dým a jiskry bázní;
plet' po něm - hedbávný lesk.

A kdy letí, jeho hříva
s proudem větrů bravě splývá;
kdy však zvolna harcuje,
řeckým taktem tancuje.

Младшимъ современникомъ упомянутыхъ дѣятелей былъ Янъ Сразмъ В о ц е л ь , также ученый и писатель, умершій въ 1371 году. Уже въ юности онъ писалъ чешскіе стихи, но затѣмъ сталъ писать по-нѣмецки и лишь впослѣдствіи вернулся къ чешскому языку. Его произведенія: поэма "Přemyslovci", "Meč a kalich (чаша)" - событія 14-15 вв., и "Labyrint slávy". Изъ ученыхъ трудовъ отмѣтимъ его "Pravěk země české".

Ученымъ и стихотворцемъ былъ также Карлъ Яромиръ

Э р б е н ъ . По образованію онъ былъ юристомъ и, какъ таковой, участвовалъ въ комиссіи для выработки чешской научной терминологіи, подъ предсѣдательствомъ Шафарика. По архивнымъ работамъ Эрбенъ былъ сотрудникомъ Палацкаго. Издавалъ онъ акты (Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae), произведенія литературы старочешской и новой, народной: Prostonárodní české písně a říkadla (договорки) и всеславянскую хрестоматію "Сто сказокъ (Sto pohádek)" Какъ его собственное произведеніе, слѣдуетъ отмѣтить сборникъ балладъ въ чешскомъ народномъ духѣ: - Букетъ изъ народныхъ преданій: "Kytice z pověstí národních".

Какъ вчинитель чешскаго байронизма, долженъ быть отмѣченъ Karel Hynek (Генрихъ) Mácha (1810-1836 г.). Маха по спеціальности былъ юристъ; умеръ отъ простуды при тушеніи пожара. Маха - лирикъ и эпикъ: особенно извѣстна его поэма "Май" (казнь отцеубійцы изъ ревности); другая поэма, "Mnich", осталась недоконченной. Неоцѣненный при жизни, Маха потомъ пользовался нѣкоторое время преувеличеннымъ поклоненіемъ. Мрачный взглядъ его на жизнь не допускной, а соотвѣтствовалъ его безотрадной жизни.

Карлъ Г а в л и ч е к ъ (Karel Havlíček Borovský) родился въ 1821 году, умеръ въ 1856-омъ. Это либеральный журналистъ и поэтъ, авторъ эпиграммъ - ему принадлежитъ вышеприведенная противъ іезуитовъ, "Тирольскихъ элегій"

(связанныхъ съ его заключеніемъ въ тирольской крѣпости Виксенѣ) и "Крещеніе св. Владимира" - юмористическая, неоконченная поэма.

Совсѣмъ въ иномъ родѣ писалъ Витеславъ Г а л е к ъ, умершій въ 1874-омъ году. Ему принадлежатъ лирическіе циклы "Večerní písně" и "V přírodě".

Вотъ одно стихотвореніе Галька, въ переводѣ лектора:

Благословенъ помазанный
Въ пѣвцы Господней дланью:
Взглянулъ онъ въ глубь людскимъ душáмъ
И Божью начертанью.

Онъ знаетъ малыхъ пташекъ пѣснь,
И гимнъ міровъ великій;
Біенье сердца понялъ онъ,
При плачѣ и при ликѣ.

Что тайно всѣмъ, онъ ясно зритъ,
Обнявъ весь свѣтъ пространный, -
Онъ вождь народа Божьяго
Къ землѣ обѣтованной.

Онъ властелинъ обширныхъ царствъ,
Онъ жрецъ святого дѣла -
О! сколько, въ вѣчной красотѣ,
Въ немъ кладовъ заблестѣло!

Отмѣтимъ еще какъ стихотворца Адольфа Г е й д у к а

(Heyduk), извѣстнаго своими картинками изъ словацкой жизни и природы: "Тарелки и скрипка" (Cymbál a housle).

Лучшимъ своимъ поэтомъ чехи считаютъ Ярослава Верхлицкаго (Vrchlický - настоящимъ именемъ - Emil Bohuš Frida). Онъ родился въ 1853 году, скончался въ 1912-омъ. Былъ учителемъ и чиновникомъ, а подъ конецъ жизни, получивъ почетнаго доктора, профессоромъ чешскаго университета по всеобщей литературѣ и членомъ чешской академіи. Верхлицкій - чрезвычайно разносторонній сочинитель и переводчикъ съ разныхъ языковъ. Изъ его произведеній особенно славится драма "Баръ-Кохба" (Баръ-Кохба, по-еврейски "Сынъ Звѣзды"). Это - полуисторическая личность, вождь-Мессія, при императорѣ Адріанѣ; боровшись сначала успѣшно противъ римлянъ, онъ гибнетъ отъ собственныхъ ошибокъ и измѣны своихъ. Изъ многочисленныхъ стихотворныхъ сборниковъ Верхлицкаго выдаются "Epické básně" и философскій (пантеистичный) циклъ "Duch a svět", распадающійся на отдѣлы "Ohlas pravěku", "Hellenské motivy", "Osm legend středověkých" и "Problémy". Въ Верхлицкомъ ученый и мыслитель иногда заслоняетъ поэта, а общечеловѣчность - народность; послѣднее обстоятельство дѣлаетъ его, чрезвычайно заслуженнаго въ качествѣ обогатителя чешской литературы, менѣе интереснымъ со славянской точки зрѣнія.

Славой лучшаго эпика пользуется Святополкъ Ч е х ъ (родился въ 1846 г.). Извѣстны его поэмы "Адамитъ" (религіозная секта), "Черкесъ", повѣсть - Kandidát nesmrtelnosti (начинающій писатель), рядъ шуточныхъ стихотвореній. Состоитъ редакторомъ журнала Květy.

Особенно какъ беллетристъ (жанристъ) извѣстенъ Янъ Н е р у д а . Отмѣтимъ его "Malostranské povídky" - (Mala strana - часть Праги) повѣсти.

Еще изъ повѣствователей укажу Яна Х о л о л о у ш к а , Вочену Н ѣ м ц е в у, Каролину С в ѣ т л у х у Элишку К р а с н о г о р с к у ю . Изъ трехъ названныхъ писательницъ большую извѣстность пріобрѣла первая, своей повѣстью "Бабушка", гдѣ живо нарисованъ симпатичный образъ старушки-крестьянки.

Нашъ перечень писателей, не всегда строго хронологическій, захватилъ отчасти наши дни; но останавливаться на новѣйшей литературѣ, о коей такъ трудно судить основательно и безпристрастно, мы не будемъ. Уже то, что нами отмѣчено, показываетъ, что молодая новочешская литература въ разныхъ областяхъ достигла значительнаго развитія.

------ooooo00000ooooo-----

СОДЕРЖАНІЕ КУРСА.

Начало славянской письменности. Дѣятельность Первоучителей . . . . . 3.

Вопросъ о славянскомъ письмѣ . . . . . 9.

Болгарская литература. Писатели "золотого" вѣка . . . . . 17.

Богумильство. Попъ Іеремія. Памятники историческіе . . . . . 22.

XVI вѣкъ. Турецкое иго. Народныя черты въ литературѣ . . . . . 25.

Славеноболгарская исторія Паисія. Болгарское возрожденіе. Венелинъ. Раковскій . . . . . 31.

Дальнѣйшій ходъ просвѣщенія. Писатели-меценаты . . 38.

Патріотическое направленіе. Писатели-журналисты. Художественная проза . . . . . 41.

Иванъ Вазовъ, Ленчо Славейковъ и другіе новѣйшіе писатели . . . . . 46.

Древнѣйшія сербскія литературныя произведенія . . . . . 58.

Общія замѣчанія о хорватахъ. Характеристика далматинской литературы . . . . . 64.

Обзоръ важнѣйшихъ далматинскихъ писателей . . . . . 70.

Новая сербская литература. Реформа языка и правописанія . . . . . 84.

Хорватская литература. Иллирское возрожденіе . . . . . 95.

Словенская литература. Францъ Прешернъ . . . . . 99.

Христіанство и просвѣщеніе у чеховъ. Богослужебные памятники и духовно-поучительныя произведенія . . . . . 114.

Поэзія рыцарская. Повѣсть объ Александрѣ Великомъ . . . . . 123.

Любушинъ Судъ, Краледворская рукопись и другіе подложные памятники . . . . . 129.

Произведенія сатирическія, дидактическія, мистеріи, хроники и др. . . . . 140.

Національное движеніе чеховъ. Отраженіе его въ литературѣ . . . . . 146.

"Золотой" вѣкъ чешской литературы. Дѣятельность іезуитовъ . . . . . 154.

Дѣятели чешскаго возрожденія. Научные труды и произведенія изящной словесности . . . . . 161.
